

Продолженіе (второе) брошюры «Современныя Школа и
Семья и ихъ Послѣдствія».

ЛУЧЪ СВѢТА!... въ „Животрупность“, окружившую пьесу Л. Толстого!

Проектъ уничтоженія явныхъ противорѣчій въ „Живомъ Трупѣ“, въ строгомъ согласіи съ указанной самимъ Л. Толстымъ идеей и цѣлью пьесы!

Барона К. В. КАУЛЬБАРСЪ.

(Конструкторъ «Переломовъ»).

Газетамъ разрѣшается перепечатка, но... только «цѣликомъ»!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
«Русско-Французская» типографія, Офицерская ул., 6.

1912.

Предисловіе.

Въ приложенной тутъ статьѣ „Лучъ Свѣта“, доказывающая нашу „обязанность“ очистить „Живой Трупъ“ Л. Толстого отъ явныхъ „противорѣчій“, созданныхъ во всякомъ случаѣ не „душевною волею Толстого“, говорится, между прочимъ, объ „Истинномъ Божественномъ Однозаконіи“; а „выпиской“ цитируется и его текстъ (страница 15-ая). Лицамъ незнакомымъ съ моими прежними брошюрами и статьями на эту тему, кое-что можетъ показаться неяснымъ, на сколько это касается деталей. Поэтому напомню: что брошюра „Современная Школа и Семья и ихъ Послѣдствія“ была выпущена уже въ 1899-мъ году, одновременно „Русскимъ Трудомъ“ „Гражданиномъ“ и „Котлинымъ“, а первое продолженіе этой брошюры, тѣми-же органами, въ 1901-мъ году. Лучшимъ освѣщеніемъ для моей сегодняшней темы послужатъ слѣдующія части этихъ брошюръ: „Гражданское Судопроизводство“ — „Моисей, снова на землѣ“, и его „Совѣщаніе съ Менеликомъ“ (Беседа „Истинной Законности“ съ „Самодержцемъ“) и „Сказка о добромъ Царѣ, исполнившемъ просьбу своихъ дѣтей: одѣть ихъ въ новое, чужое, „высоко-научное“, платье“! (Все это разошлось и сохранилось лишь въ „Публичной Библіотекѣ“). Дальнѣйшее развитіе эти мысли получили въ газетѣ „Котлингъ“ (Кронштадтъ) въ цѣломъ рядѣ статей, и примѣрами изъ „практики“, доказавшіе жизненность указанного мною „Правильнаго Толкованія Указаній Моисея и Христа“. Изъ нихъ заслуживаютъ особое вниманіе: „Странные Юристы“ и ихъ продолженіе: „Послѣдствія Отсутствія Истиннаго Божественнаго Однозаконія“ — „Право Каши“ чловѣческаго Многозаконія“ — единственный естественный и всегда функционирующій отдѣлъ Науки — (создающее Ложь, т. е. „Корректность при Многограбѣжн“, но и „Корректность при Самообманѣ и Самоуничтоженіи“).*) Дальше слѣдуютъ статьи: „Вновь собираются исрасходовать сотни милліоновъ на портостроительство!

*) Тутъ-же, на основаніи простого и яснаго принципа „Истиннаго Божественнаго Однозаконія“, указана: реформа Государства, Судовъ, Гос. Думы, системы выборовъ (чиновниковъ и депутатовъ) реформа Школъ и т. д. И все сводится: къ неизбежному для „господина чловѣка“: служенію дѣлу — т. е. *присягѣ!*

Но... известно-ли, что искусственная и постоянная закупорка наших портовъ, или защищенныхъ рейдовъ, и дигнирование естественныхъ гаваней—ничѣмъ не отличается отъ... системы? Отдѣль: Замалчиваніе не есть неуязвимость!“ и т. д. и т. д. Статьи эти являются дополненіемъ, т. е. „примѣрами“ освѣщающими правильность указанного мною „Нестинаго Божественнаго Однозаконія“, принципа: „Абсолютнаго Противуворетва“, неумолимо наказывающаго: за „неслуженіе долгу“ т. е. присягѣ и „долгомъ ближнему“ и создающаго: невозможность *удержать* награбленное, помощью человѣческаго многозаконія и „Научныхъ Судовъ“, т. е. создающее *безцѣльность* обидъ и „корректныхъ грабежей“, созданныхъ, Европейской юридической Наукою, Наукою „Условнаго Противуворетва“! Изъ отзывовъ по поводу этихъ статей заслуживаетъ особое вниманіе (Котлингъ № 72, 1911 года), въ силу своей искренности, статья Sanda (Здоровье) и нарушившее „искусственное замалчиваніе“ этихъ статей печатью, требующей: „Лжи, въ извѣстномъ направленіи“—но не терпящей: „Абсолютной Правды“—почему „Правдисту“: *и не подобаетъ* тамъ писать!

Статьи эти будутъ соединены въ брошюры и, дополненные продолженіемъ статьи „Страшные Юристы“, дадутъ затѣмъ и: „Правильное Толкованіе Вѣтхаго Завета“ и выяснятъ: „какъ и когда“ проникъ въ душу человѣка: единственный на свѣтѣ Грѣхъ: Ложь—т. е. „Фальшь Души“!

Раньше, чѣмъ ознакомиться съ приложеннымъ тутъ „проэктомъ“, прошу читателя: внимательно прочесть всю статью „Лучъ Свѣта“.

Баронъ Н. В. Каульбарсъ.

(Конструкторъ „Переломовъ“).

Лучь Свѣта!.. въ „Животрунность“, окружившую пьесу Л. Толстого!..

Отдѣлъ: Продѣлки служителей «г-жи Науки» или: Указъ ея Союзника: «Непротивленія Злу»—удавшіеся—незамѣченные—но лишь современнымъ «господиномъ чело-вѣкомъ», болѣющимъ, столѣтіями: «Логикой Формализмовъ», т. е.: «Животрупностью Науки»!..

Способъ леченія: Соединеніе вмѣстѣ: Грома и Молніи!.. т. е.: «Логики Божественнаго Разума, т. е.: «Истиннаго Его Однoзаконія» и: Любовнаго, Реальнаго, Бича Христа!

Газеты перестали говорить о пьесѣ Л. Толстого. Я нарочно ждать—дабы Истина, Здравый Смысль и „анти- Научная Логика“ заговорили... послѣднимъ... блodomъ! Наконецъ кончился тотъ безконечный рядъ абсурдовъ, которые были наговорены по поводу этого произведенія и что писателямъ и читателямъ казалось такъ... умно! Но, увы!.. и этотъ умъ былъ, конечно, ничѣмъ инымъ какъ: обычное послѣдствіе той „индифферентности и лѣни мысли“ и „общаго вырожденія человѣческаго мозга“ созданнаго мысленіями, столѣтіями: „Логикой Лжи—логикой человѣческихъ и неестественныхъ Наукъ—Логикой формы, рамки—Фальшивую души—той же Европейской юридической Науки!.. той „Науки“, *служителямъ и жертвамъ которой въ этой пьесѣ... такъ жестоко попадаетея!*.. Но ужасъ въ рѣшеніи „суда Науки“, т. е. „мѣткость попаданія въ цѣль Толстымъ“ состоитъ вдобавокъ въ томъ: что это явно-абсурдное, ибо нелогичное, рѣшеніе суда вполнѣ неуязвимо, т. е. корректно съ точки зрѣнія животрупной логики Науки! „Объюрившіеся мозгъ“ современнаго „господина чело-вѣка“—ни то, ни се—какъ слѣдуетъ—не понять! Но цѣль „Толстого“ была достигнута!.. Общество всетаки недовольно госпожей Наукой!.. „Несправедливость“, выясненная толпѣ учениковъ Науки, опять таки: „квинтами“, „примѣрами“, Болью—ясностью картины!.. явно на лицо!.. Въ результатъ: самочувствіе г-жи Науки—„Науки Корректной Лжи“... оказалось тоже... животрупнымъ!..

Ну... горюющіе изъ за такого самочувствія... служители Науки и попытались... защитить ее отъ талантливаго и „вполнѣ оконченнаго—въ свое

время“ — произведенія Толстого — давнишняго своего Противника — Противника формъ и Ажи!.. И вотъ... они преступно внесли въ эту пьесу: незамѣтная, по миѣнью логики Науки... дополненія! Увы, дополненія эти, по существу, оказались... неостроумными!..“ (подробности впереди), но были признаны, конечно: къ логикѣ формализмовъ этой же Науки! Словомъ творилася попытка: поднять престижъ „Научнаго Суда“: обвинившаго невинныхъ лицъ на основаніи формализмовъ (трехъ фактовъ), между тѣмъ какъ они творили честность и служеніе совѣсти *абсолютно*, но не условно, и довели этимъ и служеніе Здравому Смыслу“ также до конца, т. е. до недопустимыхъ логикой Науки — Наукой „Условнаго Противуворѣта“... предѣловъ!

Создавъ такимъ образомъ изъ талантливой и „оконченной“ пьесы: пьесу *переконченную*, и въ концѣ запутанную, служители Науки успокоились за самочувствіе „Науки“! Агенты эти мнили: что „уминки“ презрѣнной толпы людшекъ, болѣющихъ уже вѣками „логикой формализмовъ этой-же Науки“, охватившей все мозги гиннозомъ — но и вырожденіемъ — не замѣтятъ этихъ „высоконаучныхъ добавленій“ и: „переконченности“ пьесы и: „незамѣтнаго геройства“, проявленнаго „въ видахъ... спасенія Науки“ — и помиряться по-этому, хотя кое-какъ, съ логичнымъ лишь по миѣнью Науки... рѣшеніемъ Суда!

Служители г-жи Науки не ошиблись! Кромѣ абсурдовъ, или формализмовъ, ничего не говорили — „выхода“ изъ положенія Науки, по прежнему, не видѣли — и... не искали! „Абсолютнаго Противуворѣта“... инстинктивно избѣгали... все!.. а „Слона“... уже совѣмъ не усмотрѣли! „Уминки“, созданные трудами Науки, увеличили лишь... нужную Наукѣ... кашу! И этой „Новой Кашей“ подмазывали и спасали... престижъ г-жи Науки!

И снова увѣщивалось чело „Науки“: своимъ единственнымъ, естественнымъ, отдѣломъ“... „Мравомъ Кашы“! И дружно смѣшались вѣтѣ: каша, созданная защитниками Науки и: каша обьюродившихся Наукою... слѣнцовъ!

„Наука“ оказалась успокоенной — успокоенной Логикой вѣрноподанныхъ „умишекъ“! А ея „Научный Умъ“ — и „Принципъ Условнаго Противуворѣта“, радостно, пѣжно, корректно и успокоенно, т. е. животрупно... улыбнулся!..

И... „Кошка“, снова, сѣла: „охранникомъ“... „у мышекъ“!..

Но, увы, „Научные Мыслители“ забыли о томъ, или опять: ils ne savent pas — что уже при жизни „Толстого“ — „талантливѣйшаго художника“, но „неудачника-мыслителя“ — „впавшаго“ въ неудачное толкованіе Указанія Христа — *оправдались его слова*: — „*Мнѣ это дѣло окончить не удалось — по воли моя явятся другіе — и они его окончатъ!*“ — Господа „Научники“ забыли: что выходъ“ уже найденъ — что существуютъ люди, отдѣлившіеся отъ гинноза логики формъ и рамки, т. е. Ажи, и начавшіе мозговать: „Новой“ — вѣрнѣе „Старой Логикой Божественнаго Однозаконія“ — которая Наукою Анти-

Христа“, „Римскимъ Правомъ“, „Логикой Многозаконоія“. „Правомъ Каши“, *не извращена!* — и Священнодѣйствующая поэтому: „Божественно-Разумно“, „Божественно-Милостиво“, но и „Божественно-Реально“!.. т. е.: „Любовнымъ, Реальнымъ, Бичемъ Христа! Ну: а для такого мозга—свободнаго отъ гипноза логики Лжи—ясновидящаго—„продѣлки служителей „Науки“ и сдѣланныя ими къ пьесѣ Толстого „дополненія“ ясны даже... à distance!.. И эту простую и ясную Логикѣ Божественнаго Разума никому не измѣнить—ея аргументы никому не отмѣнить и ослѣпить—даже манускриптами и оригиналами... черновиковъ... написанных... хотя бы и... почеркомъ Толстого! Добавленія эти ясны даже во всѣхъ подробностяхъ... А цѣль заключалась въ томъ, чтобъ, запутавъ конецъ пьесы, заставить самого „Толстого: спасти...! Же-Логикѣ формализмовъ“ Г-жи Науки!.. представивъ пьесу: путанной—якобы неоконченной!

Я могъ бы въ нѣсколькихъ словахъ разъяснить все дѣло, начавъ съ неопровержимой Логикой извѣстныхъ фактовъ... но дѣло въ томъ, что всѣ „художественные“ труды „Толстого“ столь талантливы, столь идейны“, что, окончивъ съ фактомъ сдѣланныхъ служителями Науки добавленій, не значить: выяснитъ все то талантливое, что вложено „Толстымъ“ въ свои произведенія—не значить: покончить и со всѣми тѣми абсурдами, которые были высказаны по поводу „Живого Трупа“ и легшія новымъ гипнозомъ на „объюрившіеся „Наукою“ и вырожденные по этому уже во всемъ мозги! Выяснить весь „художественный“ талантъ „Толстого“ въ этой пьесѣ, его подробности, какъ дѣло вѣчное и необходимое потомству, гораздо важнѣе, чѣмъ выяснитъ удавшуюся передъ толпой современныхъ „господиновъ челоѣковъ“ попытку: испортить талантливое произведеніе „Толстого“! Но, опровергая всѣ тѣ абсурды, которые были наговорены по поводу „Живого Трупа“, я выясню заодно крупнѣйшія достоинства, цѣль и смыслъ и идею этого талантливаго произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дамъ даже слѣпцамъ возможность: возстановитъ пьесу въ ее „первоначальномъ“ и „идейномъ“ видѣ! А самое интересное для служителей „Науки“—и самое обидное,—оставлю... послѣднимъ... блюдомъ! Заключается это блюдо въ томъ: что, разсуждая „все той же животрупиной логикой Науки“, логикой Лжи, логикой „формъ и рамки“—господа спасатели г-жи Науки *не достигли главнаго: своей цѣли!* Упустивъ изъ виду весьма „Простое“ обстоятельство: „Способъ Мышленія Логикой Божественнаго Разума“—Разума Здраваго Смысла—анти-Научнаго—они: *отнюдь не уничтожили полнѣйшую и обшчную нелогичность разсужденій «Научнаго Суда» при обвиненіи лицъ: доведшихъ честность до конца!.. «Мало того: они не спасли это неправильное рѣшеніе даже помощью формализмовъ г-жи Науки и... и хотя добавили — для большей вѣрности — новыхъ формализмовъ!* Словомъ на лицо: „продѣлка дополненій“, а абсурдный способъ разсужденія „Логикой Науки“—тенерь—проявится еще въ болѣе полномъ

блескъ! Талантливая картина „Толстого Художника“ достигнута своей цѣли—хотя „Толстой-Мыслитель“, Толстой Неудачникъ“, внавившій въ неправильное толкованіе Указаній Моисея и Христа—тоже—какъ и Научный Судъ—не нашелъ „выхода“ изъ положенія—не былъ въ состояніи уничтожить на землѣ: Лже-Логика Науки: Логика Коррективности при Лжи и Грабежѣ—Логика „Условнаго Противуположенія“!

Послѣднее, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно. „Толстой“ правильно критиковалъ—а, самъ, „выхода“ для современной, негодной по его мнѣнію, Науки не нашелъ и никогда и не давалъ! Но положеніе „Лже Науки“ отъ этого не улучшилось—хотя этимъ и пробовали ему возражать и удерживать его отъ выпуска страшныхъ этихъ для Науки—ибо ясныхъ и толкѣ—картинъ—ясно устанавливающихъ вѣстакі: животрущность логики и дѣйствій Европейско-Научнаго Суда! Не подлежить поэтому сомнѣнію и то: что отъ „Толстого-Мыслителя“ ревниво скрывали то, чего онъ искалъ въ теченіи всей своей жизни и не нашелъ, а именно: давно уже отпечатанное: „Правильное Толкованіе Указаній Моисея и Христа“! Неудовлетворенный своимъ собственнымъ лже-толкованіемъ Божественныхъ Указаній—„Непротивленіемъ Злу“—не видя „выхода“ изъ явныхъ тѣмъ не менѣ „Лжи-абсурдовъ“ современного „Научнаго Суда“—сбитый съ толку ловкими внушеніями агентовъ г-жи Науки—„Толстой“, повидимому, не желалъ оканчивать своихъ талантливыхъ картинъ животруществующаго Суда: „вопросительнымъ знакомъ“—и—надѣясь, сначала, найти „выходъ“—добавить къ „Грому“... „Молнію“!.. Толстой, откладывая какъ-бы выпускъ многихъ „задержанныхъ внушеніями“, но тѣмъ не менѣ: „правдивичающихъ“ и уничтожающихъ престижъ Науки—картинъ! Попадѣ этотъ вѣрный, „универсальный“ ключъ въ руки талантливаго, какъ художника, „Толстого“—люди этотъ правдивый, опасный для Лже-Науки, „Картинистъ“ еще при жизни, *израженія, и ловкія уложенія внесены* *«Наукою господина человѣка» въ Указанія Моисея и Христа*, освободившись отъ „гипноза формализмовъ той же Науки“ и отъ внушеній служителей этой „Корректной Лжи“—„Толстой Художникъ“ нарисовалъ бы намъ столь талантливыя новыя картины“, рассказы, пьесы и квинты, т. е. примѣры, которыя, не только „Грому“, т. е. картиной—но и Молніей!.. т. е. „выходомъ изъ положенія“... быстро очистили бы ослѣпленный животрущій мозгъ „современнаго господина человѣка“ отъ гипноза Лже-Науки! И неудержимо была бы опрокинута эта Лже-Логика: революціей въ обьяоридившихся теперь мозгахъ! По эти „новыя“ и „окончательно ужъ страшныя“ картины быстро выбросили бы на улицу не только стѣнцовъ живущихъ на счетъ эксплуатироваемыхъ людей и европейской Лже Науки—но лишити-бы и куса хлѣба: всѣхъ властвующихъ теперь во всякихъ государствахъ и при всякихъ режимахъ: „Посредниковъ между Царями и Народами“, а также: „Гражданскихъ“ грабителей, существующіе всѣ: въ силу логики европейской „Науки Многоза-

конія“, создающей „Анти-Моисея“, Анти-Христа—т. е. „Неуязвимость“ т. е. „Корректность“ при Лжи и Многограбежн—т. е. принципъ: Условнаго Противуворѣтства!

Возстановленное въ своей первоначальной чистотѣ, „Божественное Однозаконіе“ — поглотивъ въ себѣ „официальную цѣль“ всего человѣческаго „Многозаконія“—уничтожило бы: Неуязвимость т. е. Корректность при Лжи и Грабежѣ“, обративъ этихъ деснотовъ: „въ Совѣты, примѣняемые, въ силу „Неумолимаго Однозаконія“—лишь тогда: когда сего потребуетъ: Служеніе дѣлу, дѣломъ ближнему, т. е. присягѣ! А эта „Божественная Логика, Ясность и Простота“—увы всѣмъ!.. непріятная—ялость: Любовный, Реальный Бичъ Христа!.. создадутъ... автоматически... Саморазвитіе ума, тѣла и души!

Но и одна „картина“ т. е. „Громъ“, выясняя животрупность „Же-Науки, уже нарушала ее престижъ! И потому... служители Науки и занялись спасеніемъ „Же-Науки: вводя животрупность и: самоопроверженіе — въ неопровержимыя своей правдивостью и логикой: картины художника Толстого!

Объ этихъ „добавленіяхъ“ мы въ концѣ статьи и поговоримъ... предпоследнимъ... блюдомъ!.. О животрупной—тѣмъ не менѣ—„Логикѣ Научнаго Суда“... последнимъ... блюдомъ!.. съ горькой чашей!..

*
*
*

Среди абсурдовъ, высказанныхъ въ печати и въ обществѣ по поводу „Живого Труна“, я опровергну сначала заявленіе о томъ: будто пьеса эта наброски, неокончена и неподѣлана. Сцены и разговоры (принадлежащіе Толстому) вполнѣ окончены! Но современный „Научно-объюрившійся мозгъ“—„Мозгъ Усложненія“—невольной даже Лжи—конечно, не понимаетъ и не видитъ силу, умъ, талантливость: ни въ Ясности, ни въ Простотѣ!.. Не видитъ поэтому и полной оконченности сценъ! И это, несмотря на сильнѣйшее впечатлѣніе, произведенное ими на его же обѣдненные логикой Науки: душу и мозгъ! Казалось бы, что разъ это впечатлѣніе на лицо, разъ типы людей, какъ и исторія ихъ жизни, ясны — разъ „животрупность суда Науки“ на лицо, даже несмотря на испортившія пьесу „дополненія“ — такъ что же больше нужно? Неужели характеристика лицъ и пьесы могли быть улучшены: удлинениемъ сценъ и пьесы помощью новыхъ деталей жизни этихъ лицъ, но ничега общаго съ цѣлью и идеей пьесы не имѣющихъ? Неужели тотъ же мозгъ—„Научный Любитель Усложненія“—встрепенулся бы сильнѣе, если бы сцены были дополнены: разговоромъ съ портнымъ изъ за фасона сюртука, иль юбокъ—или: романомъ между горничной и кучеромъ соеѣда — или: романомъ студента съ дочерью, или сестрой, одного изъ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ — и хотя бы типы этихъ новыхъ лицъ и были бы столь же талантливо изображены? Эти разсужденія доказываютъ только безталантность критиковъ и совершенное непониманіе: цѣли и идеи пьесы. Въ силу этого „Толстого“ приравниваютъ къ самому себѣ, т. е. къ рассказчику вполнѣ

обыкновеннаго происшествія, ничего особаго не представляющаго, и гдѣ люди, желавшіе разойтись, устроили симуляцію смерти мужа! Но этимъ недоразумѣніи не кончаются. Тутъ цѣлый рядъ абсурдовъ и самогипнозовъ, которые нужно уничтожить—разъяснить. Наивность дошла до того, что предполагаютъ: что пьеса названа „Живымъ Трупомъ“ потому, что „Протасовъ“ устроилъ симуляцію! Забываютъ: что Толстой „Идейный“ писатель и что рассказъ ничто иное какъ примѣръ, ничто иное какъ „предлогъ“: чтобъ снова и яснѣе выяснитъ основную и вполнѣ правильную идею Толстого: что тамъ не говори—какъ дѣло не толкуй—а современная Европейская юридическая Наука и ея Логика: все-таки являются: „Живымъ Трупомъ“! И остается она ею таковой несмотря на то, что „Толстой Мыслитель“—внавѣ въ неправильное толкованіе Указаній Моисея и Христа—не находилъ „выхода“ изъ лже положенія Лже Науки! Указанная путаница—такая же наивность и слѣпоты, какъ если бы кто нибудь сказалъ про мои статьи о „Божественномъ Однoзаконіи“ и о „Правильномъ Толкованіи Указаній Моисея и Христа“, „что цѣль этихъ статей: рассказать продѣлки „несовершеннолѣтняго“: корректно грабившаго честнаго, и помогавшаго ему по христіански, купца: пользуясь для этого „Логикой и Многoзаконіемъ Науки“—или: „что названіе „Странные Юристы“ дано мною только потому, чтобъ описать невольныя глупости даннаго юриста“! Тогда этотъ трудъ, и труды „Толстого“, были бы желѣзнодорожной литературой, или репортеровъ, „литературой“, а не „Идейнымъ“ дѣломъ. Такою-же наивностью является заявленіе: „будто въ талантливой и идейной пьесѣ „Потаненки“ „жуликомъ“ является „герой пьесы“, сидѣвшій въ тюрьмѣ, когда главнымъ „Жуликомъ“ (Гражданскимъ) является не онъ, а окружающее его и властвующее въ современной жизни общество!

„Живымъ Трупомъ“ является значить и въ пьесѣ „Толстого“ опять таки все тотъ же старый его противникъ: „Европейско Научный Судъ“ а конечно не „Протасовъ“! Последнее, случайное совпаденіе. „Толстой, поступаая также какъ и я—какъ „Квинтиліанъ“—могъ выбрать и миллионъ другихъ столь же обыкновенныхъ происшествій, гдѣ „Научный Судъ“ тоже наказываетъ людей: только потому, что они честны до конца и дѣйствовали по Христіански, по Совѣсти, и потому: что не желали, или не умѣли жить „Корректно“, т. е. по правиламъ и цѣлямъ Анти Христа, — Науки Лжи—т. е. „Гражданскимъ грабежомъ“ и Фальшивою душою!

Но разъ подобное крупное недоразумѣніе на лицо — а нѣкоторые защитники Науки притворяются, что они сего не понимаютъ — то не удивительно и все дальѣйшіе абсурды, неизбежно затемняющіе достоинства пьесы! Среди нихъ появилось и утвержденіе слѣпцовъ: „о странной (талантливой однако-же) краткости сценъ „Живого Трупа“, а значить якобы: и недѣлки сценъ и разговоровъ. Между тѣмъ удлинненіе пьесы изображеніемъ разныхъ другихъ личностей, типовъ и деталей жизни данной среды, имѣть

смысль лишь въ такихъ идейныхъ пьесахъ, какъ „Жуликъ“. Почему? Потому, что тамъ и цѣль иная. „Жуликъ“ выясняетъ намъ конечно ту же идею: „Торжество“ логики и приемовъ Лже Науки—Торжество лицъ, занимающихся Корректностью, т. е. „Гражданскимъ“ грабежомъ!.. и наказываніе „жулика-пижона“ неразвитаго, ограбленнаго общества, казну, пустяками, по... и „утоловнымъ“!.. грабежомъ. За то этого юнца, глупца, „Научный Судъ“ и засадить въ тюрьму! Развивайся!.. и стань затѣмъ такимъ же форменнымъ „Гражданскимъ Жуликомъ“, какъ все то интеллигентное и нарядное общество, которое боится прикосновенія твоей руки—и боится тебя потому: что ты еще „грабитель пижонъ“ и коробишь своими „формальными злостноключеніями“ животрупающую логику формализмовъ Гражданскаго грабителя... охраняющаго свое честное имя... Логикой и приемами „Европейской Лже Науки“!

Но выясняя свойства „цѣлаго этого общества“, писатель долженъ измѣнить и содержаніе и „приемы“ идейной пьесы. „Потапенко“ поэтому и поступаетъ на оборотъ: онъ вводитъ въ пьесу всевозможныя детали жизни описываемой имъ „животрупающей Логикой Науки“ среды и невозможное большее количество лицъ и происшествій—которыя „Живому Трупу“ Толстого вовсе не пужны. „Живому Трупу“ Толстого нужны лишь: 1) краткая, но точная, характеристика нѣсколькихъ честныхъ лицъ, живущихъ „островкомъ“ среди описанной „Потапенкой“ жульнической среды, 2) только такіе эпизоды изъ жизни „островитянъ“, которые показываютъ зрителю: что они честны, и что они были честны и идеалистами: и при симуляціи, 3) что остальные подесудимые про симуляцію не знали, 4) что животрупающій европейской логикой Судъ ихъ именно и осудилъ: только за честность и совѣсть, доведенію „опасными для научнаго человѣка“ островитянами до конца, 5) что Судъ пользовался при своихъ разсужденіяхъ: формализмами, т. е. извѣстными зрителю данными исторической части пьесы: (тремя фактами) *) и: примѣняя къ нимъ формальную, т. е. животрупающую логику Науки, и 6) что главный ужасъ этого судебнаго рѣшенія опять-таки въ томъ, что это вовсе не „судебная ошибка“, а именно: вполне корректное, „по логикѣ Науки“, рѣшеніе судей—т. е. жертвъ этой Науки... т. е. новое Торжество Науки Лжи — Науки формальной Лжи и Условной Правды... Условнаго Противуположенія!

Подобнаго рода ясное изложеніе сути дѣла—и штрихами—мы встрѣчаемъ и въ талантливѣйшей идейной пьесѣ Андреева: „Жизнь (господина) Человѣка“! Всѣ лишнія подробности отсутствуютъ, а нужное, чтобы выяснитъ всю Пустоту и Ложь жизни, и среди современнаго общества... на лицо! И не даромъ и эту пьесу находятъ... неудачной! Она... правдива, т. е... неблаго-

*) Посылка денегъ во время разводнаго процесса—прекращеніе этого процесса—симуляція самоубійства.

воспитана, и тернить лишь „абсолютное“ Противуворетво, „абсолютную“ Правду при мысленнѣ, при заявленіяхъ и въ картинахъ!..

Значить: краткость сценъ и разговоровъ въ „Живомъ Трупѣ“ Толстого не суть „наброски“, не есть недодѣланность этихъ сценъ, а: естественный продуктъ крупнѣйшаго „художественнаго“ таланта, который: нѣсколькими штрихами—нѣсколькими словами—рисуетъ ясную картину типовъ, историческую часть даннаго дѣла, и насколько это для идеи пьесы нужно и: гибель принципа честности и совѣсти: въ силу животрупевающей логики людей и „Европейско-Научнаго Суда“, создавшаго одновременно вырожденіе мозга повсюду и вездѣ: въ столь же корректно животрупевающей вокругъ „островитянъ“—средѣ!

Не вдаваясь поэтому въ изложеніе этой „талантливой краткости“ во всѣхъ 12-ти сценахъ пьесы „Толстого“, я укажу, въ видѣ примѣра, лишь на одинъ изъ этихъ „талантливыхъ штриховъ“. Талантливость Толстого, какъ художника, дошла до такого совершенства, что, мѣстами, онъ выясняетъ намъ развитіе исторіи дѣла, какъ и перемену чувствъ, волнующія дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ, почти безъ всякихъ даже разговоровъ и: извѣстными лишь фактами и дѣйствіями данныхъ лицъ. Такъ, въ началѣ пьесы, „Каренинъ“ испытываетъ еще муки ревности при видѣ ребенка „Протасова“, а „Лиза“, инстинктивно чувствуя это изъ его отдѣльныхъ словъ и дѣйствій, какъ бы защищая ребенка, прижимаетъ его къ себѣ—а позже, когда идеалистъ „Протасовъ“—„ослѣпнѣвъ“ въѣхъ несчастной формальной, выѣшней, стороной своей жизни—какъ бы совершенно перестать существовать для „Лизы“, „Каренинъ“, возвращаясь домой, цѣлуетъ уже этого же ребенка! Пѣлуетъ его несмотря на то: что послѣ самоубійства „Протасова“ (мнимаго) и его отказа отъ пошлостей разводнаго процесса — отъ „закономѣрностей“ т. е. обмановъ—этотъ „Идеалистъ“—идеальнѣйшая личность этой пьесы и среды, (этого, конечно, тоже еще не поняли), засвѣтился снова: новымъ свѣтомъ и новымъ ореоломъ: для всѣхъ участвующихъ въ пьесѣ лицъ! Особенно сильно свѣтился онъ, конечно, женщинамъ этой пьесы: всѣ любившія эту жертву недоразумѣнія, любившія его до конца — въ томъ числѣ и „Лиза“ — и инстинктивно чувствующихъ въ немъ „Героя“ и.. жертву недоразумѣнія! И, дѣйствительно, тутъ и было недоразумѣніе—гипнозомъ вкравшееся въ жизнь „Протасова“ и уничтожившее то, что Протасову доставало, чѣмъ онъ, въ дѣйствительности, обладалъ, но что печально терялъ и, потерявши, называть:—„Не было „изюменки“ въ нашей жизни“!..

Вопросъ объ „изюменки“ не преминулъ возбудить особенное вниманіе печати и разныхъ лицъ „любителей изюменки въ различной формѣ“, и: тоже привелъ: къ комическимъ абсурдамъ! Не вникая въ слова „Протасова“ и „Толстого“, пошли искать: пикантныхъ изюменекъ: въ женщинахъ и въ мужчинахъ! Нарядили депутаціи репортеровъ, интервьюировавшіе разныхъ,

известныхъ публикѣ, лицъ обоого пола, и съ цѣлью: вызвать ихъ на „выгодныя печати“, т. е. сенсационныя, объясненія! Мужчины должны были выдать посланникамъ великой державы тайну: встрѣчали ли они: женщинъ „съ изюменькой“?.. а дамы конфузили вопросомъ: встрѣчали-ли они въ своей жизни: мужчинъ „съ изюменькой“? А пока печать занималась этимъ внутреннимъ массажемъ—какъ видно, весьма духовнымъ—разныхъ лицъ, духи „Толстого и Протасова“ ворочались лицомъ къ землѣ... „отъ удивленія“!.. такъ какъ ничего подобнаго никогда не утверждали! „Протасовъ“ говорить о вѣчно совершенно иномъ, а именно: „Не было изюменьки... *въ нашей жизни!*..

Получивъ со всѣхъ сторонъ любезно и сконфуженно, корректно-лживое, но и обидное, заявленіе о томъ: что ни въ дамахъ, ни въ мужчинахъ „изюменьки не находили“!.. великодержавные посланники успокоились и, сдѣлавъ эти важныя свѣдѣнія печати, получивъ свой гонорарь... съ удовольствіемъ, поужинали на счетъ... Толстого!..

Но положеніе „бѣднаго Протасова“ отъ этого не улучшилось—а пониманіе пьесы, певиннаго въ изюмничаніи „господиновъ чедовѣковъ“, Толстого—тоже — а потому выясню и эту важнѣйшую деталь „Живого Трупца“! Она объяснитъ намъ „заклоченія Протасова въ его семейной жизни“ и: потребность этого „Идеалиста“: заглушить свои страданія, въ пѣсняхъ и... накопецъ... въ вишѣ! „Изюменька“ въ жизни „Протасова“ не могла зародиться отъ того: „что онъ ошибочно считалъ: что „Лиза“ любить „Каренина“—хотя ему вѣрна!“ А между тѣмъ зрителю этой пьесы ясно, что не только обѣ дѣвушки, фигурирующія въ пьесѣ, любятъ „Протасова“, но что и „Лиза“ любить только одного его—и любить его до конца — любить его и при допросѣ слѣдователя — съ горемъ смотреть на него — и, съ новымъ горемъ обнимаетъ трупъ: этого „Идеалиста до конца“!

Слова „Протасова“ при его исповѣди въ трактирѣ, гдѣ онъ говорить о „новомъ“ своемъ чувствѣ: „что онъ не любить „Лизу“ *за то зло, которое онъ ей надѣлалъ*“—все это снова подтверждаютъ, ибо зло это было „послѣдствіемъ“ того же недоразумѣнія. „Лиза“, любящая „Протасова“, инстинктивно чувствовала причину наносимаго ей зла — и этимъ и объясняются ея отчаянныя попытки вернуть себѣ „Протасова“ и: поручая письмо къ нему, именно, „Каренину“! Любовь къ „Лизѣ“ удерживаетъ „Идеалиста Протасова“ и отъ связи съ цыганкой „Машей“, ибо: это было бы обманомъ любящей его дѣвушки. Въ предсмертномъ письмѣ Протасовъ „невольно проговаривается“, говоря:—„Люблю васъ обоихъ—особенно Лизу!.. Лизаньку“!.. И, наконецъ, „Протасовъ“, являясь новой жертвой „Научнаго Суда“, „Науки Лжи, Многозаконія и Формализмовъ“, умираетъ, дабы помочь... „любимой Лизѣ“! Его послѣднее требованіе! это: „Лиза“! А „Лиза“, съ горемъ обнимая умирающаго, рыдаетъ:—„Что ты сдѣлалъ, Федя!.. Зачѣмъ?!...“

Но „гипнозъ“ Логикъ Формъ, вѣщности, рамки, объюрившихся Лже-

Наукою мозговъ и тутъ сыгралъ свою: комическую роль! И вотъ наивно и пошло разсуждаютъ также, какъ и дама „любителница пикантныхъ процесовъ“: „Странно!?, какъ „Лиза“ могла его любить?.. у него такой ужасный... вѣшній... видъ!“

Все это невольныя послѣдствія выродившагося „Наукою Формализмовъ“ мозга!.. создающія затѣмъ и вырожденіе чувствъ!

* * *

Приступая къ вопросу объ извращеніи „Живого Трупъ“, *необходимо объяснить: что пьеса эта ясно указываетъ „идею“ этого произведенія!* Все то, что этому противорѣчить, явится значить уже „измѣненіями“ и „кашей“, нарочно созданной защитниками „Лже Науки“ и подъ ихъ гипнозомъ! Въ противномъ случаѣ, это продуктъ „Союзника „Лже-Науки“: Указъ принципа „Непротивленія Злу“! Но, всетаки, это уже не будетъ „Самъ Толстой“—вотъ „Души Толстого“.

Указанная мною идея ясно выражена въ словахъ „Протасова“:

„Если меня судятъ и осуждаютъ, то только за то, что я не совершилъ того, что считается преступленіемъ, по закону церковному и даже... человеческому“!..

Въ этихъ словахъ правильно и ясно выражена „анти-Логика“ и „Каша“, создаваемая „Европейской юридической Наукой“ и ея принципомъ „Многозакопій“! (См. мои статьи объ „Истинномъ Божественномъ Однозакопій“). Но дабы „пружины“, дѣйствовавшія при порчѣ „Живого Трупъ“, стали читателю ясны, необходимо заговорить отъ имени „всѣхъ“ подсудимыхъ, и пополнить слова „Протасова“ важными подробностями, и которыя „Толстой“ не привелъ:

„Если бы мы, честные островитяне, а также супруги, были „обычными пошляками“, т. е. разрѣшили другъ другу имѣть любовниковъ и продавали бы свою любовь—если бы соглашались стать „закономѣрниками“, т. е. продѣлать все пошлости, преступленія и обманы разводнаго процесса—если бы „Протасовъ“ совершилъ преступленіе самоубійства, вызванное опять-таки требованіями этихъ деспотовъ, слѣпцовъ, т. е. преступными человеческими и научными законами—если-бы мы согласились быть „удобными“ людьми, для себя и для другихъ, и для „Лжи Науки—соглашались замѣнять Совѣсть и Честность: логикой Формъ“ т. е. „Ложью“ и „Хамствомъ“ — то „Научный Судъ“ и человѣческіе законы насъ и пальцемъ-бы не тронули! Но такъ какъ мы отказались отъ этихъ пошлостей и преступленій, служили Совѣсти, а не „человѣческому Многозакопійю“ и Формѣ“, т. е. „Наукѣ“—и совершили наконецъ величайшее по отношенію къ „Лже-Наукѣ“ преступленіе: довели Совѣсть и Честность до конца!.. до предѣловъ, Наукою Анти-Христа, „Корректной Лжи и Грабежа“, „Условнаго Противуворетва“, петеримыхъ!.. то насъ „Научный Судъ“ и судить и осудить! И: дабы Совѣсть, т. е.

„островитянство“, не разшатывало фундамент Европейской Науки и не указывала-бы: на „тайную ея цѣль“ извратить и уничтожить „Истинное Божественное Однозаконіе“—въ настоящее время извращенное—и замѣнить его: Человѣческимъ „Многозаконіемъ“, „Правомъ Каши“, создающимъ затѣмъ: Корректность при Лжи и Многограбежѣ... Наукою „Условнаго Противоречья“!

И дѣйствительно, такое дѣйствіе „Европейско-Научнаго Суда“ вполне логичное и послѣдовательное. Въдѣ это же ничто иное какъ: естественная борьба между „Истиннымъ Божественнымъ Однозаконіемъ“ (мною указаннымъ *) т. е. „Абсолютнымъ Противувѣствомъ“, создающего 1) невозможность *удержать* награбленное—а слѣдовательно 2) и *безмысленность* обидѣ и грабежа—и: съ его Противникомъ: „Наукою Корректности при Лжи и при Многограбежѣ“, уничтожающая: работу всякаго вообще режима!.. и плоды всякой революціи!.. направленной къ Прогрессу и къ Добру!..

„Толстой“ выразился короче *поэтому*, что „Толстой-Мыслитель“ не дошелъ до „Правильнаго Толкованія Указаній Моисея и Христа“—до Молніи! т. е. до „выхода“ изъ лже положенія „Науки Многозаконія и Формализмовъ, т. е. Лжи“—и поэтому не могъ подробнѣе говорить „о тайной цѣли этой „Лже-Науки“! Да и „Конка“, т. е. защитники „Лже-Науки“, сидѣли „охранниками“: у „Толстого“ и: у вѣрнопопавшихъ: у мышекъ! Но, въ идеѣ „Живого Труса“ Толстой, какъ видно, инстинктивно, но уже приближается къ „Истинѣ“ и... измѣняя этимъ, за одно, и: ложному толкованію Указаній Христа: Непротивленію Злу!

Въ полномъ согласіи съ идеей „Живого Труса“, Толстой ясно и указываетъ намъ въ пьесѣ: 1) что его островитяне честны и доводили честность „до конца“, 2) что „Каренинъ“ и „Лиза“, поэтому—но и по другимъ ясно указаннымъ въ пьесѣ причинамъ—о „симуляціи самоубійства“, совершенной „Идеалистомъ Протасовымъ“—*ничего не знали*! 3) что „Научный Судъ“ и его Логика Формализмовъ... Животрушность!

А между тѣмъ, вѣдучъ, слѣдователь: слугитель Науки—обращается ко всемъ тремъ подсудимымъ съ требованіемъ: отвѣтить на вопросъ: „кому „Каренинъ“ посылать ежемѣсячно деньги въ „Саратовъ“, т. е. въ тотъ городъ, гдѣ „Протасовъ“ жилъ? Но этого мало! „Каренинъ и Лиза“, вмѣсто того чтобъ отвѣтить на это: что это путаница слѣдствія, что это другіе счеты, или: что это: „помощь, оказываемая бѣдному „часовнику Евгеньеву“, въ томъ числѣ и деньгами „Протасова“, которые онъ имѣлъ для этой цѣли и вернуть—*признаютъ* это „несуществующее“ однакоже вовсе въ пьесѣ „новое“ обстоятельство!.. но мало того 2) даютъ на него странный отвѣтъ: „что это: тайна Каренина“! И отказываются эту тайну раскрыть! И тайна эта такъ

*) „Истинное Божественное Однозаконіе“: „Наказаніе: за «неслуженіе дѣлу», т. е. присягѣ, и: за *фактъ* нарушенія интересовъ „дѣла“ и: за *фактъ* нарушенія интересовъ ближняго!“ (а не за обиду нанесенную статѣй Человѣческаго Многозаконія).

и остается нераскрытой! А между тѣмъ, по отношенію къ читателю, къ зрителю, у авторовъ секретовъ быть не можетъ, ибо это равносильно: уничтоженію „идей“ пьесы! Словомъ, выходитъ: что „часовщикъ Евгенъевъ“ тутъ не причесть! Однакоже ясно, что другихъ подробностей жизни „Каренина“ въ этой пьесѣ нѣтъ, да и данной «идеи» пьесы вовсе не нужны! Но и этого мало: „Протасовъ“ дѣйствительно ничего не получавшій и бѣдствовавшій, отвѣчаетъ тоже абсурдомъ: „упорнымъ молчаніемъ“!.. служителемъ Науки запосымымъ затѣмъ и въ протоколъ! Словомъ, всѣ три подсудимые, честные островитяне, безъ всякой нужды для себя, но и для пьесы, безчестно губятъ другъ друга—но губятъ и идею пьесы—ибо даютъ слѣдовательно: слуге.по Науки—и какъ-бы нарочно, такіе абсурдные отвѣты: которые должны вызвать у слѣдователя и у „Научнаго Суда“ предположеніе: что, наоборотъ, совѣсть у нихъ не чиста, что они растерялись—и что извѣстное читателю содержаніе пьесы: Тождь, т. е. что „Каренины“ и „Протасовъ“ *проверились*: „симулировать самоубійство“ и: что „Каренины“ поэтому и посылали „Протасову“ деньги въ Саратовъ, нужны ему для его существованія!.. и что поэтому у „Каренина“ и оказалась тайна!

И все это явное уничтоженіе содержанія „пьесы“ и „ясности исторіи событій“—но главное: „уничтоженіе идей пьесы“... ненужная пьесѣ тайна... создано руками?.. Толстого?.. Каковъ абсурдъ!

Читатель—забывая впередъ—неволью могъ-бы подумать: что „страшный эпизодъ съ саратовскими деньгами“ опасенъ для „идей“ „Живого Труна“, т. е. выручаетъ логику въ рѣшеніи „Научнаго Суда“! Ни Боже мой! Дальше я подробно разясню: что этотъ эпизодъ—будучи „четвертымъ“ формализмомъ Научнаго Суда, но лишь „послѣдствіемъ“ дѣйствіи подсудимыхъ—нелогичное, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе Суда не измѣняетъ; это ничто иное какъ „предлогъ“, нужный „извратителямъ пьесы и защитникамъ Науки: дабы вложить въ уста „честныхъ островитянъ“ Толстого: свои собственные странные отвѣты, долженствовавшіе, „помощью кашки въ концѣ пьесы“, создать у зрителя убѣжденіе: что Толстой пьесу эту... не окончилъ! А отсюда и недалеко до другого ошибочнаго однако же, вывода: что „Толстой чего-то испугался“... что человѣческая Наука значить вовсе не абсурдъ и т. д! Однакоже Толстой правъ во всемъ и это мы дальше увидимъ. Теперь же намъ необходимо точнѣе установить: слѣдующій поразительный фактъ:

„Во всей пьесѣ Толстой ясно доказываетъ намъ *одно*—а сценой у служителя Науки намъ доказывается какъ разъ обратное, т. е. „Толстой“ какъ бы уничтожаетъ содержаніе и идею этой же пьесы—а значить и самого себя!? Мало того „Толстой“ уничтожаетъ этимъ какъ бы все то, что онъ всю жизнь намъ говорилъ и чему никогда не измѣнялъ до самой своей смерти! Мало того: онъ уничтожаетъ этимъ и ту идею, которой онъ въ концѣ пьесы, тѣмъ не менѣе, кончаетъ, и снова вкладывая ее въ уста „Протасова“!.. Вкладываетъ онъ ее и въ уста „Каре

ниныхъ“, ибо въ пьесѣ говорится:— „Не ихъ судять—а они судятъ общество!“ и т. д.“!.. Общество-же живетъ согласно пошлостямъ Науки! Словомъ, въ силу внесенныхъ въ пьесу защитниками Лже-Науки извращеній, „Толстой“ говоритъ намъ, какъ бы слѣдующую... ченуху:

„Господа читатели и зрители!“ Исторической частью пьесы я васъ надулъ и надулъ дважды! Всѣ трое подсудимыхъ „про симуляцію“ *знали!*.. и знали о ней даже раньше ея совершенія—*сговорились!*.. Это вы видите изъ ихъ глупыхъ отвѣтовъ при допросѣ, т. е. въ отвѣтъ на „дѣло о какихъ то посылаемыхъ въ Саратовъ денегъ“, но о чемъ я въ пьесѣ не писалъ—и каковая подробность пьесѣ и не нужна! Я, Толстой, просто шутилъ съ вами, зрителями—отъ которыхъ авторъ ничего скрывать не можетъ—и шутилъ съ самимъ собою—я выпучивалъ свою же пьесу и свою же идею! И самой-же этой пьесой! Я написалъ эту ясную вамъ картину, это совершенно правильное по цѣли и идеѣ произведеніе и идею, которой пьесу и кончаю, вкладывая ее въ уста „Протасова“—только для того: дабы опровергнуть и уничтожить въ этой же пьесѣ: содержаніе, цѣль и идею этой-же пьесы — и дабы опровергнуть ея жизненную правду и... самого себя! Я, вдругъ, захотѣлъ выручить Лже-Науку, на которую я однако-же правильно и убѣдительно и неопровержимо нападаю! Мнѣ стало жаль этой Лже-Науки! Я вспомнилъ... о своей обязанности: о... „Непротивленіи Злу“!.. которому, я однако-же, какъ грѣшный человѣкъ, всеѣми своими произведеніями, и всей своей жизненной дѣятельностью, всетаки постоянно, *измѣнялъ!*.. ибо: усиленно сопротивлялся всему тому, что считалъ за Зло! И вотъ я написалъ все это абсурдное и нечестное, и гибельное для идеи пьесы, лживое, противорѣчіе — вложенное вдобавокъ въ уста „честныхъ моихъ островитянъ“ — тоже вдругъ скрывающихъ истину, или ненужная пьесѣ тайны: дабы они могли... другъ друга погубить!.. т. е.: непротивляться Злу! И хотя въ концѣ пьесы я ихъ всетаки заставляю — сопротивляться Злу! И думалъ я этимъ выручить престижъ Лже-Науки, на которую я однако-же въ этой же пьесѣ снова продолжаю нападать и этимъ новымъ нападеніемъ пьесу и кончаю—и на какую-нибудь Науку я продолжаю нападать до своей смерти! Но сдѣлать я все это... такъ... и для потѣхи!.. и дабы создать послѣ моей смерти... новую потѣху—но увы, и новый грѣхъ: новое Сопротивленіе Злу!.. т. е. сопротивленіе этой-же Лже-Наукѣ! Я задумалъ вдругъ создать: „Самододумываніе“ среди „господиновъ человѣковъ“... послѣ моей смерти!.. т. е. создать: „Саморазвитіе мозга и души“ обтюридившихся животрупецкую Наукою людей—и даже тогда, когда меня на свѣтѣ ужъ не будетъ!“!.. А достигъ своей цѣли, я задумалъ... этимъ... способомъ... этими противорѣчіями!..

Допустить со стороны Толстого подобную шутку—отчасти—остроумную —но сопровождающуюся комическимъ противорѣчіемъ „въ самой пьесѣ“—очевидно невозможно! Можно писать о чемъ угодно, но никто не пишетъ

пьесу, чтобы „въ ней-же“ опровергнуть все то, что авторъ въ ней же утверждаетъ!? Подъ вліяніемъ порыва „Непротивленія Злу“, Толстой, временно, могъ отказаться отъ публикованія этой ясной и убійственной для престоика „Лже-Науки картины— и задержать появленіе „Грома“, въ надеждѣ добавить со временемъ къ „Грому“: указанную мною „Молнію“!.. ему еще неизвѣстную, которую онъ искалъ и не нашелъ—но устраивать высмѣиваніе своей же идеи и пьесы, „самой же пьесой“ и которая кончается торжествомъ его идеи—его же „Грома“—это *безцѣльная безмысленница*, которую очевидно немислимо приписать Толстому? Такого рода поступокъ немислимо даже объяснить переменою во взглядахъ!? А, съ другой стороны, Толстой свой взглядъ на Европейско-Научный Судъ, какъ извѣстно, никогда не измѣнялъ! Да и измѣнить не могъ! А если въ жизни и впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, то только въ одномъ пунктѣ: Толстой всю свою жизнь усиленно и снова сопротивлялся всему тому, что онъ считалъ за Зло! А поэтому извращеніе допроса подсудимыхъ, „честныхъ островитянъ“ Толстого, очевидно не могло быть произведено „самимъ“ Толстымъ! Отвѣты подсудимыхъ „по отношенію къ пьесѣ“ *все таки абсурдъ*—а кромѣ того... безчестны! А честности „Толстой“ никогда не измѣнялъ! Вѣдь и сама его идея „о Непротивленіи Злу“ вѣдь тоже ничто иное какъ: (неудачный) способъ—Сопротивляться Злу!?

Значить, фактъ созданныхъ защитниками „Лже-Науки“ измѣненій въ пьесѣ „Толстого“ — несомнѣнно на лицо! Подсудимые губятъ другъ друга, безъ всякой какой-бы то ни было нужды! „Каренинъ“ и „Лиза“ — оба любящіе „Протасова“ — губятъ себя и за одно его! „Протасовъ“ же, который дальше снова жертвуетъ своей жизнью „для любимой Лизы“ — „Идеалистъ до конца“ — столь же абсурднымъ и подлымъ молчаніемъ губитъ ихъ и самого себя! Немислимо допустить, чтобы это абсурдное и безчестное дѣйствіе честныхъ островитянъ придумано Толстымъ? И не говоря уже о томъ: что это уничтожаетъ идею пьесы!

Непонять сего могли только обьюридившіеся „Наукою Формализмъ“ мозги „современныхъ человѣковъ“, или наемные писатели, защищающіе: дальѣйшее властвованіе во вредъ Россіи: „Лже-Логика Европейско-Научнаго Суда“—„Корректныхъ Лжи и Грабежа“—„Условное Противоворѣчіе“—уничтожающее возможность прогресса и добра... у всякаго Режима!.. у всякой Революціи!..

Положеніе нисколько не мѣняется, если допустить, что „эпизодъ съ Саратовскими деньгами“ дѣло рукъ Толстого, т. е. что это ничто иное: какъ „помощь часовщику Евгеньеву!“ „Въ этомъ смыслѣ“, Толстой только и могъ написать „сцену допроса“—только въ этомъ смыслѣ онъ могъ внести и добавленіе въ историческую часть пьесы, хотя эта подробность, въ сущности, „лишнее удлинненіе пьесы“, ибо: само собою разумѣется, что „Каренины“ исполнили просьбу Протасова—вѣдь тутъ были и деньги „Протасова“, кото-

рыя онъ имъ для этой цѣли и вернуть! Но, въ такомъ случаѣ, этотъ эпизодъ „совершенно вычеркнуть“ защитниками Науки (и въ черновикахъ, что и не трудно) и опять таки: дабы *создать ту-же кашу въ отвѣтахъ подсудимыхъ—отвѣтами, ими конечно извращенными.* Это ясно, ибо абсурдно допустить, чтобы подсудимые объявляли это „тайной“ и губили другъ друга: только для того, чтобы скрыть это невинное и доброе дѣло помощи, оказываемое бѣдному часовщику? Хвастаться добрымъ дѣломъ не полагается, но скрывать это на судѣ, когда губишь этимъ невинныхъ, это уже нечестность—а значитъ: уничтоженіе идеи пьесы?! Словомъ, какъ дѣло не верти, но абсурдные отвѣты честныхъ островитянъ, уничтожающихъ главное, но и идейный смыслъ самоубійства „Протасова“ въ „Судѣ Науки“, никомъ образомъ не могли быть *созданы „душою“ Толстого?!* Эпизодъ же съ Саратовскими деньгами—въ какой бы формѣ онъ не существовалъ—явился для защитниковъ Науки „предлогомъ“, чтобы извратить отвѣты подсудимыхъ при допросѣ.

Отъ эпизода съ „нахожденіемъ трупа утопленника—посторонняго лица“—эпизода, пьесѣ окончательно уже ненужнаго—тоже нахнешь... „извращеніемъ“! 1) большинство утопленниковъ, получивъ обычныя пораненія отъ животныхъ обитающихъ въ водѣ, вообще уже не всплываютъ, 2) „идеиной“ пьесѣ подобная „подробность“ и безтолковое удлиненіе пьесы не нужны, 3) въ силу содержанія пьесы (симуляціи) утопленника вовсе не существовало—поэтому, пьеса не нуждалась въ томъ, чтобы непременно всплывать какой то трупъ? Съ другой стороны „симулировать“ „долженъ быть бы“ заботиться именно „о такомъ способѣ самоубійства“ гдѣ трупъ никогда уже не всплываетъ, 4) трупъ посторонняго лица могъ быть „въ одеждѣ“ (а „Протасовъ“ симулировать купаніе), а поэтому „могъ“ быть признанъ „какъ чужой“ не только „Лизой“, но главное: и Властями, слѣдствіемъ, и массою знакомыхъ, знавшихъ Протасова — извѣстное въ городѣ лицо; 5) „Протасовъ“ утверждаетъ странность: „черезъ пещеру нашли разложившееся тѣло“. Но тѣло, черезъ пещеру, тѣмъ болѣе въ прохладной водѣ—не разлагается!? Значитъ „Лиза“, власти, знакомые, могли-бы признать „даже въ голомъ трупѣ“ трупъ чужого человека? Словомъ, получается абсурдъ? Разъ это такъ, то „добавленіями“ являются и вопросы слѣдователя, обращенные къ „Лизѣ“ и гдѣ онъ „логично иронизируетъ“ по адресу „Лизы“: „что она признала въ этомъ чужомъ трупѣ своего мужа“! Но защитники „Науки“, извратившіе пьесу, „иронизировали“ этимъ и надъ слѣдователемъ, ибо „Лиза“ обладала, въ такомъ случаѣ, еще большимъ правомъ „иронизировать по его адресу и Властей“, т. е. отвѣтить: „гдѣ же были дѣйствія Властей и глаза Властей, неразстроенныхъ слезами?.. и гдѣ же были „ихъ“ мозги, неостѣпленные волненіемъ вдовы?.. Но иронія Лизы, какъ и иронія слѣдователя, являются однако же одновременно и: ироніей... надъ „Толстымъ“! А это опять-таки очень похоже на

дѣйствія защитниковъ Лже-Науки, которые, какъ извѣстно, утверждаютъ что Толстой въ юридической Наукѣ ничего не понималъ!? *) „Толстой“, съ своей стороны, могъ конечно удлинить пьесу: дабы пронизировать также по адресу слѣдствія, но не въ томъ-же абсурдномъ видѣ: какъ это на лицо теперь?.. и гдѣ „новыя“ подозрительныя дѣйствія „Лизы“ снова уничтожаютъ идею пьесы—а остальные подробности тоже странны?

Словомъ темершій видъ „эпизода съ утопленникомъ“ слишкомъ абсурденъ... для Толстого! Поэтому возможно, что „краткая фраза объ утопленникѣ“, во время исповѣди „Протасова“ въ трактирѣ — но о которомъ историческая часть пьесы опять таки молчитъ — цѣликомъ вставлена въ пьесу защитниками Науки, или же извращена? А, въ согласіи съ этимъ, извращена и сцена допроса! Если-же допустить, что у „Толстого“ была сцена съ нахожденіемъ утопленника, но безъ всякой „спеціальной“ цѣли — то это явилось-бы лишь „безтолковымъ удлиненіемъ пьесы“? А это опять-таки не соответствуетъ ни таланту „Толстого“, ни его „пріемамъ“ въ данной идейной пьесѣ, и которыя я раньше уже разъяснилъ! И наконецъ, это не соответствуетъ и „естественной потребности „Толстого“: не удлинять ненужными, и несущественными для идеи пьесы, подробностями и безъ того уже длинный рядъ двѣнадцати картинъ!? Но допустивъ наличность у „Толстого“ „спеціальной цѣли“: т. е. иронию по адресу Науки: которая возится моль съ „разложившимися трупами“, дѣлу не нужными, а не видить: „что она сама“: старый, но вѣчный Трупъ—тогда эпизодъ съ „утопленникомъ“ получаетъ серьезный смыслъ — для пьесы? Но въ такомъ случаѣ, ясно: что „защитники Науки“ эту „иронию“ уничтожили — а утопленника заставили дѣйствовать иначе—въ томъ числѣ и при допросѣ?!

Но этимъ не кончается дѣйствіе „Луча Свѣта“, заглянувшего въ произведеніе „Толстого“, хотя онъ уже указываетъ на „первоначальный“ его видъ—но и на могущіе быть у „Толстого“ „спеціальныя цѣли“? Дальнѣйшій разборъ пьесы укажетъ намъ на Истину снова, но съ другой, не менѣе интересной, стороны — и снова выясняя смыслъ и цѣль сдѣланныхъ защитниками „Науки“ извращеній. *Но, для этого, ответимъ, сначала, на весьма важные для человечества вопросы:*

1) Очистивъ талантливое произведеніе Толстого отъ созданнаго въ немъ, въ интересахъ Лже-Науки „Права Каша“, имѣемъ-ли мы, послѣ этого, право: осмѣливать въ чемъ нибудь рѣшеніе „Научнаго Суда“? Не было-ли, тѣмъ не менѣе, со стороны „Толстого“, какихъ-нибудь ошибокъ?

*) Утвержденіе это ничего не стоитъ, ибо «никто» на землѣ не знаетъ «Многозаконія! Но тѣмъ яснѣе постороннему лицу: что основа дѣла и результаты... абсурдъ и Ложь!.. хотя детали Многозаконія, сами по себѣ, могутъ быть удачны! Но эта «удачность» милліона деталей: юриста именно и ослѣпляетъ! «Но дабы понять какъ слѣдуетъ, «удачность» человѣческихъ законовъ, читай мои статьи «Странные Юристы», т. е.: «Истинное Вожество Единное Однозаконіе».

2) Если-же разобрать ту-же пьесу, добавивъ къ ней „эпизодъ съ посылкою денегъ въ Саратовъ“, то спасеть-ли это добавленіе „Логичность“ въ размысленіяхъ „Научнаго Суда“, осудившаго: „невиновныхъ въ дѣлѣ и честныхъ“ островитянъ и „Идеалистовъ?“

3) Если имѣемъ право оспаривать рѣшеніе „Научнаго Суда“ — то почему? Оттого ли, что оно „неуязвимичаетъ“ только благодаря „Лже-Логикѣ Формализмовъ“ той же „Лже-Науки?.. Или „Логика“ въ его рѣшеніи является абсурдомъ, несмотря на эту попытку къ „Научному неуязвимичанію“ помощью Формализмовъ?“ И въ чемъ состоитъ, въ такомъ случаѣ, абсурдъ въ Логикѣ Научнаго Суда „по существу его рѣшенія“?..

Послѣдній этотъ вопросъ является... послѣднимъ... блodomъ нашихъ разсужденій — а для слѣбцовъ, т. е. „господиновъ человѣковъ“, въ томъ числѣ и для „Научниковъ“—онъ представляется самымъ жгучимъ и интереснымъ пунктомъ трехъ указанныхъ вопросовъ, *ибо этотъ послѣдній пунктъ долженъ будетъ выяснитъ вопросъ: о новой и самой обидной неудачѣ «незамыслимыхъ этихъ героев»*, а именно: что продолжка добавленій и извращеній—на лицо!.. а „Логика“ рѣшенія „Научнаго Суда“... все-таки оказалась животрушнѣй!.. а 2) такъ неудачна, что—увы—не можетъ „неуязвимичать“ даже помощью „Лже-Логикѣ Формализмовъ“!..

Приступая къ разрѣшенію „перваго“ пункта, мы съ мѣста натываемся на новую попытку защитниковъ Науки: атаковать обьяоридившіеся формализмами мозги „современныхъ господиновъ человѣковъ“ въ интересахъ „Права Канни“ той же Науки. Они пытаются запутать дѣло заявленіемъ: „будто въ какомъ то процессѣ (и благодаря которому Толстой, якобы, написалъ это свое произведеніе) посылка денегъ „Протасову“ дѣйствительно происходила—или могла бы происходить—и: что, въ такомъ случаѣ, неправильность нападокъ „Толстого на логику обвинительнаго рѣшенія „Научнаго Суда“, будто бы, явно на лицо!..

Но, увь, это опять таки лишь животрушное средство служителей „Лже-Науки“, ибо: добавленіе этого эпизода нисколько не спасаетъ „Логикѣ“ въ рѣшеніи „Научнаго Суда“! Это, какъ уже сказано, мы обьясимъ подробно, отвѣчая на третій пунктъ. Теперь же необходимо выяснитъ сначала другое обстоятельство: что обвинительное рѣшеніе „Научнаго Суда“, если бы оно и вздумало даже опираться на подобный эпизодъ изъ жизни, или въ пьесѣ, то это было бы лишь новой грубой ошибкой и новой „Лже-Логикой Научнаго Суда“—ибо: помощь „Протасову“ могла происходить и: при полной невинности подсудимыхъ! Дѣло въ томъ: что *обвинительное рѣшеніе «Научнаго Суда» отнюдь не зависитъ отъ этого «четвертаго» формализма* (посылки въ Саратовъ денегъ) —и произошло бы и „безъ этого эпизода“, но и при немъ—и если бы подсудимые дѣйствительно сговорились устроить „симуляцію“—а также въ обратномъ случаѣ, когда они о „симуляціи“—не знали! Обвинительное и непра-

вильное рѣшеніе „Научнаго Суда“ является прежде всего: *последствіемъ* „*Логикѣ Формализмовъ*“ подобнаго Суда, а „для этой Логикѣ достаточно и трехъ формализмовъ“, т. е. трехъ предыдущихъ фактовъ: 1) посылка денегъ „Протасову“ во время разводнаго процесса, 2) прекращеніе затѣмъ разводнаго процесса, и 3) замѣна разводнаго процесса „симуляціей самоубійства“! „Посылка же денегъ „Протасову“ въ Саратовъ“ является не „преступленіемъ“ подсудимыхъ, а лишь „*последствіемъ*“ или *дѣйствіемъ* (указанныхъ трехъ первыхъ фактовъ) и безразлично отъ того быть ли при этомъ „уговоръ“ у нихъ на счетъ симуляціи или нѣтъ. Вѣдь посылка денегъ „Протасову“ въ „Саратовъ“ могла происходить: даже при отсутствіи такого уговора? Напримѣръ: „Каренины“ и „Лиза“—послѣ вѣнчанія—могли узнать о томъ, что „Протасовъ“ живъ и: посылать ему деньги для существованія? Между тѣмъ бракъ „Карениныхъ“ и „Лизы“, тогда не преступленіе, и не можетъ вызвать обвиненіе подсудимыхъ въ „сознательно совершенномъ двоемужествѣ“, а только: расторгеніе этого брака! Симуляція-же „Протасова“, тоже не преступленіе, а: *отказъ отъ преступленій*, т. е.: отъ пошлостей разводнаго процесса и: отъ преступленія самоубійства! А съ точки зрѣнія „Лизинаго двоемужества“, тутъ тоже преступленія нѣтъ, *и именно съ точки зрѣнія логики юристовъ*, ибо: „симуляціей“ Протасовъ вовсе не обиживаетъ „Каренина и Лизу“ непременно вступать въ „законный“ бракъ—а заботится лишь: о счастіи другихъ, и: „о ихъ честности“ по отношенію къ первому мужу „Лизы“. Съ нравственной точки зрѣнія, тутъ тоже преступленія нѣтъ, такъ какъ по Божественному ученію Христа: „Форма“ есть „Любовь“!.. а бракъ освящается только: „Любовью къ душѣ супруговъ“, узаконивающей затѣмъ все остальное, т. е: Волю Создателя: чтобъ потомство было здоровымъ продуктомъ здоровой, а значить и душевной, также Любви! И въ подобную Любовь „Лизы“ къ „Каренину“ „Протасовъ“ вѣрить. Съ другой стороны, „Протасовъ“, ведя по этому поводу переговоры, прямо указываетъ князю Абрезкову: „на „Живость принципа Формы“, по которой „Каренины“ невольно всетаки загипнотизированъ, какъ загипнотизировано вообще все человѣчество, столѣтіями разсуждающее „Логикой „Лжи“! Но во всѣхъ этихъ случаяхъ „Научный Судъ“, основывая свое рѣшеніе по прежнему: на „безжизненныхъ формализмахъ“, т. е. на трехъ „первыхъ“ фактахъ исторіи дѣла, *всетаки и именно постановилъ-бы обвинительное рѣшеніе: какъ по отношенію виновнымъ лицъ «какого-то процесса», такъ и по отношенію къ совершенно невиновнымъ и честнымъ лицамъ и идеалистамъ произведенія Толстого!* Фактъ посылки денегъ, будучи „*последствіемъ*“ первыхъ трехъ фактовъ, ничего въ рѣшеніи Научнаго Суда-бы не измѣнили, а увеличилъ-бы лишь немного увѣренность судей въ томъ, что все трое подсудимыхъ сговорились насчетъ „симуляціи“! Мало того, фактъ посылки денегъ „бѣдному часовщику Евгеньеву“—хотя бы и доказанный—тоже не измѣнили бы Лже-Логикѣ форма-

лизмовъ „Научнаго Суда“, ибо: онъ рѣшилъ бы попрежнему: „договоръ“ по части „симуляціи“ былъ, а „часовщикъ Евгеніевъ“ получаетъ деньги только „для отвода глазъ“ и для передачи ихъ затѣмъ „Протасову“!

А почему этотъ абсурдъ возможенъ? Потому, что Судьи „Научнаго Суда“ сидятъ не только въ дѣляхъ, повѣшенныхъ на шеѣ, но и въ *«кап-далахъ»* *«Логикъ Формализмовъ»* *«Лже-Науки»*! Последнее блюдо... по съ „горькой чашей“... еще яснѣе выяснитъ эту грустную „кандалную логику“ „Научнаго Суда“, ибо неопровержимо докажетъ намъ вдобавокъ: полную нелогичность разсуждений „Научнаго Суда“ „по существу“ его рѣшеній!

Изъ вышеизложеннаго видно, значить: что помѣщеніе, или непомѣщеніе, Толстымъ „эпизода съ Саратовскими деньгами“ отнюдь не могло нарушить успѣхъ идеи произведенія „Толстого“ и это *даже въ томъ случаѣ если-бы „Каренины“ дѣйствительно посылали деньги „Протасову“, а не часовнику Евгеніеву!* Въ пьесѣ же Толстого они узнаютъ про симуляцію лишь отъ слѣдователя и Протасову поэтому ничего не посылали! Поэтому, какъ дѣло не верти, а идея „Живого Трупъ“ даже при подобной атакѣ защитниковъ Науки... „неуязвима“: „Европейско-Научный Судъ“, осудившій поедудимыхъ... „Полноправный Живой Трупъ“! А потому инситуаціи защитниковъ Науки: будто Толстой, испугавшись якобы „Саратовскаго эпизода“, запутавшись, могъ отказаться отъ выпуска своего произведенія—и что онъ его будто-бы не окончилъ—совершеннобѣйшій абсурдъ! Подобное заявленіе, какъ видно, является лишь „ловушкой“ для обюривающагося „логикомъ формализмовъ“ мозга? Наконецъ предположеніе это опровергается „самоубійствомъ Идеалиста Протасова“ „въ самихъ хоромахъ“ „Научнаго Суда“, которымъ пьеса и кончается и его послѣдними словами, резюмирующими идею пьесы:—„Меня (насъ) судятъ и осудятъ только за то, что я (мы) не совершили преступленій“! Опровергается оно и дѣйствіями „Каренина“ и „Лизы“ въ Судѣ про которыхъ говорится: —„Не ихъ судятъ!.. а они судятъ общество“!

Но лучшее доказательство „полноправности“ Научнаго Суда на титулѣ „Живой Трупъ“ -- принесетъ намъ конечно... послѣднее... блюдо! Но и теперь уже ясна попытка и потребность защитниковъ Науки: придать пьесѣ Толстого: путанный и неоконченный видъ!

Этими разсужденіями мы кончаемъ ...предпослѣднее... блюдо, которое „Лучемъ Свѣта“ и освѣщено на пользу Г-жѣ Наукѣ! Все предыдущее показываетъ намъ: что явное противорѣчіе, которое мы видимъ въ пьесѣ, не могло быть совершено „душой Толстого“ и каковы бы ни были, въ остальномъ... черновики! Что нибудь подобное было бы возможно развѣ если допустить: что *«Толстого» усыпляли и что онъ въ состояніи гипноза писалъ всю эту кашу подь диктовку слугителей Науки!*? Допустить что нибудь подобное можно, но... „новая бѣда господъ Научниковъ“ въ томъ: что фактъ подобнаго гипноза отнюдь не измѣняетъ фактъ совершенныхъ въ пьесѣ Тол-

стого „Защитникомъ Лже-Науки“ „измѣненій и добавленій“, какъ и неопровержимую логику всего того, на что я уже указать? Это служило бы лишь объясненіемъ „для одного изъ способовъ“ подобной продѣлки?

Положимъ, что Толстой могъ и самъ продиктовать себѣ все это, подъ влияніемъ порыва „Непротивленія Злу“. Союзника Науки, по это положеніи не мѣняетъ. Это продуктъ борьбы Толстого съ гипнозомъ, но не самъ Толстой. А значить не освобождаетъ насъ: отъ обязанности очистить пьесу отъ происшедшихъ въ ней, такъ или иначе, измѣненій!

* * *

Теперь приподнесемъ г-жѣ Наукѣ... послѣднее блюдо! *Отвѣтимъ теперь на третій пунктъ—на самый животрепещущій для человечества вопросъ:*

„Научный Судъ“, осудивъ трехъ подсудимыхъ на основаніи „Логикѣ Формализмовъ и Многозаконія, т. е. на основаніи трехъ голыхъ, безжизненныхъ, фактовъ (посылка денегъ во время разводнаго процесса—прекращеніе этого процесса—и симуляція самоубійства) „неуязвимичаетъ“ передъ „господиномъ человѣкомъ“ помощью „Логикѣ Формализмовъ Госпожи Науки“! Какими-же аргументами Божественный Разумъ и Его Анти-Научная Логика разобьютъ эту „Логикѣ Науки по существу рѣшенія Научнаго Суда? Поможетъ-ли противъ всеильнаго деспотизма Формализмовъ „Лучъ Свѣта“, который—разсуждая свободными отъ Научнаго гипноза мозгами—раскрытъ продѣлки „Указа принципа Непротивленія Злу“, или лицъ испортившихъ произведеніе Толстого?

Рѣшеніе „Животрунствующаго Европейскаго Суда“ нельзя спасти: ни добавленіемъ о Саратовскихъ деньгахъ, ни уничтоженіемъ этого эпизода—ни свѣжами, но подобными Наукѣ—утоплениками, и вообще ничѣмъ! Дѣло въ томъ, что въ *основу* рѣшенія „Научнаго Суда“ „по существу вопроса“ легло слѣдующее комическое положеніе. Слѣдователь, какъ и Судъ, приняли „островитянъ Толстого“... „за обыкновенныхъ пошляковъ“, такихъ же какъ и все остальное, воспитанное въ „Логикѣ Формализмовъ (т. е. Лжи и Хамствѣ) общество! Поэтому, слѣдователь, какъ и Научный Судъ ничуть не удивлялись тому: что „Каренинъ“ и „Лиза“ посылаютъ „Протасову“ деньги и: якобы для симуляціи—они нисколько не удивляются тому, что Протасовъ ихъ якобы и взялъ! „Каренинъ“ и „Лиза“ его „бѣднаго“ молъ подкупили, а онъ эту взятку, конечно, взялъ и... устроилъ имъ симуляцію самоубійства!.. Если бы теперь впасть въ ошибку и обвинить „Научный Мозгъ“ въ отсутствіи того идеализма, который „Толстой“ показываетъ намъ въ лицѣ своихъ „островитянъ“, то этотъ упрекъ не уничтожилъ-бы еще „неуязвимость“ рѣшенія „Научнаго Суда“ опирающагося все-таки: на *повелѣнія* „Логикѣ Формализмовъ Госпожи Науки“! Но въ томъ то и дѣло, что „Лучъ Свѣта“, дѣйствующій Логикой „анти-научной“—Логикой „Здраваго Смысла“,

Логикой свободной от гипноза виѣшнихъ формъ—находить „Лучи“ для нужной Наукѣ „Молнія“ не въ „Идеализмѣ“ островитянъ Толстого, но—увы—и по прежнему: *въ собственныхъ абсурдахъ* Логики Научныхъ Судей! И проглотить придется Г-жѣ Наукѣ чашу „двойнѣ уже горькую“, *т. е. такую, которую она приподнесла себѣ опять таки... сама!* И да послужить это „Кошкѣ“, сидящей „охранникомъ“... у—мышекъ—но и вѣсѣмъ ея вѣрно-поданнымъ слѣпцамъ: толчкомъ въ видахъ Саморазвитія ихъ мозга и души!..

Слѣдователь и Научный Судъ считаютъ „островитянъ“: за равныхъ обществу людей, т. е. за „научныхъ пошляковъ“! Зрителю, истина извѣстна, но слѣдователь и Судъ не знаютъ того, что авторъ сообщаетъ зрителю! Поэтому обвиненіе „Научнаго Суда въ нелогичности“ *должно обосновываться другими „аргументами“!* Но въ чемъ же состоитъ тогда нелогичность и вина обьяуродившихся Наукѣ мозговъ? Состоитъ эта животрунность въ томъ: „что разъ подеудимые были признаны „Научнымъ - же Умомъ“ „за обыкновенныхъ пошляковъ“—то гдѣ же Логика Научнаго Суда, предположившаго: что всѣ три „пошляка“ стали-бы рисковать судомъ, лишеніемъ правъ, и обьявленіемъ брака незаконнымъ, когда для пошляковъ, охотно поделяющихся закономѣрностями и Логикѣ Науки, на лицо: вполнѣ безопасный „выходъ“ изъ ихъ положенія?.. *имъ нужно было произвести лишь обычныя пошлости разводнаго процесса?* Et voilà tout! Мало того, „пошляки“ эти оказались-бы тогда „задрапированными: закономѣрностями“—цѣлымъ рядомъ узаконенныхъ Наукою человѣковъ преступленій, безобразій и обмановъ, но... вызывающихъ въ научно-развитомъ мирѣ: уваженіе и почетъ!.. почетъ... „Потаненскаго“ общества, т. е.: такихъ же „обыкновенныхъ пошляковъ“!? Мало того, пошляки могли быть „почетными“ людьми, милыми и удобными для всѣхъ, и неуязвимыми для „Научнаго Суда“: даже безъ разводнаго процесса?! Но „Научный Судъ“ и его „Формальный мозгъ“ *не отличивъ Идеалистовъ, доводящихъ честность до конца... отъ пошляковъ!.. предполагаетъ: возможность съ ихъ стороны дѣяній... которыя „пошлякамъ“ совершенно не нужны и имъ не свойственны и которыя—при полномъ согласіи всѣхъ трехъ лицъ - привели бы всѣхъ трехъ участвующихъ въ дѣль лицъ... даже въ лапы Лже-Научнаго Суда!.. защитника Многозаконія „господиновъ челоѣковъ“!*

И изъ за такой удивительной несообразительности мозга „Научнаго Суда“ трое честныхъ и невинныхъ: осуждаются Судомъ!.. А идеальнѣйшая личность этихъ островитянъ: вынуждается искать „выхода“ для остальныхъ невинныхъ... въ самоубійствѣ!.. т. е. опять таки въ преступленіи! И: навязаннаго ему опять-таки... кѣмъ? Все той-же животрунной Логикой Многозаконія челоѣковъ—этой же челоѣческой Лже-Наукой Формализмовъ—Наукою Условной Правды... Наукой „Условнаго Противуворетва“!.. Наукою „Корректности при Грабежѣ“!

И вотъ „Идеалистъ Протасовъ“ гибнетъ въ самыхъ горюмахъ этого „Же-Научнаго Суда!.. Среди нечестности, онъ честно кончаетъ свои расчеты съ жизнью—но кончаетъ ихъ всетаки: преступленіемъ, навязаннымъ ему снова и насильно: „Же Логикой того-же Научнаго Суда! Этимъ онъ передаетъ свое „наименованіе“ Суду: онъ украшаетъ „Научный Судъ“ Ореоломъ и „Лучами Свѣта“!.. по... освѣщающихъ чело: „Всесильнаго... Всемирнаго... „Живого Трупъ“!.. „Всемирно-организованныхъ мошенничествъ и „Лжи“!.. Корректнаго бездѣйствія Власти!.. и Уничтожителя трудовъ... всякаго... Режима!

Но каковъ-же „новый“, интересный, выводъ изъ явной нелицитности размышленій „Научнаго Суда“? А выводъ тотъ: что, въ данномъ случаѣ, Суду неммыслимо даже „неуязвимизмизмъ“ помощью преступной Логикѣ Формализмовъ „Же Науки!.. ибо нелицитность явныя и основана на собственныхъ аргументахъ служителей Науки!

По Логике Научнаго Суда, по существу его рѣшенія, нельзя спасти даже при добавленіи къ дѣлу „четвертаго“ формализма (посылки денегъ въ Саратовъ), ибо: будь честные островитяне „попшыками“—какъ это именно думать „Научный Судъ“—то эти деньги посылались бы „Протасову“ послѣ „законнаго“ развода и вѣнчанія?.. и тогда помощь эта опять-таки не нуждалась въ тайнѣ! При идеализмѣ-же и честности трехъ подсудимыхъ, эти деньги посылались бы „Протасову“: „даже при симуляціи самоубійства“, но, тѣмъ не менѣе „невинными“ лицами, узнавшими, уже послѣ вѣнчанія, о томъ, что Протасовъ живъ! Опять таки: не тайна „на Судѣ“? Или-же въ третьихъ: эти деньги посылались бы этими же невинными лицами: часовщику Евгеньеву. Опять-таки: не тайна... на Судѣ! Значить „четвертый формализмъ“ тоже безсильнъ создать „неуязвимизмъ“ Логикѣ Суда! А „тайна“ вложенная защитниками Науки въ уста „Карениныхъ“... глупость! А Логикѣ Формализмовъ, четвертый этотъ формализмъ, какъ извѣстно, тоже не спасаетъ, ибо: онъ является лишь „послѣдствіемъ“ дѣйствія подсудимыхъ, а не ихъ преступленіемъ!..

* * *

Но торжкая чаша приподносимая и-же Науки, отнюдь не кончается даже предѣлами пьесы Толстого! Все, что выяснено „Лучами Свѣта Анти-Научной Логикѣ“, бросаетъ яркій свѣтъ и на тотъ „жизненный процессъ“, въ которомъ тоже происходила „симуляція“! „Лучъ Свѣта“ выясняетъ — увы!—что и тутъ „Научный Судъ“ неправъ! Если даже допустить, что этотъ „другой симулянтъ“ не былъ „Идеалистомъ Протасовымъ“, а считалъ „симуляцію лучшимъ, т. е. болѣе продолжительнымъ, способомъ „выжиманія денегъ изъ влюбленныхъ“ — если считать, что влюбленные, тѣмъ не менѣе, предпочли освятить свою любовь „законнымъ бракомъ“—то и это не могло бы служить основаніемъ для обвинительнаго приговора „Христіанскаго Суда“, ибо „законный“ бракъ оказывался бы опять-таки: не „преступленіемъ“ под-

судимыхъ, а: *оный* *дѣйствіемъ* «вынужденнымъ» *опять-таки*: *деспотизмомъ* *человѣческаго* *Многозаконія* и: *логикой* *формализмовъ* и *законовъ* *Лже-Науки!*— ихъ послѣдствіемъ: т. е. является преступленіемъ *человѣческаго* *Многозаконія!*.. а не подсудимыхъ! Съ другой стороны, если допустить, что „процессный Протасовъ“ любилъ „процессную Лизу“, а она его пѣтъ—то ясно, что „процессный пѣница“, ставшимъ такимъ „съ горя“, былъ бы тоже ничѣмъ инымъ, какъ: „новой жертвой“ тѣхъ же „человѣческихъ и научныхъ деспотовъ“, а вовсе не преступникомъ!? Все его такъ называемое преступленіе сводится къ тому: что „онъ не дастъ развода“, ибо любитъ, и потому, что этимъ способомъ, такъ или иначе, надѣется получить когда нибудь обратносвою Лизу“!?

Но что же изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то 1) что повсюду и вездѣ „преступленіемъ“ является „Человѣческое Многозаконіе“ и: *Логика* *Законовъ* *Науки* — дѣянія же людей ничто иное какъ послѣдствіе этой *Лже-Науки*—а не преступленіе!—и 2) что всякое рѣшеніе „Научнаго Суда“ поэтому „Животрушность“! Оно является такимъ и въ дѣлѣ „честныхъ островитянъ“ произведенія Толстого!.. оно является имъ и: въ „обоихъ“ случаяхъ разобраннаго нами „процесса, взятаго изъ жизни“!

Ну... а это опять-таки новое доказательство „правильности“ идеи „Живого Трупа“!.. А значить и новое Торжество указаннаго мною: „Истиннаго Божественнаго Однозаконія“! *Правильная идея Толстого значить даже если бы «Каренинъ и Лиза» посылали деньги симулянту «Протасову», будучи съ нимъ въ заговорѣ!* Они: жертвы *Лже-Науки!* *Правильная идея „Толстого“* даже если бы всплыть случайно „Союзникъ госпожи Науки“: „другой утопленникъ“ — и если-бы „Лиза“ признала въ немъ мужа, хотя и знала, что онъ живъ! *Все сводится къ тому:* что „такъ называемыя преступленія людей“— и именно *честныхъ лицъ*: ничто иное какъ: „послѣдствія“ *логики* „госпожи Науки“ т. е. „Человѣческаго Многозаконія“—*оба Богомъ запрещеныя*! (читай мои статьи объ „Истинномъ Божественномъ Однозаконіи“). А остальные люди, „обыденные пошляки“, подчиняющіеся этому Многозаконію (хотя и двумъ даже господамъ услужить невозможно!) *творятъ* вѣднія Науки, но ихъ дѣйствія опять-таки: тоже *«преступленіе»*, т. е. „Форма“, т. е. „Южъ“!

Но „Служеніе Формѣ“ есть и „Хамство“! И поэтому неудивительно, что какъ Наука „Условнаго Противуворства и Корректнаго Грабежа“ и не „драпируется“... а *основой* этой Науки невольна является: и „Хамство“!.. И къ Хамству она обязываетъ поэтому и лучшие элементы общества! А въ результатѣ: официально признанныя даже противурѣчія въ законахъ государствъ!.. стремящіяся исправить: „законное хамство“ этого же Многозаконія!

И нечего поэтому и удивляться: развитію, автоматически (читай мои статьи) „Лжи и Хамства“, т. е. служеніе Формѣ — развитію, автоматически: „Корректности при грабежѣ“, ибо что же иначе могла создать „Наука чѣ-

человѣческаго Многозаконія“, „Римское Право“ и т. д. тайная цѣль которой было: уничтожить „Истинное Божественное Однозаконіе — извратить его — создать „Неправильное Толкованіе Указаній Моисея и Христа“ — помѣнать „Абсолютному Противуворству Божественнаго Разума“, *не дающую возмож-ности поддержать награбленное!*.. и замѣнивъ его: „Всемирнымъ Усложненіемъ“, „Правомъ Каини *Вора*“, т. е. „Животрупностью“: Корректнымъ (гражданскимъ) грабежомъ, и подъ гипнозомъ „Святости Науки“!?

Но это не все. „Паучій Судъ“ законъ для всѣхъ — гипнозъ для всѣхъ—а потому гипнозу формализмовъ — гипнозу принципа Многозаконія—подвержены не одни юристы, но и другіе „господины человѣки“, а именно „Судъ присяжныхъ“, „Судъ сословныхъ представителей“—и даже „Третейскій Судъ“! По этому подобныя детали тоже ничего не могутъ измѣнить: ни въ идеѣ „Живого Трупца“, ни въ „Логикѣ“ указаннаго мною „Истиннаго Божественнаго Однозаконія“. Поэтому — считать подобныя детали: „ошибкою Толстого“ (читай разсужденія въ изданіи Черткова) опять-таки: смѣшно!

И очевидно, что „фарисей“, давно, въ свое время, уже позаботились о томъ: чтобъ было извращено „въ достаточной мѣрѣ“, то, что „Апостолы“ записали со словъ Христа, т. е. Истинное Божественное Однозаконіе! А, въ результатъ, нелогичности: противурѣчіе между указаніями Моисея и Христа! Толстой же, не понявъ причину противурѣчія, добывался Истины *не отыскивая извращеній, или ошибаясь*—и поэтому, естественно и логично, и отыскалъ въ ученіи Христа то, что нужно принципу „Корректности при Грабежѣ“, а именно... „Непротивленіе Злу“! Но, будучи Толстымъ, Правдистомъ, онъ этому принципу, какъ видно, постоянно измѣнялъ!

Яшѣ освѣщая Лже-Логикѣ Науки, Толстой выбралъ для своей пьесы тотъ случай, гдѣ всѣ подсудимые честны и честны „до конца“ и гдѣ „обвинчанные про симуляцію не знали“—*т. е. выбралъ нарочно самый крайній случай*—и доказывая этимъ тоже самое, на что указывалъ и я—но картинками: что „люмпяки“ вынуждаются „Паукою“ господиновъ „человѣковъ“ къ преступленіямъ, къ Формѣ, т. е. къ Хамству, т. е. Лжи—но живутъ они зато спокойно! Честнымъ лицамъ повторить эти преступленія тяжело, но это для Науки... „ничего“!.. (а я добавлю: и „выгодно“) Въ третьихъ: но если честныя лица „посмѣются“ переходить предѣлы „приличія“, допускаемые Царствующей повсюду Наукою Лжи и Корректнаго Грабежа, т. е.: доводить честность до конца!.. то ихъ Паука: истребляетъ! И истребляютъ ихъ даже „честные“ судьи, ибо сидящіе всетаки: въ „кандалахъ“ Логики Науки и деспотизма ея Формализмовъ!.. Грѣхъ, это результатъ человѣческаго Многозаконія! И въ этомъ только смыслъ и слѣдуетъ конечно понимать и слова апостола Павла: —„Не было-бы (человѣческихъ) законовъ (деспотовъ)—не было-бы и грѣха!“ Какъ проловѣдникъ „Истиннаго Божественнаго Однозаконія“ онъ иначе говорить и не могъ? „Паучье-же Многозаконіе“ создастъ: единственный

на свѣтъ грѣхъ: Ложь, т. е. Фальшь души!.. Форму... Рамку! Но для Науки эта Фальшь есть: законѣнность—а не грѣхъ! То, за что въ „порядочномъ“ обществѣ быють хлыстомъ—т. е. за „Хамство“, въ „Судахъ Науки“ является: Высоко-Научностью!.. и „Умомъ!“

Но казалось-бы, что не трудно понять: 1) что никакого толку быть не можетъ отъ какихъ-бы то нибыло мѣропріятій, если они не бываютъ *неумолимо подчинены*: „единственному толковому на свѣтъ деспоту“, а именно „Служенію дѣлу, т. е. присягѣ—и, дѣломъ ближнему“!? 2) вѣдь это-же только типы вырожденія, гипнозъ, или „умницы грабители“ (гражданскіе) могутъ отрицать: что, при нежеланіи служить дѣлу или ближнему, всякія мѣропріятія (теперешніе законы) могутъ быть примѣнены къ дѣлу (формализмами и всякими другими средствами) *такъ*, что эти „теперешніе“ деспоты (законы) всетаки будутъ дѣйствовать „во вредъ дѣлу, присягѣ и ближнему“? 3) что теперешнія мѣропріятія, будучи законами, а не „совѣтами“, т. е. деспотами, по ошибочнымъ, при отсутствіи ихъ *подчиненія* этому единственному правдивому и толковому деспоту, т. е. „Истинному Божественному Однозаконію“—опять таки, „и безъ злого даже намѣренія людей“—сами по себѣ дѣйствуютъ—во вредъ присягѣ—т. е. дѣлу!? А въ результатѣ: 1) бездѣйствіе честныхъ!.. и 2) автоматически увеличивающееся: „Саморазвитію нечестныхъ“ и: „Корректности при Грабежѣ“ у всѣхъ нечестныхъ элементовъ государства! (Подробности были въ моихъ брошюрахъ и статьяхъ). Понять не трудно? Но... понять... *невыгодно!*.. Не даромъ фарисеи „толкнули“ спасаемыхъ: казнить Христа!.. т. е. казнить: „Истинное Божественное Однозаконіе!“ А затѣмъ замѣнили его... другимъ: „Люби!.. Люби!.. И больше ничего!“ А слово „Наказаніе“ и: „Любовный, Реальный, Бичъ Христа—заставляющіе любить!.. вычеркнули! А „Божественное Однозаконіе“ замѣнили: „Человѣческимъ Многозаконіемъ!“ т. е. Корректностью при Кашѣ и Грабежѣ, и при бездѣйствіи Судовъ (Паучиныхъ) и Властей!.. Не трудно понять: что „Люби, Люби—и больше ничего“—это ничто иное какъ: пужное Лже-Наука: „Непротивленіе Злу“!

А я добавляю снова: „къ чему это еще приводитъ? Приводитъ этотъ „Клнть высоконаучный“—вбитый „между Царями и Народами“—между человѣчествомъ и „Истиннымъ Божественнымъ Однозаконіемъ“—къ *уничтоженію трудовъ всякаго режима!*.. къ уничтоженію плодовъ всякой революціи направленной къ добру! Но „слѣпцы и революціонеры“ этого не видятъ! И „честныя Власти“ этого не видятъ! Они *не понимаютъ: что, при такихъ условіяхъ, всякій режимъ ничто иное какъ „ширма“—и что послѣ всякой революціи старое положеніе „Грабежъ уничтожается“—замѣняется лишь: „Увеличеніемъ „Корректности“ при Многограбежѣ!“ и: на счетъ тѣхъ же „революціонеровъ-слѣпцовъ“, пролившихъ свою кровь... „за ширму“... за которой сами-же и спрятали своего, ослѣпшаго ихъ, Научность, врага! И настоящая „Физиономія“ которая исчезаетъ: въ ослѣпительныхъ Лучахъ... Святости Лже Господжи Науки!..*

Все вышеуказанное, вмѣстѣ взятое, является такимъ образомъ одновременно и: Новымъ Торжествомъ скрытаго отъ Толстого „Истиннаго Божественнаго Однозаконія“, *вынуждающего*: „служеніе дѣлу“ и „дѣломъ ближнему“, а не: выгораживаніе статей человѣческаго Многозаконія, Кани Многодесятии и Корректнаго грабежа и „Корректнаго Самоуничтоженія“ — и на пользу: „Автоматическаго Само-Развитія“ всѣхъ печестныхъ элементовъ государствъ!

Иванъ Петровичъ!

Итакъ „Научный Судъ“ и человѣческое Многозаконіе и Формализмы „и въ предѣлахъ пьесы“ неправы и „выхода“ изъ положенія нѣтъ другого какъ: въ указанномъ уже мною раньше моими брошюрами и статьями: „Истинномъ, Божественномъ, Однозаконіи“ и: Любвиномъ, Реальномъ, Бичѣ Христа!“ Толстой-же до этого выхода не дошелъ — нѣтъ его и въ его пьесѣ! Его отъ него скрывали! И, въ согласіи съ этимъ, „Раздраженный Русскій Геній“ и „Правдистъ“ (Иванъ Петровичъ) и не препятствуетъ „Русскому Идеалисту“ (Протасову)... застрѣлиться! Онъ шепчетъ... за его большое путешествіе! Онъ-же берегаетъ его револьверъ, когда Маша этому помѣшала, чтобъ, въ „Научномъ Судѣ“, вручить его „Идеалисту“ вновь и снова указывая ему: „Для русскихъ Геніевъ, Правдистовъ, Идеалистовъ — удѣлъ которыхъ непризнанность, загнанность, нищета и горе — другого исхода нѣтъ! Смерть Генія, Правдиста, необходима — необходима человѣчеству — дабы слѣпцы и завистники, бездарники, поняли, что они потеряли!

„Господины человѣки“ можетъ быть, и авось, согласятся со мною: что снова пора проснуться и понять: 1) какую важнѣйшую роль „Толстой“ удѣлитъ въ пьесѣ „Ивану Петровичу“ и 2) что повсюду личность эту совершенно не поняли—не поняли ее даже послѣ ея „высоко-идейнаго“ выступленія въ „Европейско-Научномъ Судѣ“, и безъ чего финалъ пьесы Толстого не могъ-бы совершиться, т. е. идея пьесы была-бы уничтожена? Въ согласіи съ этимъ, совершенно не вдумались и въ слова „русскаго генія“ въ трактирѣ — въ внутренній, загадочный, ихъ смыслъ — а въ результатъ его разыгрываютъ какъ какую-то несчастную, безсодержательную, личность — почти комическую!

И никому не приходитъ въ голову мысль: „что дѣйствія „этого генія“ идейны, правильны и *неизбѣжны* для выясненія царствующей на свѣтѣ Лжи, и что слѣдуетъ значить иначе толковать и слова генія въ отдѣльномъ кабинетѣ — идущаго на смерть за свои убѣжденія? Никому не приходитъ въ голову то, что „идейному“ писателю, Толстому, *и котораго всякая личность является „идеей“*, не могла прийти въ голову фантазія ввести въ идейную же пьесу не нужный пьесѣ типъ, ничего собою не представляющую личность, и вмѣстѣ съ нимъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, вручая ему-же исполненіе и осуществленіе важнѣйшихъ дѣйствій пьесы и идеи пьесы! Мало того, проснувшись, „господины человѣки“ предложить себѣ, можетъ быть,

новый вопрос: „Какъ-же это Толстой обрекъ „Ивана Петровича“ на полное молчаніе въ „Научномъ Судѣ“, виновника того, что „русскій геній“ выужденъ снова дать „Русскому Идеалисту и Правдисту“ револьверъ въ руки? — „Умри! Тебя эта „Животрушность всеравно не пойметъ! И иначе не пойметъ! А когда пойметъ, то замолчитъ и скоро вгонитъ въ нищету!!! А я — Геній — мнѣ съ тобою одна дорога!“ — Какимъ образомъ „Иванъ Петровичъ“, который самъ называетъ себя „Геніемъ“, „смотѣлъ“ въ тотъ важнѣйшій моментъ идейной пьесы и снова не обратился къ „Научнымъ Судьямъ“ со словами: „Слѣбцы!.. Формалисты!.. Лицемеры!.. Такъ вамъ и пужно!.. Теперь яенѣ! Не могли отличить пошляковъ своихъ, научныхъ и закономѣрныхъ, отъ Идеалистовъ доводящихъ честность до конца!“ — Какъ объяснить, что именно у „Толстого“ отсутствуетъ это *объясненіе идеи пьесы, необходимое только „господинамъ человѣкамъ“ — отсутствуютъ необходимые имъ „Грѣмъ и Молнія“!*?

И невольно напрашивается снова вопросъ: не уничтожили-ли защитники „Же-Науки“ послѣднюю сцену пьесы?.. не измѣнили-ли они до извѣстной степени и раньше уже обликъ „этого генія“ въ первой сценѣ, въ отдѣльномъ кабинетѣ? Проснувшись, „господины чловѣки“, авось, согласятся со мною, что *„молчаніе“* раздраженного русскаго генія въ „Научномъ Судѣ“ при гибели „Русскаго Идеалиста и Правдиста“, столь же странное, и выгодное „Же-Наука“, противорѣчіе съ идеей пьесы, какъ безчестное и абсурдное молчаніе Правдиста и Идеалиста (Протасова) въ сценѣ вопроса?.. и дополняющія его: абсурдныя заявленія остальныхъ честныхъ „островитянъ“? Детали подобной сцены въ моментъ „гибели Протасова въ Европейско-Научномъ Судѣ“, конечно, трудно установить, но несомнѣнно, что что-то въ родѣ того, на что я указалъ, напрашивается само-собою, а могло-быть измѣнено или вычеркнуто: только защитниками Же-Науки или: Указомъ Толстому Союзника Науки: Непротивленіемъ Злу“?

Весьма возможно, что Толстой—рисую намъ типъ „Раздраженного русскаго Генія“, сопровождающаго Протасова повсюду, т. е. содѣйствующаго дѣйствіямъ столь же несчастнаго „Русскаго Идеалиста, Правдиста“—въ сущности, нарочно, или невольно, но изображалъ самого себя—т. е. то, что Толстой неоднократно чувствовалъ и, въ этомъ смыслѣ, самъ даже значить испытать? Но Толстой, можетъ быть, стѣснялся прямо и ясно нарисовать самого себя? Но даже если стать на ту точку зрѣнія, что „Иванъ Петровичъ“ не является „полноправнымъ геніемъ“, а лишь „считаетъ себя за такого“, то это всетаки нисколько не мѣняетъ положенія, т. е. всего того, что мною уже разъяснено, ибо нисколько не можетъ уничтожить фактъ страннаго его молчанія въ „Научномъ Судѣ“: потребность и даже обязанность этой страстной и энергичной личности: высказать судьямъ и обществу правду въ лицо при гибели „Русскаго Идеалиста и Правдиста?“ Онъ не могъ не указать имя и вѣкъ: „что онъ былъ правъ, считая себя „Аристократомъ Духа“, т. е.

выше этихъ судей, общества и т. д. державшихъ его „за дверями Суда“, въ законѣ, и хотя это нарушало даже статьи ихъ же... человѣческаго Многo-закона!?

Я указываю на это нарочно, дабы, въ виду (созданнымъ Логикой Науки и Царствомъ Лжи), вырожденія мозга, а поэтому и „тѣни мысли“ современныхъ „господиновъ человѣковъ“, печально не подумали: что вопросъ о томъ: есть ли „Иванъ Петровичъ“ гений, или нѣтъ?.. могъ-бы измѣнить все то, на что я указалъ. Конечно нѣтъ! Указанныя мною дѣйствія болѣе чѣмъ естественны для всякаго вообще Правдиста, Идеалиста—а тѣмъ болѣе: раздраженныхъ окружающимъ ихъ Царствомъ Лжи!

Въ согласіи съ этимъ, въ приложенномъ тутъ „проектѣ“ уничтоженія противорѣчій въ „Живомъ Трупѣ“, сдѣланнаго однако-же *въ строгомъ согласіи съ данной Толстымъ идеей пьесы*—я измѣнилъ не только „сцену допроса у Слѣдователя“, и нѣкоторыя другія детали, но добавилъ и сцену въ концѣ пьесы и уничтоживъ этимъ: „Невольное служеніе русскаго гения принципу „Непротивленія Злу“! Одновременно, я прошу проснувшихся среди читателей: внимательно отнестись и ко всѣмъ моимъ примѣчаніямъ къ пьесѣ, которыми я сопровождаю этотъ „проектъ“! Они подтверждаютъ читателю: правильность моего взгляда на цѣль и идею пьесы, на выведенные тутъ типы, и какими они представлялись „Истинному Толстому“, т. е. въ тѣ моменты: когда онъ: освобождался отъ гипноза принципа „Непротивленія Злу“.

Значить: даже въ предѣлахъ пьесы, Толстой правъ—но онъ не дошелъ до Правильнаго Толкованія Указаній Моисея и Христа! *Идея же данная пьесой*, какъ и сама пьеса, *всетаки неуязвима!* А разъ это такъ—разъ впечатлѣніе отъ этой пьесы на лицо, то защитникамъ Лже-Науки и нужно было портить это произведеніе! И это „незамѣтное геройство“ ими и было удачно произведено... передъ судомъ: обьяуродененныхъ ими же „господиновъ-человѣковъ“! И совершилось это: прямо, или: помощью гипноза Союзника Науки: „Непротивленія Злу“!

А что „Толстой“ подверженъ былъ гипнозу, гипнозу охватившей его идеи, но и гипнозу со стороны постороннихъ лицъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Это выяснено моею статьею, но и раньше, а именно тѣмъ фактомъ: что Толстой—подъ давленіемъ Черткова—завѣщаніемъ своимъ, вопреки всему своему ученію, согласился поручить все свое имущество и свою волю: защитѣ государства, и соблюдая при этомъ: всѣ юридическія тонкости, создающія насилія, помощью котораго государственная власть защищаетъ права собственности! А совершивъ это, появивъ что онъ надѣлалъ, Толстой записалъ въ своемъ дневникѣ: „что Чертковъ втянулъ его въ такое дѣло „которое ему тяжело и противно“! А вмѣстѣ съ тѣмъ Толстой „не находить въ себѣ силъ“: исправить то, что онъ считалъ... преступленіемъ!

Поэтому я повторяю снова: мы обладаемъ не только правомъ, но и

обязанностью: измѣнить въ „Живомъ Трупѣ“ то, что, въ силу неопровержимой логики пущеннаго нами „Луча Свѣта“, въ немъ было извращено—что могло быть написано рукой Толстого—но что есть продуктъ извращенія или гипноза—*но не есть самъ Чолестой*—не было: душевной и художественной волею — Толстого! Дневникъ Толстого, косвенно, тоже уполномочиваетъ насъ къ этому!?

* * *

Но вотъ на лицо новый интересный и важный для освѣщенія дѣла вопросъ! Понялъ ли «Толстой-Мыслитель» полную «уязвимость» Научнаго Суда, хоть въ данномъ случаѣ, созданнымъ „Толстымъ“, созданнымъ имъ несмотря на деспотизмъ и гипнозъ Логикъ Формализмовъ „Лже-Науки? И отъ котораго онъ, не зная о „Правильномъ Толкованіи Указаній Моисея и Христа“—воплѣ отдѣлаться не могъ? Понялъ-ли „Толстой-Мыслитель“ „полную неуязвимость“ произведенія „Художника-Толстого“? Отчего-же „Художникъ-Толстой“, этимъ произведеніемъ, давно уже, и публично, тоже не атаковалъ своего стараго и вѣчнаго противника: „Научный Судъ“? Зачѣмъ не выпустилъ „Толстой-Художникъ“ свое произведеніе въ его „первоначальномъ“ — неспорченномъ еще защитниками „Лже-Науки — видѣ? Безпомощно гибнутъ и „Логика Формализмовъ Научнаго Суда“, и Логика по существу его рѣшенія! И Толстой это *инстинктивно*, во всякомъ случаѣ, сознавалъ, ибо смыслъ послѣднихъ словъ „Протасова“: „Меня судятъ—я умираю—потому, что „не пошлякъ“—„не закономѣрникъ“—потому что честенъ — потому что не совершаю преступленій“! — намъ это подтверждаютъ? Или „Толстой-Художникъ“ явился жертвой новаго пристуна самогипноза помощью его теорій о „Непротивленіи Злу“, вынудившаго „Толстого-Правдиста“ скрывать „ясную картину“ преступленій „Лже-Науки“? И это возможно? Но развѣ это вѣроятно? Вѣдь—„Толстой-Художникъ“, „Толстой-Правдистъ“, всю жизнь *постоянно измѣнялъ* „Толстому-Мыслителю“, „Лже-принципу „Непротивленія Злу“—и, какъ „Правдистъ“ не могъ не измѣнять ему и: снова усиленно сопротивлялся всему тому, что онъ считалъ за Зло!?. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду: что укрывательство отъ „Толстого-Мыслителя“ „Правильнаго Толкованія Указаній Моисея и Христа“ (давно уже отпечатаннаго), въ данномъ случаѣ, тоже не могло же оставить „Толстого“, ибо „Животрушность Научнаго Суда“—тѣмъ не менѣе—въ пьесѣ Толстого: все-таки на лицо? Вѣдь „Громъ“ въ произведеніи Толстого ничѣмъ не отмѣненъ? А „Молнія“—*хотя и съ „Лучами Свѣта“ другого вида*: „Молнія полной нелогичности размышленій Научнаго Суда по существу даннаго его рѣшенія“—вѣдь тоже на лицо? И вдобавокъ: помощью „собственного“ продукта служителей Науки и Научнаго Суда: принявшаго честность и идеализмъ, доведенныхъ до конца... за: обычное произведеніе... обычныхъ пошляковъ“! Такъ что-же пьесѣ больше нужно? Она окончена... воплѣ и: „Торжествомъ идеи“ пьесы?!

Но какъ бы то ни было, по кому-то, или чему-то... удалось остано-
вить этотъ: невыгодный и странный для Науки... „Громъ“!..

Но „защитниковъ Науки“ эта остановка не удовлетворяла. Пугать ихъ:
и одинъ лишь „Громъ! А до Молніи“, они-то уже, во всякомъ случаѣ, не
додумались вообще! Они поняли лишь: „Силу впечатлѣнія Грома“!.. и... счи-
тая рискованнымъ уничтожить произведенія Толстого, сочли, кромѣ того, бо-
лѣе полезнымъ для „Науки Условнаго Противуворѣтства“ испортить произве-
деніе Художника Толстого“ и спасти престижъ Науки: самими же руками
Толстого... испорченными его-же произведеніями“! А такъ какъ „манускрипты
Толстого“ теряются даже на извозчикахъ!.. а тѣ „ихъ спасаютъ“, передавая
ихъ въ спасительныя руки... Полиціи!.. то невозможнаго во всемъ этомъ ни-
чего и нѣтъ, хотя подобное могло произойти и по указу принципа „Непро-
тивленія Злу“!

Извозчики!.. и Полиція!.. въ качествѣ „охранниковъ“ произведеній Тол-
стого! Не есть-ли это?.. Новое Любовное Толканіе Богомъ—слѣпцовъ, обьяо-
риденныхъ Логикою Формализмовъ госпожи Науки?

По—увы—расчетъ на выродившіеся отъ Логики Лже-Науки мозги тоже
не оказался „виолнѣ“ удачнымъ! Благодаря той же „лѣни мысли вѣрнопод-
данныхъ Науки“ и обьяориденныхъ, столбтіями, мозгамъ, впечатлѣніе отъ
„Толстовскаго Грома“... Ясность Картины... все-таки дѣйствовала, ибо дѣй-
ствовало—увы!—самостоятельно, а путаницу въ отвѣтахъ подсудимыхъ, на-
дѣланную „защитниками Науки“ — „требовалось еще смозговать“!.. А такъ
какъ это „скучно и, какъ видно, тяжело“ и требуетъ усидчивости и идеа-
лизма... *то «порча Грома» была въ театрѣ почти прыжкомъ и... подъ впе-
чатлѣніемъ производимымъ остальными ясными раскатами того же
«Грома»!..* Послѣдній, талантливо, любезно, освобождалъ лѣнивые мозги: отъ
необходимости предаться скучнымъ размысленіямъ: о Неправильности „Науки
Многозаконія господиновъ человѣковъ“—„Условнаго Противуворѣтства“—„Кор-
ректныхъ Лжи и Грабежа“, „Науки Формъ т. е. развитія Лжи и Хамства“
и „Неуязвимости, при грабежѣ и... помощью Формализмовъ и Многозаконія!
„И все это“... „Удобство“—„Громъ“ устраивать... Ясными картинами!.. При-
въ шмѣрами!

Но... „Ясность“, переведенная на „Языкъ Науки Усложненія“, означа-
етъ... нѣчто совершенно другое—а именно... „Невыгодность“!..

„Невыгодность“—же помогавшая „лѣни мысли“ вѣрноподанныхъ Науки,
„конечно являлась... Новымъ Утопленникомъ!.. т. е.: Новымъ Союзникомъ
Науки!.. И вѣрноподанныя, Наукѣ, „мышки—умишки“, инстинктивно молчали...
въ интересахъ... „Конки“!..

По защитники Науки забыли про новыя, свободныя отъ логики Науки,
мозги разсуждающіе уже „Логикою Истиннаго Божественнаго Разума“ и:
Логикой: Истиннаго Божественнаго Однозаконія“! А въ результатѣ: невыгод-

ные Наукъ „Лучи Свѣта“ — увеличившіе впечатлѣніе картинъ Толстовскаго „Грома“!

Итакъ: извращенія, внесенныя въ произведеніе Толстого ясны! Ясны и подробности порчи „Толстовскаго Грома“—и остается только очистить этотъ „Громъ“ отъ высоконаучныхъ, но вѣчно неудачныхъ, „Мудростей“ защитниковъ „Аже-Науки! Эпизодъ съ „Саратовскими“ деньгами — по посылаемымъ конечно „часовицику Евгениеву“ — можно оставить, но сообразно съ этимъ необходимо измѣнить и отвѣты подеудимыхъ! Эпизодъ съ „утопленникомъ“ совершенно лишній. Но если его оставить, то въ словахъ Протасова въ трактирѣ нужно выяснитъ 1) что трупъ этотъ былъ голый, 2) что всплылъ гораздо позже, уже послѣ свадьбы „Каренина“ съ „Лизой“, и „поэтому“ (какъ говорить „Протасовъ“ при исповѣди) „уже разложился“ и былъ неузнаваемъ: ни для Властей, ни для „Лизы“! При такихъ условіяхъ, эпизодъ съ „трупомъ утопленника“ могъ-бы явиться остроумнымъ дополненіемъ къ произведенію Толстого и только въ этомъ смыслѣ Толстой могъ его задумать — ибо онъ „пояснять бы всѣмъ, но и „Научному Суду“: что „г-жа Наука“ вѣчно ищетъ и занимается трупами тамъ гдѣ это „не у мѣста“—а не видитъ, что „настоящій трупъ...“ это она Сама!

Остается затѣмъ уничтожить: тѣ пренія, благодаря которымъ мы, *видя* „впечатлѣніе Грома“ въ произведеніяхъ „Художника-Толстого“ — не *услышали* въ тѣхъ же талантливыхъ картинахъ „Главную Молнію“: выходъ для человѣчества (честнаго) изъ лапъ Науки—не услышали „Молнію“!.. скрываемую отъ „Мыслителя-Толстого“... защитниками той-же „Аже-Науки“!..

„Конка“ сдѣла „охранникомъ“: и у Толстого — и „охранникомъ“... у—мышекъ!..

«Судъ Совѣсти»... въ плѣну!

Какими кривыми, мелкими и абсурдными кажутся послѣ этого несчастныя попытки насмѣхливыхъ писателей или стѣнцовъ: изобразить намъ „Судъ Совѣсти“... опаснымъ!.. учрежденіемъ. Но главное: какъ бездонно стѣны тѣ аргументы, коими стремятся это доказать! Повеюду все тотъ-же сильный запахъ „Живого Трупа“, и гнилозъ „Логики Науки, „Ажи и Умопомраченія“ виѣшней формой дѣла“—т. е. „Ложью“! „Судъ Совѣсти“—извольте видѣть—оттого молъ не хорошъ, что присяжные не получили „нужнаго имъ въ Судахъ развитія“—но которое писатели находятъ молъ (увы) въ мозгахъ... юристовъ!.. Развѣтѣ тутъ конечно на лицо—но это развитіе создающее... печально... „Корректность при „Ажи и Грабежѣ“, созданною „Ложью“ виѣшнихъ формъ“ т. е. опять-таки гнилозомъ „Ажи! Но точно также какъ „Лучъ Свѣта“ указанной мною „Молніи“ разбить въ пухъ и прахъ рѣшеніе „Научнаго Суда“ „по формѣ и по существу“ — и опираясь при этомъ

вдобавокъ „на собственные“ аргументы и труды „Научныхъ Судей“ — такъ та-же „Молнія“ разобьетъ и освѣтитъ слѣпоту лицъ нападающихъ „этимъ способомъ“ на недостатки „Суда Совѣсти“. Ларчикъ просто открывается, тамъ, и тутъ!.. Какъ разъ наоборотъ: какъ только мозги „Судей Совѣсти“ будутъ освобождены отъ животрушной Логикѣ „научничающихъ формализмовъ“, т. е. антилогичничающихъ поэтому, мозговъ юристовъ—тогда „Судьи Совѣсти“, но и теперешніе юристы, станутъ: „Судьями Совѣсти“! У насъ—но и за границей—выносятся ошибочныя рѣшенія именно тогда, когда подробности и обстоятельства даннаго процесса, преподносимыя судьямъ опять-таки „Формалистами“, т. е. юристами, такъ или иначе, но „вынуждаютъ ихъ: „мозговать“ Логикой юридической Науки“! Кромѣ этого, „мысленіе логикой формализмовъ“, т. е. „животрушностью“, будучи столѣтіями „закономъ“ для всего населенія государствъ — становится уже „привычкой“ и „болѣзью *общей*“! И вотъ, когда факты (формализмы), создаваемые даннымъ процессомъ, почему либо, обладаютъ подробностями, вызывающихъ „движеніе мозговъ“ Судей Совѣсти „Логикою Формализмовъ“, тогда они и постановляютъ тѣ же ошибочныя рѣшенія, какъ и юристы! И прикрываясь Корректностью, т. е. Ложью Формализмовъ! И вотъ писатели — причину зла непонимающіе — рѣшеніемъ и недовольны! „Недовольны и: „Судьями Совѣсти“!.. Иногда недовольны и самимъ собою“! Но когда данный процессъ, случайно, „лишенъ“ фактовъ, вызывающихъ „движеніе мозговъ логикой формализмовъ“, тогда мозги этихъ же Судей, временно освобождающіеся отъ гипноза „Ижи, постановляютъ: неожиданно и къ „самоудивленію“ тѣхъ-же судей, или писателей: честныя, рѣшительныя, и болѣе здравомыслящія постановленія!

Освѣтимъ дѣло снова „квинтитами“: „Болью“, „Лучомъ Свѣта Молніи: Примѣромъ“, т. е. ясною для толпы... Картиною!

Весьма вѣроятно, что современные, обюридившіеся вѣками, мозги „Судей Совѣсти“... почесываясь и... покрываясь... но: тоже осудили-бы „Каренина“, „Лизу“ и „Протасова“ на основаніи трехъ приведенныхъ „Толстымъ“, фактовъ (формализмовъ) исторіи ихъ жизни и: не поняли бы и „какъ слѣдуетъ“ значеніе для дѣла „четвертаго“ формализма. (посылки де-леть въ Саратовъ)! И вотъ Идеалисты, доводящіа честность до конца, тоже были-бы осуждены „Судьями Совѣсти“ — какъ будто бы они не „Судьи Совѣсти“—а юристы, т. е. формалисты! А почему? А потому: что лица, сидящіе въ „современномъ“ Судѣ: „закованы кандалами“ преступной Логикой формализмовъ Г-жи Науки! И снова и опять: Честность судить ея противникъ: Преступленіе!.. а „Зрячихъ“ судить... „Нескутвенная даже Слѣбота“!

А вотъ другой примѣръ: рѣшеніе дѣла мозгомъ тѣхъ же „Судей Совѣсти“, но тутъ Судьи эти, случайно, не сидятъ въ „кандалахъ“ означеннаго преступленія формализмовъ.

Мать задунила старшаго изъ своихъ сыновей (читай газеты), неиспра-
вимаго вора, наученнаго этому „пьяницей—отцомъ“! Заботясь о спасеніи
души своего ребенка—она предпочла: лучше убить его!... чѣмъ дать ему воз-
можность портиться дальше!

Тутъ на лицо: одинъ этотъ голый фактъ! Нѣтъ никакихъ обстоятельствъ,
гдѣ обьюриденный человѣческій мозгъ могъ начать двигаться „же-логикой
формализмовъ“! И вотъ, „Суды Совѣсти“ спятъ въ томъ же Судѣ—„но
уже безъ цѣлей „кандальныхъ“ Г-жи Науки! Освобожденные отъ животрупи-
наго ея вліянія, они и рѣшили дѣло: „по Совѣсти и Здравомысліемъ“: они
простили „мать—убійцу“, вынеся ей: оправдательное рѣшеніе!

А тѣ-же „Суды Совѣсти“—оправдавшіе убійцу!... *осудятъ*: Идеалистовъ,
доводящихъ честность до конца! т. е. отказавшихся отъ пошлостей, обмановъ
и самоубійства! А почему? Потому 1) что на лицо: „три формализма“! Но,
самое потѣшное впереди!... 2) потому: что эти лица вступили... въ „закон-
ный“ бракъ, не продѣлавъ раньше „формализмовъ“: продѣлать которые чест-
ные люди однакоже не могли!... Потѣха?!

Конечно, и „первому“ рѣшенію далеко до правильности рѣшенія моз-
говъ, вполнѣ освѣщенныхъ Лучами Свѣта „Истиннаго Божественнаго Одно-
законія“! Эта „честная“ мать и эти же „честные“ Суды—окруженные сто-
дѣтіями Лжи—не поняли того—и этого и не знали: 1) что спасеніе и раз-
витіе души создаются лишь: Саморазвитіемъ!... 2) что это создается: Страда-
ніями—и что въ „Страданіяхъ“ потому и заключается главная цѣль жизни
„господина человѣка“!... и 3) что душу мальчика—вора—слѣдовало значить
спасать: „Страданіями“, а не: „Невозможностью“ создать дальнѣйшее Само-
развитіе его души! Страданіями, мы снова возвращаемся къ Правдѣ!... и
„быстрѣе“ подходимъ къ „узкимъ“ воротамъ: потеряннаго нами Рая—пото-
ряннаго нами только потому: что мы допустили въ душу... „Ложь“—т. е.
Форму—замѣнившую „Совѣсть“ допустили: „Фальшь души“—единственный
на свѣтѣ „Грѣхъ“!...

Теперь „первоначальный“ видъ „Живого Труна“ и его „идея“ ясны и
не трудно возстановить „Громъ“ этой талантливой картины въ чистомъ его
видѣ! И освѣтивъ его также Лучами Свѣта Моліи: „Истиннаго Божествен-
наго Однозаконія и: Любовнаго Реальнаго, Бича Христа!“

Но если „Кошка“, по прежнему, останется „охранникомъ“ у—мышекъ—
и у обьюриденныхъ Наукой мозговъ—или потому: что „Кошка, мышки и
умышки“, одинаково, боятся свѣта „Грома и Моліи“!... создающаго прин-
ципъ „Абсолютнаго Противуворества“!... то „Кошка, мышки и умышки“ будутъ
продолжать: восхищаться „Мудростью“ и „Выгодами“: „Принципа Коррек-
тности при Лжи и Многограбежѣ“—т. е. Мудростью „Принципа Многозаконія“,
„Условнаго Противуворества“, а значитъ: *будутъ сердиться и на „Луги Свѣта“*,
освѣтившіе талантливое произведеніе Правдиста А. Толстого, „Художника-

Толстого“... постоянно *измѣнявшаго* „Толстому Мыслителю“, но, хотя иногда лишь *инстинктивно*—но *правильно* занимавшагося „*Сопротивленіемъ Злу!*“! И хотя онъ ошибочно и приписалъ Христу: Препротивленіе Злу! Толстой забыть 1) что Христосъ, Собственноручно, билъ и два раза билъ людей! Активно Сопротивляясь Злу! 2) что принципъ „Подставляй другую щеку, когда тебя бьютъ!“—относѣ не противорѣчіе первому дѣйствію Христа! Цѣль идеала: быть недостижимымъ—вѣчно тянуть къ себѣ, вѣчно заставлять человека совершенствоваться въ Любви! „Идеаль достигнутый“—достигнутый на землѣ—есть: Начало вѣчнаго регресса!

И вотъ Коника, мышки и умышки... снова сердятся! Вотъ почему глупое, спасаемое Христомъ, Стадо—инстинктивно понявъ: „что Истинное Божественное Однозаконіе“ есть ученіе „Абсолютнаго Противоворства“, въ силу котораго: „*ихъ грабить больше нельзя!*“!... но... *что: и ихъ нельзя будетъ грабить!*“!... *что ихъ очередь также не настанетъ!*... само и прибило къ кресту: своего Спасителя, Христа! А фарисеи, т. е. юристы—понявъ: что ихъ „толканіе“ удалось—продолжали заниматься дальше Ложью т. е. „Коррективымъ, научнымъ, бездѣйствіемъ Власти!“!... И обычная, довольная, животрунная улыбка... озарила ихъ лицо! И казнь Христа происходила... среди всеобщаго... молчанія!... А было нарушено—какъ извѣстно, чѣмъ? Громоу и Молніей!

Тоже само повторится всегда и повторяется конечно и теперь—при вынискѣ моихъ статей. Среди зрячихъ фарисеевъ: напряженное вниманіе, замалчиваніе“ и обычная кража мыслей и дѣла! Рядомъ съ этимъ: боязливое „шептаніе“ „нѣсколькихъ честныхъ лицъ, островитянъ“! А вокругъ нихъ: трусость, зависть и... шипѣніе... другихъ! И наконецъ: обычное противоѣдѣніе завистниковъ и слѣпцовъ, и, невѣжественный глупый говоръ и молчаніе остальной толпы...

А „Молчаніе“—читай мои брошюры и статьи—есть: самая тяжелая форма Коректности, т. е. Лжи и... Самоуничтоженіе!... Созванное чѣмъ?... Многозаконіемъ и Святостію... Науки!

Гдѣ „распутство“?

И такъ на свѣтѣ царствуетъ... Ложь т. е. шиворотъ на выворотъ (читай мои брошюры: „Современная Школа и Семья и ихъ Постѣдствія“, „Моисей и Менеликъ“ и мои статьи) А значить и: Логика Лжи! Въ согласіи съ этимъ все и разсуждаютъ: наоборотъ! Отличнымъ примѣромъ—„Новымъ Любовнымъ Толканіемъ, Богомъ, слѣпцовъ“—является поэтому и: комическая исторія съ Распутинымъ! Но „Логика Божественнаго Разума“ атакуетъ эту исторію, конечно, съ совершенно другой стороны, чѣмъ это дѣлаютъ обюрившіеся Лже-Наукою и человѣческимъ Многозаконіемъ мозги „господиновъ-человѣковъ“! Я не стану вдаваться въ вопросъ о томъ: насколько „Распутинъ“, искренно дѣйствуетъ, если онъ дѣйствительно хлѣстъ! Этого мы не знаемъ!

Но смѣшно становится, когда слышишь разговоры тѣхъ, кто собирается творить надъ нимъ: свой высоко-научный Судъ! „Великой Мудростью“ считается постановленіе: „Мы подождемъ съ нашимъ рѣшеніемъ! Если окажется, что „Распутникъ“ хлысть, то онъ подлежить церковному и свѣтскому Суду—а если онъ просто „распутникъ“, ну... тогда...?! ничего!!!!

Что значить неискренность одного лица въ сравненіи съ великимъ кощунствомъ, „наоборотнымъ грѣхомъ“, его Судей, по котораго его Судьи не понимаютъ! Во второй части моей статьи „Странные Юристы“ мы (какъ извѣстно) рассмотримъ также вопросъ: о „Правильномъ Толкованіи Ветхаго Завѣта“—и о томъ: какъ и когда проникъ въ душу человѣка Грѣхъ—т. е. Ложь—и тогда я подробнѣе выясню то, на что теперь укажу вкратцѣ, а именно: 1) что матерія, т. е. тѣло, грѣшить не можетъ—а грѣшитъ одна душа: Фальшиво души! 2) что „Актъ-Любви“, созданный Богомъ, и имъ повелѣнный, есть значить „Актъ Священнодѣйствія“—а не „Грѣхъ“! Это, какъ уже сказано, актъ рожденія новаго человѣка, здороваго тѣломъ и душой! Понятное дѣло, что тотъ кто совершаетъ его „съ молитвой“—*правъ*! А тотъ кто творить это иначе, т. е. не „способомъ христіанскимъ“—а именно „безъ молитвы“—и вдобавокъ: „способомъ шампанскимъ“—тотъ именно и совершаетъ: „актъ кощунства“! Грѣшенъ несомнѣнно и тотъ, кто, „совершая это послѣ молитвы“, дѣйствуетъ при этомъ неискренно, ибо онъ грѣшитъ: т. е. „лжетъ душой“—но тѣмъ не менѣе подобное лицо—и именно съ точки зрѣнія логики *формализмовъ объюридившихся Наукою мозговъ*—долженъ былъ бы быть признаннымъ лицомъ: все таки куда лучшимъ, чѣмъ самодовольные, но слѣпые, судьи Распутника! Онъ по крайней мѣрѣ „хоть на пути къ Правдѣ“—не кощунствуетъ принципиально! А его „анти-логичные“ Судьи, объявляющіе созданный Богомъ актъ любви—„Актъ Священнодѣйствія“—Грѣхомъ, сопровождая его не молитвой, а виномъ... вѣришь: Виновностью!... не только творить кощунство *удвоенное*, но разсуждаютъ кромѣ того Логикой, которая, какъ всякая вообще логика христіанъ, по: „съ объюридившимся формализмами мозгами“, ничто иное, какъ: арія изъ дома умалишенныхъ!...

А въ результатъ чуда! Распутникъ боится „прямо“ признаться: „что онъ творить велѣніе Бога... Молитвой“! Непріятно молъ... Его судьямъ!... Распутникамъ!

Но примѣръ съ Распутникомъ недостаточно удаченъ для нехватящей современному слѣпому „господину человѣку“ Молнии! Ея „Лучъ Свѣта“ заблеститъ яснѣе, неувязимо, если привести другой примѣръ, гдѣ сомнѣніи уже не будутъ и гдѣ придаться не къ чему и именно: объюридившимся, формализмамъ и человѣческимъ Многозаконіемъ, мозгамъ!

Существуетъ одинъ весьма почтенный „баронъ „Искъ“, который задумалъ стать „настоящимъ Толстовскимъ Островитяниномъ“, т. е. жить строго по христіански—и доводить честность до конца! Человѣкъ онъ женатый—

женать „законнымъ бракомъ“! Имѣть трехъ дѣтей! И что-же произошло съ этимъ человѣкомъ, пожелавшимъ исполнять завѣты Христа—не для виду—а дѣйствительно и до конца? На него накинута: жена, родня и Власть! Его объявили лицомъ: разоряющимъ свое наслѣдство, свою семью, своихъ наслѣдниковъ! Его объявили... ненормальнымъ! Жена покинула его—затѣмъ къ нему явились Власть и отобрали у этого (опаснаго) человѣка: его дѣтей!.. И, вѣроятно, только въ силу „обычной нелогичности обюрюдившихся Наукою мозговъ“, его „за христіанизмъ доведенный до конца“ еще не посадили... въ тюрьму! Но что-же онъ натворилъ? Онъ жилъ „христіаниномъ“ „à la lettre“—а не для виду! Онъ не допускалъ ниждѣ „Коректной Лжи“, „Коректнаго Грабежа“ и не позволялъ кощунствовать надъ тѣмъ, что было создано Богомъ и повѣщено Его законами Природы! Когда я его посетилъ, онъ самъ подавалъ мнѣ кушанья за обѣдомъ... ибо: такъ поступалъ Христосъ!... Нашли... что это ненормальность! Когда онъ велъ дѣла, онъ доводилъ честность до конца—а противники нѣтъ! Въ результатѣ, они были въ выгодѣ—онъ нѣтъ! Нашли... что онъ: „ненормальникъ“, что онъ „разоритель своей семьи“!... что онъ даже... безчестенъ!... ибо не участвуетъ въ обще-принятой безчестности на пользу „самому себя“—неучаствуетъ въ „хамствѣ принципа выгодиности“!... Въ хорошихъ семьяхъ порять дѣтей, если они желаютъ поступать не такъ „какъ должно“—а такъ такъ „выгодно“—но эти же честные люди, въ силу шиворотнаго состоянія мозга, создаваемого на свѣтѣ „Логикой Лжи“—считали барона Иксъ „ненормальнымъ“, когда онъ вздумалъ доводить этотъ принципъ до конца! Когда „баронъ Иксъ“ творилъ съ закономъ своей женой „Актъ Любви“, повелѣнный Богомъ, и получивъ для этого „благословеніе Церкви“, то онъ, поступаая логично до конца, творилъ это „постѣ молитвы“! И что-же? Тѣ-же сосѣди—тѣ-же пасторы, жена, которая возмущалась „незаконнымъ бракомъ“, которая благословляла его и себя къ церкви на это дѣло!... удивились!... пришли въ туникъ!... увидя, что онъ: не кощунствуетъ надъ тѣмъ, на что они его... благословляли! Жена его покинула—и этому никто не воспротивился! Затѣмъ пришли къ нему и Власть и: отобрали у этого „священнаго человѣка“ и „Христіанина“... его дѣтей!—И все считали при этомъ: себя „нормальными“—а его нѣтъ! Видя кощунственные дѣйствія жены, сосѣдей, пасторовъ и Властей—онъ, поступаая по Христіански и логично—не долженъ былъ бы отдавать дѣтей всемъ этимъ анти-Христіанамъ, но не вполне правильно понимая указаніе Христа: „Подчиняйся Властямъ“—онъ и тутъ поступилъ „по Христіански“, какъ онъ это понималъ, и, несмотря на плачь дѣтей, приказалъ имъ подчиниться требованію Властей, и поклянуться: доводящаго честность до конца и творившаго Великія Бога искренно и лишь съ молитвой! И плакали: отецъ, и дѣти, и прислуга, и, наконецъ, и ошалѣвшіе представители Властей!... увидя это новое дѣйствіе этого „ненор-

мального“ человѣка! А вѣстки увезли отъ этого „страшнаго человѣка“... его дѣтей!*)

Какъ видно, этотъ „Лучъ Свѣта“, есть: нужное „Судьямъ Распутина“... Молнія! Каковъ бы не быть „Распутинъ“—но до „распутства“ и „Логикъ Лжи“ и „официальной, и формальной Лжи“, и „Лже-направленія“ его Судей—ему... еще далеко!

Изъ этого примѣра снова видно: что „Толстовскіе Островитяне“ и его „Живой Трупъ“: не фантазія, а: воистинѣ жизненное творчество великаго художественнаго таланта! И да послужатъ „дарія изъ сумасшедшаго дома судей Распутина“ и „Лучи Свѣта“ испускаемые островитянскимъ „барономъ Иксомъ“: новой „Молніей“, освѣщающей: великую Правдивость и громадное значеніе и смыслъ „Живого Трупа“—представившаго: „Животрупиость“ нашего современнаго „европейско-научнаго“ общества! И его „Судовъ“!

Нельзя, повторить снова заключительныя слова моей брошюры, 1899 г.: „Современная Школа и Семья и ихъ Послѣдствія“—конецъ разговора „Моисей съ Менеликомъ“: „Истинной Законности“ съ „Самодержцемъ“:

„И побѣжалъ Моисей—отъ земли домой—но на этотъ разъ: „въ обходъ Красному Морю“—прямо назадъ къ „Горѣ Синайской“—просить новыхъ Молній, у Бога—и—въ „земномъ кафтанѣ“: шиворотъ на выворотъ—онъ... ..скрылся въ облакахъ!...

Баронъ К. В. Каульбарсъ.

(Конструкторъ „Переломовъ“).

*) По нашему закону, всѣ семейныя дѣла рѣшаются отцомъ, главой семьи. Поэтому Власти спорить съ нимъ вообще не могутъ, а обязаны лишь: содѣйствовать ему при осуществленіи этого его права. Но Сенатъ—безъ отмѣны этого закона—незаконно, т. е. самолично, ввелъ тутъ многозаконіе, уничтожившее авторитетъ отца, а значить и порядокъ въ семьѣ. Послѣдствія во всей Россіи на лицо! Подобныя Каши (ихъ миллионы) «закономѣрничаютъ», по обыкновенію, подъ флагомъ «Научной Лжи», именуемой «Разъясненія» Сената!

Проектъ уничтоженія явныхъ противурѣчій въ
„Живомъ Трупѣ“, въ строгомъ согласіи съ указан-
ной самимъ Л. Толстымъ идеей и цѣлью пьесы!

Въ предисловіи редакціи къ „Живому Трупѣ“, подписаннымъ В. Чертковымъ, говорится слѣдующее:

Драма „Живой Трупъ“ написана въ 1900 г. Писалась она въ Москвѣ, Пироговъ (имѣни брата Льва Николаевича—Сергія Николаевича) и въ Ясной Полянѣ.

Сюжетомъ для драмы послужило истинное происшествіе, сообщенное Льву Николаевичу П. В. Давыдовымъ, бывшимъ тогда председателемъ Московскаго Окружнаго Суда.

Заинтересовавшій Льва Николаевича рассказъ, подвергся коренной переработкѣ: измѣнена среда, въ которой произошло событіе, введено много новыхъ дѣйствующихъ лицъ. Вообще, типы этого драматическаго произведенія вовсе не соотвѣтствуютъ лицамъ, участвовавшимъ въ дѣйствительномъ происшествіи ¹⁾.

При настоящемъ изданіи Редакція имѣла въ своемъ распоряженіи, къ сожалѣнію, не всѣ матеріалы ²⁾. Пришлось, поневолѣ, ³⁾ довольствоваться имѣвшимися въ рукахъ списками. А потому возможно, что придется внести въ текстъ дополнительные поправки тогда, когда будетъ исполнена выраженная Л. Н. Толстымъ въ его завѣщаніи воля его о передачѣ его дочери Александрѣ Львовнѣ всѣхъ оставшихся отъ него бумагъ, „гдѣ бы онѣ ни находились и у кого бы ни хранились“.

Имѣлись въ распоряженіи Редакціи: во-первыхъ, хранившіеся у П. А. Буланже и переданные имъ А. Л. Толстой первоначальная черновая рукопись Л. Н-ча и списокъ съ нея съ многочисленными поправками и дополненіями, внесенными рукой Л. Н-ча; во-вторыхъ, другой списокъ, перешедшій къ А. Л. Толстой вмѣстѣ съ архивомъ бумагъ Л. Н. Толстого, хранившимся у В. Г. Чертова. Этотъ списокъ сдѣланъ съ позднѣйшаго, не имѣющагося

Примѣчанія Барона К. В. Каульбарса.

¹⁾ Тутъ, этимъ, неудачно, стремятся выручить рѣшеніе «Научнаго Суда»! Увы—мой «Лучъ Свѣта» уже выяснилъ: что и то, и другое, рѣшеніе были неправильны, т. е. «Научностью», «Животрупностью», но не рѣшеніемъ «Здраваго Смысла» и «Христіанскаго Суда»!

²⁾ Какъ видно. «Иже-Наукамъ»: всегда везетъ!

³⁾ Ахъ, какъ грустно!?

у Редакціи, варианта, быть можетъ, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. Въ этомъ второмъ спискѣ имѣется много дополненій, которыхъ нѣтъ ни въ первоначальной черновой рукописи, ни въ спискѣ, исправленномъ рукой Л. Н-ча, вѣдѣніе *чего второй списокъ и принять какъ основной*. Но въ то же время, въ этомъ второмъ спискѣ обнаружилось много ошибокъ, видимо, сдѣланныхъ перепищикомъ, который, къ счастью, оказался возможнымъ исправить путемъ сличенія съ черновой рукописью и съ первымъ спискомъ.

Дальше (въ примѣчаніяхъ отъ редакціи) говорится слѣдующее:

Въ первоначальномъ наброскѣ, значительно отличающемся отъ окончательной версіи, даны слѣдующія характеристики нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ: „**Няня**—50-лѣтняя, свѣжая, умная старуха, выносливая Лизу и оставшаяся при дѣтяхъ. Бойко говоритъ хорошимъ русскимъ, владимирскимъ языкомъ. **Лиза**—изящно-скромная въ пріемахъ и одеждѣ, 30-лѣтняя женщина,—слабая, нѣжная, впечатлительная и наивная. **В. И. Каренинъ**—сильный, красивый, свѣжій лицомъ, корректный—30-лѣтній человекъ, говорящій не скоро и вдумчиво“.

Характеристики эти не включены нами въ пьесу, такъ какъ онѣ касаются только трехъ изъ дѣйствующихъ лицъ и, кромѣ того, мы не увѣрены, что Л. Н. желать ихъ сохранить“¹⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ исправленій, сдѣланныхъ редакціей (добавлены, измѣнены, слова и выкинуты фразы), которые, по мнѣнію редакціи, представляютъ собою: „ошибки Л. Толстого“! По о томъ, что изданный подъ руководствомъ В. Черткова текстъ явно противурѣчитъ идеѣ и цѣли пьесы—особенно ясно выраженныхъ Л. Толстымъ въ концѣ пьесы—объ этомъ редакція эта... ничего не говоритъ!..

¹⁾ Оригинальное заявленіе! Характеристика эта, однакоже, совершенно правильна! Странно не это, а то: что характеристика двухъ другихъ, главнѣйшихъ, лицъ пьесы, «Протасова» и «Ивана Петровича», (опять повезло: «Наука»!) отсутствуетъ!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Федоръ Васильевичъ Протасовъ (Федя).

Елизавета Андреевна Протасова (Лиза), жена его.

Миша, ихъ сынъ.

Анна Павловна, мать Лизы.

Саша, молодая дѣвушка, сестра Лизы.

Викторъ Михайловичъ Каренинъ.

Анна Дмитріевна Каренина.

Князь Сергѣй Дмитріевичъ Абрезковъ.

Маша, молодая цыганка.

Иванъ Макаровичъ, старый цыганъ.	} Родители Маши.
Настасья Ивановна, старая цыганка.	

Офицеръ.

Музыкантъ.

1-й цыганъ.

2-й цыганъ.

Цыганка.

Цыгане и цыганки. (Хоръ).

Докторъ.

Михаилъ Александровичъ Афремовъ.

Стаховъ.

Буткевичъ.

Коротковъ.

} Пріятели Федя.

Иванъ Петровичъ Александровъ.

Вознесенскій, секретарь Каренина.

Пѣтушковъ, художникъ.

Артемьевъ.

Половой въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Половой въ трактирѣ.

Хозяинъ трактира.

Городовой.

Судебный слѣдователь.

Мельниковъ.

Письмоводитель судебного слѣдователя.

Курьеръ.

Молодой адвокатъ.

Петрушинъ, адвокатъ.

Дама.

Офицеръ.

Судейскій.

Няня Протасовыхъ.

Горничная Протасовыхъ.

Лакей Афремова.

Лакей Карениныхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Картина 1-я.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, въ квартирѣ Протасова. Сцена представляетъ маленькую столовую.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Павловна, полная, сѣдая дама, въ корсетѣ, сидитъ одна за чайнымъ столомъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Павловна и няня (съ чайникомъ)

Няня. Можно у васъ водицы?

Анна Павл. Можно. Что Минсечка?

Няня. Да безпокоенъ. Пить хуже, какъ сама барыня кормить. У нихъ тамъ свои горести, а ребенокъ страдаетъ. Какое же молоко можетъ быть, когда ночи не спятъ, плачутъ?

Анна Павл. Да кажется, теперь успокоилась.

Няня. Хорошо *спокойствіе*. Смотрѣть тошно! Что-то писали, да плакали.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Павловна, няня и Саша (входитъ).

Саша (къ нянѣ). Лиза васъ ищетъ.

Няня. Иду, иду.

(Няня уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анна Павловна и Саша.

Анна Павл. Няня говоритъ, что она все плачетъ. Какъ это она не можетъ успокоиться!

Саша. Нѣтъ, вы, мамà, удивительны. Оставить мужа, отца своего ребенка, и вы хотите, чтобы она была спокойна.

Анна Павл. Не спокойна. Что сдѣлано, то сдѣлано. Если я, мать, не только допустила, но радуюсь тому, что моя дочь бросаетъ мужа, значитъ, стоитъ онъ того. Надо радоваться, а не печалиться, что можешь освободиться отъ такого дурного человѣка, освободиться отъ такого золота.

Саша. Мамà, зачѣмъ вы говорите такъ? Вѣдь вы знаете, что это неправда. Онъ не дурной, а напротивъ, удивительный, удивительный человѣкъ, несмотря на его слабости.

Анна Павл. Ну, именно, удивительный человѣкъ. Какъ только деньги въ рукахъ,—свой ли, чужія ли...

Саша. Мамà, онъ никогда чужихъ не бралъ.

Анна Павл. Все равно, женыны.

Саша. Да вѣдь онъ же отдать все свое состояніе женѣ.

Анна Павл. Еще бы не отдать, когда онъ знаетъ, что онъ все промотаетъ.

Саша. Промотаетъ ли, не промотаетъ, я только знаю, что нельзя разлучаться съ мужемъ и особенно съ такимъ, какъ Федя ¹⁾.

Анна Павл. Но твоему надо ждать, пока онъ все промотаетъ и привидеть въ домъ своихъ пьганокъ-любовницъ?

Саша. Нѣтъ у него любовницъ.

Анна Павл. Вотъ то и бѣда, что онъ всѣхъ васъ чѣмъ то обворожилъ. Только не меня, нѣтъ, шалишь! я его вижу, и онъ знаетъ это. На мѣстѣ Лизы я бы не теперь, а ужъ годъ тому назадъ бросила его.

Саша. Какъ вы это говорите легко.

Анна Павл. Нѣтъ, не легко. Мнѣ, матери, видѣть дочь, разведенной не легко. Повѣрь, что очень не легко. Но все лучше, чѣмъ загубить молодую жизнь. Нѣтъ, я Бога благодарю, что она теперь рѣшилась и что все кончено.

Саша. Можетъ быть и не кончено.

Анна Павл. А! Только бы онъ далъ разводъ.

Саша. Что же будетъ хорошаго?

Анна Павл. Будетъ то, что она молода и еще можетъ быть счастлива.

Саша. Ахъ, мамà, это ужасно, чтò вы говорите: не можетъ Лиза полюбить другого.

¹⁾ Призѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Этотъ разговоръ необходимо помнить, когда выкаешь въ душу созданнаго Толстымъ «Идеалиста Протасова». Это облегчитъ намъ узнаваніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ пьесу внесены пзвращенія служителями Лже-Науки, гниозомъ, или гниозомъ Союзника Лже-Науки, «Непротивленія Злу»! Затѣмъ Идеалистъ—шлющій съ горя—могъ и промотать свое состояніе, но всетаки это послѣдствія: горя, (изъ за потери семейнаго счастья) и идеализма—а значитъ не нарушаетъ указанную мною и Толстымъ идею пьесы.

Анна Павл. Отчего не можетъ? Если она будетъ свободна. Найдутся люди въ тысячу разъ лучше вашего Федя, и будутъ счастливы жениться на Лизѣ.

Саша. Мама, это пехорошо. Вы вѣдь, я знаю, думаете про Виктора Каренина.

Анна Павл. Отчего же не думать про него? Онъ любить ее 10 лѣтъ, и она любить его.

Саша. Любить, но не такъ, какъ мужа. Это дружба съ дѣтства.

Анна Павл. Знаемъ мы эти дружбы! Только бы не было препятствій.

ЯВЛЕНИЕ V.

Анна Павловна и Саша. Входитъ горничная.

Анна Павл. Что вы?

Горничная. Барыня послылаи дворника съ запиской къ Виктору Михайловичу.

Анна Павл. Какая барыня?

Горничная. Елизавета Андреевна, барыня.

Анна Павл. Ну такъ что же?

Горничная. Викторъ Михайловичъ приказали сказать, что сейчасъ сами будутъ.

Анна Павл. (удивленно). Только что о немъ заговорили. Не понимаю только зачѣмъ. (Сашѣ). Ты не знаешь?

Саша. Можетъ быть, знаю, а можетъ быть, не знаю.

Анна Павл. Все секреты...

Саша. Лиза придетъ, она вамъ скажетъ.

Анна Павл. (скачая головой, къ горничной). А самоваръ подогрѣть надо. Возьми. Дуняша.

(Горничная беретъ самоваръ и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна Павловна и Саша.

Анна Павл. (къ Сашѣ, которая встала и хочетъ идти). Вышло какъ я говорила: сейчасъ же послала за нимъ.

Саша. Послала, можетъ быть, совсѣмъ не съ тѣмъ,

Анна Павл. Такъ зачѣмъ же?

Саша. Теперь, въ эту минуту, Каренинъ для нея все равно, что Трифонова.

Анна Павл. А вотъ увидишь. Вѣдь я ее знаю. Она зоветъ его, идетъ утѣшенія.

Саша. Ахъ мама, какъ вы мало ее знаете, что можете думать...

Анна Павл. Да вотъ увидишь. И я очень, очень рада.

Саша. Увидимъ. (Напѣваетъ и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Анна Павловна одна.

Анна Павл. (покачивает головой и бормочетъ). И прекрасно, и пускай
И прекрасно, и пускай. Да...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анна Павловна и горничная (входятъ).

Горничная. Викторъ Михайловичъ прѣхали.

Анна Павл. Ну что же? Проси, да скажи баринѣ.

(Горничная проходитъ во внутреннюю дверь).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Анна Павловна и Викторъ Каренинъ.

Викт. Карен. (входитъ здоровается съ Анной Павл.) Елизавета Андреевна прислала мнѣ записку, чтобы я прѣхалъ. А я и такъ собирался къ вамъ нынче вечеромъ, такъ что очень радъ... Елизавета Андреевна здорова?

Анна Павл. Она здорова. Ребенокъ немножко беспокоится. Она сейчасъ придетъ (Грустно). Да, да, тяжелое время... Вы вѣдь все знаете?

Карен. Знаю. Вѣдь я тутъ былъ третьяго дня, когда было получено отъ него письмо. Но неужели это такъ рѣшено безповоротно?

Анна Павл. Еще бы! разумѣется. Переживать все это еще разъ было бы ужасно.

Карен. Да, вотъ гдѣ десять разъ примѣрь и разъ отрѣжь. Рѣзать по живому очень трудно.

Анна Павл. Разумѣется, трудно. Но вѣдь ихъ бракъ уже давно былъ надрѣзанъ. Такъ что разорвать было менѣе трудно, чѣмъ кажется. Онъ самъ понимаетъ, что послѣ всего, что было, ему уже самому нельзя вернуться.

Карен. Отчего же?

Анна Павл. Но какъ же вы хотите послѣ всѣхъ его гадостей, послѣ того, какъ онъ клялся, что этого не будетъ, и что если это будетъ, то онъ самъ лишаетъ себя всѣхъ правъ мужа и даетъ ей полную свободу...

Карен. Да, но какая же можетъ быть свобода женщины связанной бракомъ?

Анна Павл. Разводъ. Онъ обѣщаетъ разводъ, и мы настаиваемъ.

Карен. Да, но Елизавета Андреевна такъ любила его...

Анна Павл. Ахъ, ея любовь подверглась такимъ испытаніямъ, что едва ли отъ нея остается что-нибудь. Тутъ и подлство, и обманы, и невѣрности. Развѣ можно любить такого мужа?

Карен. Для любви все можно.

Анна Павл. Вы говорите—любить, но какъ же любить такого человѣка—

тринку, на котораго ни въ чемъ нельзя положиться? Въдь теперь что было... (Оглядывается на дверь и торопится разсказать). Дѣла разстроены, все заложено, платить нечѣмъ. Наконецъ, дядя присылаетъ двѣ тысячи, внести проценты. Онъ ѣдетъ съ этими деньгами и пропадаетъ. Жена сидитъ съ больнымъ ребенкомъ, ждетъ, и наконецъ получается записка—прислать ему бѣлье и вещи¹⁾.

Карен. Да, да, я знаю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Анна Павловна, Каренинъ. Входятъ Лиза и Саша.

Анна Павл. Ну вотъ, Викторъ Михайловичъ явился на твой зовъ.

Карен. Да, меня немного задержали. (Здоровается съ сестрами).

Лиза. Благодарствуйте. У меня до васъ большая просьба. И мнѣ не къ кому обратиться, какъ къ вамъ.

Карен. Все, что могу.

Лиза. Вы вѣдь все знаете...

Карен. Да, я знаю.

Анна Павл. Такъ я васъ оставлю. (Сашѣ). Пойдемъ, оставимъ ихъ однихъ. (Уходитъ съ Сашей).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Лиза и Каренинъ.

Лиза. Да, онъ мнѣ написалъ письмо, что считаетъ все конченнымъ. Я (удерживая слезы) такъ была оскорблена, такъ... ну, однимъ словомъ, я согласилась разорвать... и отвѣтила ему, что принимаю его отказъ.

Карен. А теперь раскаиваетесь?

Лиза. Да, я почувствовала, что это дурно съ моей стороны, что я не могу. Все лучше, чѣмъ разстаться съ нимъ. Ну, однимъ словомъ, отдайте ему это письмо. Пожалуйста, Викторъ... отдайте ему это письмо и скажите... и привезите его.

Карен. (удивленно). Да, но какъ же?

Лиза. Скажите, что я прошу его все забыть и вернуться. Я бы могла

1) Примѣчаніе барона Каульбарса. Это невольныя послѣдствія горя «Протасова», (Читай мое примѣчаніе къ явленію IV и мои статьи) считающаго, что Лиза любитъ «Каренина». Это еще не нарушаетъ облику Идеалиста Протасова, который рискуетъ намъ Л. Толстой и это не опровергаетъ также заявленіе Сани: что Протасовъ съ горя тратитъ свое собственное состояніе. Поэтому, я эти слова не вычеркиваю, хотя совершенно ясно, что разл. во время сцены допроса у слѣдователя, честные островитяне Толстого и невинные, были кѣмъ-то, или чѣмъ-то, передѣланы «въ виновныхъ и пошляковъ». (въ согласіи съ интересами «Иже-Науки» и принципа «Непротивленія Злу») то вполнѣ возможно, что вѣчто подобное было совершено и тутъ?

просто послать письмо. Но я знаю его: первое движеніе, какъ всегда, будетъ хорошее, но потомъ чье-нибудь влияніе, и онъ раздумаетъ и сдѣлаетъ не то, что хочетъ.

Карен. Сдѣлаю, что могу.

Лиза. Вы удивляетесь, что я прошу именно васъ?

Карен. Нѣтъ... впрочемъ, надо говорить правду, да, удивляюсь...

Лиза. Но не сердитесь?

Карен. Развѣ я могу на васъ сердиться?

Лиза. Я просила васъ потому, что знаю, что вы любите его.

Карен. И его, и васъ. Вы знаете это. И люблю не для себя, а для васъ. И я благодарю васъ за то, что вы вѣрите мнѣ. Сдѣлаю, что могу.

Лиза. Я знаю. Я вамъ все скажу: я нынче ѣздила къ Афремову, узнать, гдѣ онъ. Мнѣ сказали, что онъ поѣхалъ къ цыганамъ. И вотъ этого я боюсь. Этого увлеченія я боюсь. Знаю, что если его не удержать во время, онъ увлечется. Вотъ это то и нужно. Такъ вы поѣдете?

Карен. Разумѣется, сейчасъ.

Лиза. Поѣзжайте, найдите его и скажите, что все забыто, что я жду его.

Карен. (встаетъ). Но гдѣ искать его?

Лиза. Онъ у цыганъ. Я сама была тамъ. Я была у крыльца, хотѣла послать письмо, потомъ раздумала и рѣшила просить васъ... Адресъ вотъ. Ну такъ скажите ему, чтобы онъ вернулся, что ничего не было, что все забыто. Сдѣлайте это изъ любви къ нему и дружбы къ намъ.

Карен. Сдѣлаю все, чтѣ могу. (Кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Лиза одна.

Лиза. Не могу, не могу. Все лучше, чѣмъ... не могу.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Лиза, входитъ Саша.

Саша. Ну что, послала?

Лиза. (Дѣлаетъ утвердительный знакъ головой).

Саша. И онъ согласился?

Лиза. Разумѣется.

Саша. Зачѣмъ его? Не понимаю.

Лиза. Кого же?

Саша. Да вѣдь ты знаешь, что онъ влюбленъ въ тебя?

Лиза. Это все было и прошло. Но кого же ты хочешь, чтобы я просила? Какъ ты думаешь, вернется онъ?

Саша. Я увѣрена, потому что...

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Лиза. Саша, входитъ Анна Павловна. (Саша замолкаетъ).

Анна Павл. А Викторъ Михайловичъ гдѣ?

Лиза. Уѣхалъ.

Анна Павл. Какъ уѣхалъ?

Лиза. Я просила его исполнить мою просьбу.

Анна Павл. Какую просьбу? Опять секретъ?

Лиза. Не секретъ, а просто просила его—самому передать письмо Федѣ.

Анна Павл. Федѣ? Федору Васильевичу.

Лиза. Да. Федѣ.

Анна Павл. Я думала, что между вами все отношенія кончены.

Лиза. Я не могу разстаться съ нимъ.

Анна Павл. Какъ, опять все сначала?

Лиза. Я хотѣла, я старалась, но не могу. Все, что хотите, но только бы не разлучаться съ нимъ.

Анна Павл. Такъ что же, ты хочешь вернуть его?

Лиза. Да.

Анна Павл. Опять пустить къ себѣ въ домъ эту гадину?

Лиза. Мамъ, я прошу васъ не говорить такъ про моего мужа.

Анна Павл. Онъ былъ мужъ.

Лиза. Нѣтъ, онъ теперь мой мужъ.

Анна Павл. Мотъ, пьяница, развратникъ, и ты не можешь съ нимъ разстаться?!

Лиза. За что вы меня мучаете? Миѣ и такъ тяжело, а вы точно нарочно хотите.

Анна Павл. Я мучаю?! Такъ я уѣду. Не могу я видѣть этого.

Лиза. (молчать).

Анна Павл. Я вижу, что вы этого хотите, что я вамъ мѣшаю. Не могу я жить. Ничего въ васъ не понимаю. Все это по новому. То разстаться рѣшила, потомъ вдругъ выписываешь человека, который въ тебя влюбленъ...

Лиза. Ничего этого нѣтъ.

Анна Павл. Каренинъ дѣлалъ тебѣ предложеніе... и посылаешь его а мужемъ. Что это, чтобы возбудить ревность?

Лиза. Мамъ, это ужасно, что вы говорите. Оставьте меня!

Анна Павл. Такъ мать выгони изъ дома, а развратнаго мужа пусти. Да я не стану ждать. И прощайте, и Богъ съ вами, какъ хотите, такъ и дѣлайте!

(Уходитъ, хлопая дверью).

ЯВЛЕНИЕ XV.

Лиза и Саша.

Лиза (падаетъ на стулъ). Этого не доставало!

Саша. Ничего. Все будетъ хорошо. Мама мы успокоимъ.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Лиза, Саша и Анна Павловна (проходятъ).

Анна Павл. Дуняша, мой чемоданъ!

Саша. Мама! Вы послушайте. (Уходитъ за ней; подмигиваетъ сестрѣ).

Картина 2-я.

ЯВЛЕНИЕ I.

Комната у цыганъ. Хоръ поетъ „Канавелу“. Федя лежитъ на диванѣ ничкомъ безъ куртка. Афремовъ на стулѣ верхомъ противъ записывалъ. Офицеръ у стола, на которомъ стоитъ шампанское и стаканы. Тутъ же музыкантъ записываетъ.

Афремовъ. Федя, спишь?

Федя (поднимается). Не разговаривайте! Теперь—„Не вечерняя“.

Цыганъ. Нельзя, Федоръ Васильевичъ. Теперь пусть Маша одна спитъ.

Федя. Ну, ладно! А потомъ „Не вечерняя“. Опять ложится.

Офицеръ. „Часъ роковой“.

Цыганъ. Согласны?

Афремовъ. Искать.

Офицеръ (къ музыканту). Что же, записали?

Музыкантъ. Невозможно. Всякій разъ по новому. И какая-то скучная. Вотъ тутъ. (Подзываетъ. Къ цыганкѣ, которая смотритъ). Это какъ? (нагбываетъ).

Цыганка. Да такъ и есть. Такъ чудесно.

Федя. (Поднимаясь). Не запишетъ. А запишетъ, да въ оперу всунетъ все изгадитъ. Ну, Маша, валий, хоть „Часъ“! Бери гитару. (Встаетъ, садится передъ ней и смотритъ ей въ глаза).

Маша (поетъ).

Федя. И это хорошо. Ай да Маша! Ну, теперь „Не вечерняя“.

Афремовъ. Нѣтъ, постой. Прежде мою, похоронную.

Офицеръ. Отчего похоронную?

Афремовъ. А оттого, что когда я умру... Понимаешь, умру, въ гробу буду лежать, придутъ цыгане... понимаешь? Такъ жеиъ завѣщаю. И запоютъ: „Шолъ мэ вѣрста“, — такъ я изъ гроба вскочу,—понимаешь?! (Музыканту). Вотъ что запиши! Ну, катай!

(Цыгане поютъ).

Афремовъ. А, каково! Ну,—„Размолодчики мои“.

(Цыгане поютъ).

Афремовъ (дѣлаетъ выходку).

(Цыгане улыбаются и продолжаютъ пѣть, хлопаютъ).

Афремовъ (садится. Пѣсня кончается).

Цыгане. Ай да Михаилъ Андреевичъ, настоящій цыганъ!

Федя. Ну теперь — „Не вечерняя“.

(Цыгане поютъ).

Федя. Вотъ это она. Вотъ это она! Удивительно! И гдѣ же дѣлается то все, что тутъ высказано? Ахъ, хорошо! и зачѣмъ можетъ человѣкъ доходить до этого восторга, а нельзя продолжать его?

Музыкантъ (записываетъ). Да, очень оригинально.

Федя. Не оригинально, а это настоящее.

Афремовъ. Ну... Вы отдохните (беретъ гитару и подсаживается къ Катѣ).

Музыкантъ. Въ сущности оно просто, но только ритмъ.

Федя (махаетъ рукой, подходитъ къ Манѣ и садится на диванъ рядомъ съ ней). Ахъ, Маша, Маша, какъ ты мнѣ разворачиваешь пучокъ все.

Маша. Ну, а что я васъ просила?

Федя. Что? Денегъ? (вынимаетъ изъ кармана пятаковъ). Ну, что жъ, возьми.

Маша (смѣется, беретъ деньги и прячетъ за пазуху).

Федя (цыганамъ). Вотъ и разберись тутъ! Мнѣ открываетъ небо, а сама на душки проситъ. Вѣдь ты ни черта не понимаешь того, что ты сама дѣлаешь!

Маша. Какъ не понимать? я понимаю, что кого люблю, для того и стараюсь и пою лучше.

Федя. А меня любишь?

Маша. Видно, что люблю.

Федя. Удивительно! (Цѣлуетъ ее).

ЯВЛЕНИЕ II.

Цыгане, цыганки уходятъ. Остаются парочки: Федя съ Маней, Афремовъ съ Катей, офицеръ съ Гашей. Музыкантъ пишетъ. Цыганъ перебираетъ на гитарѣ вальсъ.

Федя. Вѣдь я женатъ. А тебѣ хоръ не велить.

Маша. Хоръ хорошо, а сердце сердцемъ. Люблю кого, я люблю. А противный, такъ противный.

Федя. Ахъ, хорошо! Хорошо тебѣ?

Маша. Разумѣется хорошо. Когда хорошіе гости, и намъ весело.

ЯВЛЕНИЕ III.

Входитъ цыганъ.

Цыганъ (къ Федѣ). Васъ баринъ спрашиваетъ.

Федя. Какой баринъ?

Цыганъ. Не знаю. Одѣтъ хорошо. Соболья шуба.

Федя. Барорай? Ну что же, зови.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, безъ цыгана.

Афремовъ. Кто же это къ тебѣ сюда?

Федя. А чертъ его знаетъ! Кому до меня дѣло?

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же. (Входитъ Каренинъ, оглядывается).

Федя. А, Викторъ! Вотъ кого не ждалъ! Раздѣвайся. Какимъ вѣтромъ тебя сюда занесло? Ну, садись. Слушай, вотъ „Не вечерняя“.

Карен. Je voudrais vous parler sans témoins.

Федя. О чемъ?

Карен. Je viens de chez vous. Votre femme m'a chargé de cette lettre, et puis...

Федя (беретъ письмо, читаетъ, хмурится, потомъ ласково улыбается). Послушай, Каренинъ, ты вѣдь знаешь, что въ этомъ письмѣ?..

Карен. Знаю. И хочу сказать...

Федя. Постой, постой. Ты, пожалуйста, не думай, что я пьянъ и мои слова невѣняемы, т.-е. я невѣняемъ. Я пьянъ, но въ этомъ дѣлѣ вижу все ясно. Ну, что же тебѣ поручено сказать?

Карен. Миѣ поручено найти тебя и сказать тебѣ, что... она... ждетъ тебя. Просить тебя все забыть и вернуться.

Федя (слушаетъ молча, глядя ему въ глаза). Я все-таки не понимаю, почему ты?..

Карен. Елизавета Андреевна прислала за мной и просила меня...

Федя. Такъ...

Карен. Но я не столько отъ имени твоей жены, сколько самъ отъ себя прошу тебя: поѣдемъ домой.

Федя. Ты лучше меня. Какой вздоръ! Лучше меня нетрудно быть. Я негодий, а ты хорошій, хорошій человѣкъ. И отъ этого самаго я не измѣню своего рѣшенія. И не отъ этого. А просто, не могу и не хочу... Ну какъ я поѣду?

Карен. Поѣдемъ теперь ко миѣ. Я скажу, что ты вернешься, а завтра...

Федя. А завтра что? Все буду я---я, а она -- она (подходитъ къ столу

и пить). Зубъ лучше сразу выдернуть. Я вѣдь говорилъ, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня. Я не сдержать, и кончено.

Карен. Для тебя, но не для нея.

Федя. Удивительно, что ты заботишься о томъ, чтобы нашъ бракъ былъ не нарушенъ.

Карен. (хочетъ что-то сказать. Подходить Маша).

Федя (перебиваетъ его). Ты послунай, какъ она поетъ „Ленъ“. Маша! (Цыгане сходятся).

Маша (шопотомъ). Повеличать бы.

Федя (смѣется). Величать: Викторъ сударь Михайловичъ.

(Цыгане поютъ).

Карен. (сконфуженно слушаетъ, потомъ спрашиваетъ:) Сколько дать?

Федя. Ну дай двадцать пять.

Карен. (дастъ).

Федя. Чудесно! Теперь—„Ленъ“ (цыгане поютъ).

Федя (оглядывается). Удралъ Каренинъ. Ну, чертъ съ нимъ!

(Цыгане разбредаются).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Федя (сидитъ съ Машей). Ты знаешь, кто это?

Маша. Слышала фамилію.

Федя. Это превосходный человѣкъ. Онъ прѣѣзжалъ звать меня домой, къ женѣ. Она меня, дурака, любитъ, а я вотъ что дѣлаю.

Маша. Что же, это плохо. Надо къ ней ѣхать. Надо ее пожалѣть.

Федя. Ты думаешь, надо? А я думаю, не надо.

Маша. Известно, коли не любишь, такъ и не надо. Только любовь дорога.

Федя. А ты почему знаешь?

Маша. Должно знаю...

Федя. Ну, подѣлуй меня. Чавалы! Еще „Ленъ“, и тогда набабашь.

(Цыгане начинаютъ пѣть).

Федя. Ахъ, хорошо. Кабы только не просыпаться... Такъ и помереть...

ДѢЙСТВІЕ II.

Картина 1-я.

Послѣ перваго дѣйствія прошло двѣ недѣли. У Лизы Каренинъ и Анна Павловна сидятъ въ столовой. Саша входитъ изъ двери.

ЯВЛЕНИЕ I.

Карен. Ну что?

Саша. Докторъ сказалъ, что опасности теперь нѣтъ. Только бы не простудить.

Анна Павл. Ну, а Лиза совсѣмъ извелась.

Саша. Онъ говоритъ, что это ложный крупъ въ слабой формѣ. (Указывая на корзину). Это чтѣ?

Анна Павл. Да это Викторъ привезъ винограду.

Карен. Не хотите ли?

Саша. Да, она любить. Она очень нервна стала.

Карен. Двѣ ночи не спать, не ѣсть.

Саша. (Улыбаясь). Да вы тоже.

Карен. Я—другое дѣло.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же. Выходятъ докторъ и Лиза.

Докторъ (внушительно). Такъ такъ-съ. Черезъ каждые полчаса мѣняйте, если онъ не спитъ. Если спитъ, не тревожьте. Мазать гортань не нужно. Температуру въ комнатѣ держите такъ же...

Лиза. А если опять будетъ задыхаться?

Докторъ. Не должно быть. Если будетъ—пульверизация. И кромѣ того, порошокъ, утромъ одинъ и вечеромъ другой. Я сейчасъ проинцу.

Анна Павл. Не хотите ли, докторъ, чаю?

Докторъ. Нѣтъ, благодарю, большие ждутъ (садится къ столу).

(Саша приноситъ бумагу, чернила).

Лиза. Такъ навѣрно это не крупъ?

Докторъ (улыбаясь). Совершенно вѣрно. (Пишетъ).

Карен. (Лизѣ). Ну, теперь выкушайте чаю, а то, еще лучше, пойдите, отдохните; а то посмотрите, на чтѣ вы похожи.

Лиза. Теперь я ожила. Спасибо вамъ. Вотъ истинный другъ! (Жметъ ему руку).

(Саша сердито отходитъ).

Лиза. Благодарствуйте, мой другъ. Вотъ гдѣ дор...

Карен. Чтѣ же я сдѣлалъ? Вотъ уже не за чтѣ благодарить меня.

Лиза. А кто ночи не спалъ? Кто привезъ эту знаменитость?

Карен. Ужъ я такъ награжденъ и тѣмъ, что Мика виѣ опасности и, главное,—вашей добротой.

Лиза (опять жметъ руку и смѣется, показывая монету, оставшуюся у нея въ рукахъ). Это доктору. Только я никогда не умѣю, какъ отдать.

Карен. Ну и я тоже не могу.

Анна Павл. Чтѣ не могу?

Лиза. Давать деньги доктору. Онъ спасъ мнѣ больше, чѣмъ жизнь, а я даю деньги. Чтѣ-то тутъ такое непріятное.

Анна Павл. Давай, я дамъ. Я умѣю какъ. Очень просто.

Докторъ (встаетъ и даетъ рецептъ). Такъ эти порошки въ столовой ложкѣ отварной воды, хорошенько размѣнять и (продолжаетъ)...

(Каренинъ у стола пьетъ чай. Отходить впередъ Анна Павл. и Сааа).

Сааа. Не могу видѣть ихъ отношеній. Она точно влюблена въ него.

Анна Павл. Что же тутъ удивительнаго?

Сааа. Противно!

Докторъ (уходитъ, прощается со всѣми. Анна Павл. идетъ его проводить).

ЯВЛЕНИЕ III.

Лиза, Каренинъ и Сааа.

Лиза (Каренину). Онъ такъ миль теперь. Какъ только ему стало лучше, онъ сейчасъ же сталъ улыбаться и болтать. Я къ нему пойду. И отъ вась уходить не хочется.

Карен. Да вы выйдите чаю, съѣшьте что-нибудь.

Лиза. Миѣ теперь ничего не нужно. Миѣ такъ хорошо, послѣ этихъ страховъ (всхлипываетъ).

Карен. А, вотъ вы видите, какъ вы слабы.

Лиза. Я счастлива. Хотите взглянуть на него?

Карен. Разумѣется.

Лиза. Пойдемте со мной (уходить).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анна Павл. (возвращается къ Саааѣ).

Анна Павл. Ты что насулилась? Такъ прекрасно отдала, и онъ взялъ.

Сааа. Отвратительно! Она его съ собой повела въ дѣтскую. Точно онъ женихъ или мужъ.

Анна Павл. Да тебѣ-то что? Изъ чего ты кипятишься? Или ты за него замужъ собиралась?

Сааа. Я?! За эту версту?! Да я, скорѣе, не знаю, за кого выйду, но не за него. Да и никогда миѣ въ голову не приходило. Миѣ только противно, что Лиза послѣ Оеди можетъ такъ сближаться съ чужимъ человекомъ.

Анна Павл. Какой же онъ чужой—другъ дѣтства.

Сааа. Но я вѣдь вижу по улыбкамъ, по глазамъ, что они влюблены.

Анна Павл. Что же тутъ удивительнаго? Человѣкъ принять участіе въ болѣзни ребенка, сочувствовать, помогать, и она благодарна. И кромѣ того, отчего же ей не полюбить и не выйти замужъ за Виктора?

Сааа. Это было бы ужасно, отвратительно! Отвратительно!

ЯВЛЕНИЕ V.

Каренинъ и Лиза входятъ. Карен. (прощается молча).
Саша (сердито уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна Павловна и Лиза.

Лиза (къ матери). Что съ ней?

Анна Павл. Право, не знаю.

Лиза (вздыхаетъ молча).

Картина 2-я.

У Афремова въ кабинетѣ. Вино въ налитыхъ стаканахъ. Гости.

ЯВЛЕНИЕ I.

Афремовъ, Федя, Стаховъ, (мохнатый), Буткевичъ (бритый), Коротковъ (при-
хвостень).

Коротковъ. А я вамъ говорю, что за флагомъ останется. Ла-бель-буа—
первая въ Европѣ. Пари!

Стах. Полно, братъ. Вѣдь ты знаешь, что ничто тебѣ не вѣритъ и
пари держать не станетъ.

Коротковъ. Я тебѣ говорю: твой Картушъ за флагомъ.

Афрем. Да полно ссориться. Я васъ примирю. Спросите Федю. Онъ
вѣрно скажетъ.

Федя. Обѣ лошади хороши. Дѣло въ фздохъ.

Стах. Гусевъ подлецъ. Надо только его въ рукахъ держать.

Коротковъ (кричитъ). Пѣтъ!

Федя. Ну, стойте, я васъ помирю. Дерби кто взять?

Коротковъ. Взять, да ничего не стоить. Это случай. Кабы Кр[акусъ] не
заболѣлъ. Посмотри... (Входитъ лакей).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и лакей.

Афремовъ. Что ты?

Лакей. Госпожа прѣѣхала, спрашиваетъ Федора Васильевича.

Афрем. Какая? Дама?

Лакей. Не могу знать. Только настоящая дама.

Афрем. Федя, къ тебѣ дама.

Федя (испуганно). Кто это?

Афрем. Не знаетъ кто.

Лакей. Просить бы въ залъ.

Федя. Да постой я пойду посмотрю (Федя и лакей уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, безъ Федя и лакея.

Коротковъ. Кто это къ нему? Наверно Машка.

Стах. Какая Машка?

Коротковъ. Цыганка Маша. Влюбилась въ него. Какъ кошка влюблена!

Стах. Какая милая! И поетъ!..

Афрем. Прелесть! Танюша, да она. Вчера они съ Петромъ пѣли...

Стах. Вѣдь жкій счастливцевъ этотъ!..

Афрем. Что его бабы любятъ? Богъ съ ними!

Коротковъ. Терпѣть не могу цыганокъ,—никакого изящества нѣтъ.

Бутк. Ну, не говори.

Коротковъ. Я ихъ всѣхъ за одну французешку отдамъ.

Афрем. Ну, да ты извѣстный эстетъ. Пойти посмотрѣть, кто это...
(уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, безъ Афремова.

Стах. Если Маша, приведи ее сюда, пусть споетъ. Пѣть, теперь не то цыгане! Танюша была, ахъ, чертъ возьми!

Бутк. А я думаю, что все то же.

Стах. Какъ то же, когда романсы пошлые вмѣсто пѣни.

Бутк. И романсы есть хорошіе.

Коротковъ. А хочешь пари, что я заставляю снѣть, и ты не узнаешь, пѣсня это или романсъ.

Стах. Коротковъ—вѣчно пари.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Афремовъ.

Афремовъ (входитъ). Господа, это не Маша. А привезъ ее пегдъ, кромѣ здѣсь. Пойдемте въ билліардную (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Входятъ Федя и Саша.

Саша (смущенно). Федя, прости меня, если тебѣ непріятно, но ради Бога, выслушай меня. (Голосъ ея дрожитъ).

Федя (ходитъ по комнатѣ. Саша сѣла, смотритъ на него).

Саша. Федя, вернись домой.

Федя. Слушай, Саша, я тебя очень хорошо понимаю. Саша, милая, и на твоемъ мѣстѣ я бы сдѣлала то же: постарался бы какъ-нибудь вернуть все къ старому; но на моемъ мѣстѣ, если ты, чуткая, милая дѣвочка, была бы, какъ ни странно это сказать, на моемъ мѣстѣ,—ты бы навѣрное сдѣлала то, что я, т.-е. ушла бы, перестала бы мѣшать чужой жизни...

Саша. Какъ мѣшать? Развѣ Лиза можетъ жить безъ тебя?

Федя. Ахъ, милая Саша, голубушка, можетъ, можетъ, и еще будетъ счастлива, гораздо счастливѣе, чѣмъ со мной.

Саша. Никогда!

Федя. Это тебѣ кажется. (Держить въ рукѣ ея руку.) Да не въ томъ дѣло. Главное дѣло въ томъ, что я-то не могу. Знаешь, толстую бумагу перегибай такъ и этакъ, и сто разъ перегинешь,—она все держится, а перегинешь въ сто первый разъ, и она разойдется. Такъ между мной и Лизой. Мнѣ слишкомъ больно смотрѣть ей въ глаза. И ей также, повѣрь.

Саша. Нѣтъ, нѣтъ.

Федя. Говоришь—лѣтъ, а сама знаешь, что да.

Саша. Я могу только по себѣ судить. Если бы я была на ея мѣстѣ, и ты бы отвѣтилъ то, что ты отвѣчаешь—это было бы ужасно для меня.

Федя. Да, для тебя... (молчаніе; оба смущены.)

Саша (встаетъ). Неужели такъ и останется?

Федя. Должно быть...

Саша. Федя, вернись.

Федя. Спасибо тебѣ, милая Саша. Всегда ты мнѣ останешься дорогимъ воспоминаніемъ... но, прощай, голубушка. Дай мнѣ поцѣловать тебя (цѣлуетъ ее въ лобъ).

Саша (взволнованная). Нѣтъ, я не прощаюсь, и не вѣрю и не хочу вѣрить... Федя...

Федя. Ну такъ слушай же. Только слово, что то, что я тебѣ скажу, никому не скажешь. Дашь слово?

Саша. Разумѣется.

Федя. Ну такъ слушай, Саша. Правда, что я—мужъ, отецъ ея ребенка, но я лишній... Постои, постои, не возражай. Ты думаешь, я ревную?—ни-колько. Во-первыхъ, не имѣю права; во-вторыхъ, не имѣю повода. Викторъ Каренинъ—старый ея другъ и мой тоже. И онъ любитъ ее, и она любитъ его.

Саша. Нѣтъ.

Федя. Любить, какъ можетъ любить честная, правдивая женщина, которая не позволяетъ себѣ любить никого, кромѣ мужа. Но она любитъ и будетъ любить, когда пренятствіе это (показываетъ на себя) будетъ устранено, и я устраню его, и они будутъ счастливы (голосъ дрожить) ¹⁾

Саша. Федя, не говори такъ.

Федя. Вѣдь ты знаешь, что это правда, и я буду радъ ихъ счастьемъ, и лучше я ничего не могу сдѣлать... И не вернусь, и дамъ имъ свободу... и такъ и скажи. И не говори, и не говори и прощай! (Цѣлуетъ ее въ голову и отворяетъ ей дверь).

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса.. Это снова указываетъ намъ (читай мои статьи): что «Протасовъ—воображающій, что «Лиза» любитъ Каренина»---любить «Лизу»?

Сама. Федя, я восхищаюсь передъ тобой.

Федя. Прощай, прощай... (Сама уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Федя одинъ.

Федя. Да, да... чудесно, прекрасно... (звонить.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Федя и лакей.

Федя. Позовите барина.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Федя одинъ.

Федя. И правда, и правда...

ЯВЛЕНИЕ X.

Входитъ Афремовъ.

Федя. Пойдемъ.

Афремовъ. Какъ же устроить?

Федя. Чудесно! „И божилась, и клялась“. Чудесно! Гдѣ всѣ?

Афремовъ. Да тамъ играютъ.

Федя. Отлично, пойдемъ, побываемъ-ка и мы на часъ!

ДѢЙСТВІЕ III.

Картина 1-я.

Дѣйствующія лица:

Князь Абрезковъ,—60-лѣтній элегантный холостякъ, бритый, съ усами; старый военный, съ большимъ достоинствомъ и грустью. Анна Дмитриевна Каренина (мать Виктора), молодящаяся, 50-лѣтняя *grande dame*. Перебываетъ рѣчь французскими словами. Лакей, Викторъ, Лиза.

Кабинетъ Анны Дмитриевны, роскошно-скромный, полноъ сувенировъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анна Дмит. (пишетъ письмо).

ЯВЛЕНИЕ II.

Анна Дмитриевна и лакей.

Лакей. Князь Сергѣй Дмитриевичъ.

Анна Дмит. Ну, разумеется. (Оборачивается и поправляется передъ зеркаломъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Князь Абрезковъ. (входя). J'espère que je ne force pas la consigne (цѣлуетъ руку).

Анна Дмит. Вы знаете, что *vous êtes toujours le bienvenu*. А теперь, нынче особенно. Вы получили мою записку?

Князь Абрез. Получилъ, и вотъ мой отвѣтъ.

Анна Дмит. Ахъ, мой другъ, я начинаю совѣмъ отчаяваться. *Il est ensorcelé, positivement ensorcelé*. Я никогда не встрѣчала въ немъ такой настойчивости, такого упрямства, такой безжалостности, равнодушія ко мнѣ. Онъ совѣмъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ эта женщина бросила мужа.

Князь Абрез. Но что же именно? какъ стоитъ дѣло?

Анна Дмит. Такъ—что, во что бы то ни стало, хочетъ жениться.

Кн. Абр. Но какъ же мужъ?

Анна Дмит. Даетъ разводъ.

Кн. Абр. Вотъ какъ!

Анна Дмит. И онъ, Викторъ, идетъ на это, и вся эта грязь: адвокаты, доказательства вины. *Tout ça est dégoûtant*. И это не отталкиваетъ его. Я его не понимаю. Онъ съ своей чуткостью, робостью...

Кн. Абр. Любить. Ахъ, если человѣкъ точно любить, тогда...

Анна Дмит. Да, но отчего же въ наше время любовь могла быть любовью чистой, любовью-дружбой, которая идетъ черезъ всю жизнь? Такую любовь я понимаю, цѣню.

Кн. Абр. Теперь новое поколѣніе ужъ не можетъ довольствоваться идеальными отношеніями. *La possession de l'âme ne leur suffit plus*. Что дѣлать! Но какъ же быть съ нимъ?

Анна Дмит. Нѣтъ, про него не говорите. Но это какое-то колдовство. Его точно подмѣнили. Вѣдь вы знаете—я была у нея. Онъ такъ просилъ меня. Я поѣхала, не застала ее, оставила карточку. *Elle m'a fait demander si je ne pourrais la recevoir*. И нынче (смотреть на часы), во 2-мъ часу стало быть сейчасъ, должна пріѣхать. Я общалась Виктору принять, но понимаете мое положеніе? Я вся не своя. И по старой привычкѣ послала за вами. Мнѣ нужна ваша помощь.

Кн. Абр. Благодарствуйте.

Анна Дмит. Вы поймите, что это посѣщеніе ей рѣшаетъ все дѣло,—судьбу Викторъ. Мнѣ надо или не согласиться... а какъ я могу?

Кн. Абр. Вы совѣмъ не знаете ее?

Анна Дмит. Никогда не видала. Но боюсь ее. Не можетъ хорошая женщина согласиться оставить мужа, и хорошаго человѣка. Вѣдь онъ товарищъ Викторъ и бывалъ у насъ. Онъ былъ очень милый. Да какой бы онъ ни былъ! *Quels que soient les torts qu'il a eus vis-a-vis d'elle*, нельзя бросить мужа. Надо нести свой крестъ. Я одно не понимаю, какъ можетъ Викторъ съ своими убѣжденіями согласиться на женитбу на разведенной. Сколько разъ—недавно онъ при мнѣ горячо спорилъ съ Спиднымъ, доказывая, что разводъ несогласенъ съ истиннымъ христіанствомъ, и теперь самъ идетъ на

это. Si elle a pu le charmer à un tel point... Я боюсь ея. Но впрочемъ, я васъ позвала, чтобы слышать васъ, а все только сама говорю. Что вы думаете? Скажите. Скажите. Что по-вашему? Какъ надо? Вы говорили съ Викторомъ?

Кн. Абр. Я говорить съ нимъ. И я думаю, что онъ любитъ ее, привыкъ любить такъ; любовь эта взяла такую власть надъ нимъ, а онъ человѣкъ, медленно, но твердо принимающій. Что вошло ему въ сердце, то уже не выйдетъ. И онъ никого, кромѣ ея, любить не будетъ, и безъ нея и съ другой счастливъ быть не можетъ.

Анна Дмит. А какъ Варя Казанцева пошла бы за него. И какая дѣвушка, и какъ любить!..

Кн. Абр. (улыбаясь). C'est compter sans son hôte. Это теперь совѣтъ несбыточно. И я думаю, лучше покориться и помочь ему жениться.

Анна Дмит. На разведенной, чтобы онъ встрѣчалъ мужа своей жены? Я не понимаю, какъ вы можете спокойно говорить про это. Развѣ это та женщина, которую мать можетъ желать женой своего единственного сына, и такого сына?

Кн. Абр. Да что же дѣлать, милый другъ? Разумѣется, лучше бы жениться на дѣвушкѣ, которую вы знаете, любите. Но коимъ этого нельзя... Да потомъ, если бы онъ женился на цыганкѣ или Богъ знаетъ на комъ... А Лиза Протасова — очень хорошая, милая женщина. Я по племянницѣ Нелли знаю ее: кроткая, добрая, любящая и нравственная женщина.

Анна Дмит. Нравственная женщина, которая рѣшается бросить мужа?

Кн. Абр. Я не узнаю васъ. Вы недобры, вы жестоки. Мужъ ея одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ, что онъ только самъ себѣ врагъ. Но онъ еще больше женѣ врагъ. Это слабый, совершенно падшій, пьяный человѣкъ. Онъ промоталъ все свое состояніе, все ея состояніе ¹⁾, — у нея ребенокъ... Какъ же вы осуждаете женщину, которая оставила такого человѣка? И то не она, а онъ оставилъ ее.

Анна Дмит. Ахъ, какая грязь, какая грязь! И я должна пачкаться въ ней.

Кн. Абр. А ваша религія?

Анна Дмит. Да, да, прощеніе. „Какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ“. Mais c'est plus fort que moi.

Кн. Абр. Ну какъ же ей жить съ такимъ человѣкомъ? Если бы она и не любила другого, она должна бы была это сдѣлать. Для ребенка должна.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Эти слова «Князя Абрезкова» я не вычеркиваю, ибо: хотя это и противурѣчитъ тому, что говорятъ семья (читай мое примѣчаніе къ дѣйствію I-му, явленію IV-му), но представляетъ собою ничто иное какъ: разговоры постороннихъ лицъ. Поэтому это нисколько не нарушаетъ указанную мною и Толстымъ идею пьесы и обликъ «Идеалиста Протасова».

Онъ самъ, мужъ, умный и добрый человѣкъ, когда онъ въ своемъ умѣ, совѣтуетъ ей это сдѣлать...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анна Дмитріевна, кн. Абрезковъ, входитъ Викторъ (цѣлуетъ руку матери, здоровается съ кн. Абрезковымъ).

Викт. Мама, я зашелъ сказать вамъ одно: Елизавета Андреевна сейчасъ пріѣдетъ, и я прошу, умоляю васъ только объ одномъ: если вы продолжаете быть несогласны на мой бракъ...

Анна Дмит. (перебивая его). Разумѣется, продолжаю быть несогласна?

Викт. (продолжая рѣчь и хмурясь)... то прошу, умоляю васъ объ одномъ, не говорите о своемъ несогласіи, не рѣшайте въ отрицательномъ смыслѣ.

Анна Дмит. Я думаю, что мы и не будемъ ни о чемъ такомъ говорить. Я, по крайней мѣрѣ, никакъ уже не начну.

Викт. Она тѣмъ менѣе. Миѣ только хотѣлось, чтобы вы узнали ее.

Анна Дмит. Не понимаю одно: какъ ты мирнѣе свое желаніе жениться на госпожѣ Протасовой, съ живымъ мужемъ, съ твоими религіозными убѣжденіями, что разводъ противенъ христіанству?

Викт. Мама, это жестоко съ вашей стороны! Неужели мы все такъ непогрѣшимы, что не можемъ расходиться въ нашихъ убѣжденіяхъ, когда жизнь такъ сложна? Мама, за что вы такъ жестоки ко миѣ?

Анна Дмит. Я люблю тебя, хочу тебѣ счастья.

Викт. (Къ Абрезкову). Сергѣй Дмитріевичъ!

Кн. Абрез. Разумѣется вы хотите ему счастья, но намъ съ нашими сѣднами уже трудно понимать молодежь. А особенно трудно матери, пріучившей себя къ мысли о своемъ счастьѣ для сына. Все женщины такъ.

Анна Дмит. Вотъ, вотъ именно. Все противъ меня. Разумѣется, ты можешь сдѣлать это, vous êtes majeur... Но ты погубишь меня.

Викт. Не узнаю васъ. Это хуже, чѣмъ жестокость.

Кн. Абрез. (Виктору). Перестань, Викторъ. Мама говоритъ всегда хуже, чѣмъ дѣлаетъ.

Анна Дмит. Я скажу, что думаю и чувствую, и скажу, не оскорбляя ее.

Кн. Абрез. Это навѣрное.

ЯВЛЕНИЕ V.

Анна Дмитріевна, кн. Абрезковъ, Викторъ и лакей (входитъ).

Кн. Абр. Вотъ и она.

Викторъ. Я уйду.

Лакей. Елизавета Андреевна Протасова.

Викторъ. Я ухожу. Мама, пожалуйста. (Уходитъ).

Кн. Абр. (тоже встаетъ).

Анна Дмит. Просите. (Къ кн. Абрезкову). Нѣтъ, вы оставайтесь.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна Дмитриевна и кн. Абрезковъ.

Кн. Абр. Я думаю, вамъ легче en tête-à-tête.

Анна Дмит. Нѣтъ, я боюсь (суетится). Если я захочу остаться съ ней tête-à-tête, я кивну вамъ. Ça dépendra... А то мнѣ остаться одной съ ней, это связать меня. Я тогда такъ сдѣлаю вамъ (показываетъ знакъ).

Кн. Абр. Я пойму. Я увѣренъ, что она поправится вамъ. Только будьте справедливы.

Анна Дмит. Какъ вы все противъ меня!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Анна Дмитриевна, кн. Абрезковъ. (Входитъ Лиза, въ шляпѣ въ визитномъ платьѣ).

Анна Дмитр. (приподнимаясь). Я жалѣла, что не застала васъ, но вотъ вы такъ добры, что сами пріѣхали.

Лиза. Я никакъ не ожидала. Я такъ благодарна вамъ, что вы пожелали меня видѣть.

Анна Дмитр. Вы знакомы? (Указывая на князя Абрезкова).

Кн. Абр. Какъ же, я имѣю честь быть представленнымъ (Shake hands). (Садятся). Моя племянница Целли мнѣ часто говоритъ про васъ.

Лиза. Да, мы дружны были очень. (Оглядываясь робко на Анну Дмитриевну). И теперь дружны. (Къ Аннѣ Дмитр.). Я никакъ не ожидала, что вы пожелаете меня видѣть.

Анна Дмитр. Я знала хорошо вашего мужа. Онъ былъ друженъ съ Викторомъ и бывалъ у насъ до своего переезда въ Тамбовъ. Кажется, тамъ онъ женился на васъ?

Лиза. Да, мы тамъ женились.

Анна Дмитр. А потомъ, когда онъ опять переехалъ въ Москву, онъ ужъ не бывалъ у меня.

Лиза. Да, онъ нигдѣ почти не бывалъ.

Анна Дмитр. И не познакомить меня съ вами. (Неловкое молчаніе).

Кн. Абр. Последний разъ я встрѣтилъ васъ у Денисовыхъ на спектаклѣ. Очень было мило. И вы играли.

Лиза. Нѣтъ... да... какъ же... помню. Я играла. (Опять молчаніе). Анна Дмитриевна, простите меня, если вамъ непріятно то, что я скажу, но я не могу, не умѣю притворяться. Я пріѣхала потому, что Викторъ Михайловичъ сказалъ... потому, что онъ, т.-е. потому, что вы хотѣли меня видѣть... но лучше все сказать... (всхлипываетъ)... Мнѣ очень тяжело... а вы добры.

Кн. Абр. Да я лучше уйду.

Анна Дмитр. Да, уйдите.

Кн. Абр. До свиданья (прощается съ обѣими женщинами и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анна Дмитриевна и Лиза.

Анна Дмит. Послушайте, Лиза... не знаю, да и не хочу знать, какъ васъ по отчеству.

Лиза. Андреевна.

Анна Дмит. Ну, все равно,—Лиза. Миѣ васъ жаль, вы миѣ симпатичны. Но я люблю Виктора. И одно существо на свѣтѣ люблю. Я знаю его душу, какъ свою. Это гордая душа. Онъ былъ гордъ еще семилѣтнимъ мальчикомъ. Гордъ не имениемъ, не богатствомъ, но гордъ своей чистотой, своей нравственной высотой: и онъ соблюдать ее. Онъ чистъ, какъ дѣвушка.

Лиза. Я знаю.

Анна Дмит. Онъ никого женщинъ не любитъ. Вы первая. Не скажу, что я не ревную къ вамъ. Я ревную. Но мы, матери,—у васъ еще маленький, вамъ рано,—мы готовимся къ этому. Я готовилась къ тому, чтобы отдать его жемъ и не ревновать. Но отдать такой же чистой, какъ онъ.

Лиза. Я... развѣ я...

Анна Дмит. Простите, я знаю, вы не виноваты, но вы несчастны. И я его знаю. Теперь онъ готовъ все перенести и перенесетъ, и никогда не скажетъ, но будетъ страдать. Его оскорбленная гордость будетъ страдать, и онъ не будетъ счастливъ.

Лиза. Я думала объ этомъ.

Анна Дмит. Лиза, милая. Вы умная, хорошая женщина. Если вы любите его, то вы хотите его счастья больше, чѣмъ своего. А если такъ, то вы не захотите связать его и заставить раскаиваться. Хотя онъ не скажетъ, никогда не скажетъ.

Лиза. Я знаю, что не скажетъ. Я думала объ этомъ и задавала себѣ этотъ вопросъ. Я думала и говорила ему. Но что же я могу сдѣлать, когда онъ говоритъ, что не хочетъ жить безъ меня? Я говорила: будемъ друзьями, но устройте себѣ свою жизнь, не связывайте свою чистую жизнь съ моей несчастной. Онъ не хочетъ.

Анна Дмит. Да, теперь не хочетъ.

Лиза. Уговорите его оставить меня. А я согласна. Я люблю его для его, а не для своего счастья. Только помогите миѣ, не ненавидьте меня. Будемъ вмѣстѣ, любя, искать его блага.

Анна Дмит. Да, да, я полюбила васъ. (Цѣлуетъ ее. Лиза плачетъ). Но все-таки, все-таки, это ужасно. Если бы онъ тогда, когда вы еще не выходили замужъ, полюбилъ васъ...

Лиза. Онъ говоритъ, что полюбилъ тогда, но не хотѣлъ мѣшать счастьемъ друга.

Анна Дмит. Ахъ, какъ это все тяжело! Но все-таки будемъ любить другъ друга, и Богъ поможетъ намъ найти то, что мы хотимъ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Анна Дмитриевна, Лиза и Викторъ.

Викторъ (выходя) Мама, милая. Я все слышать. Я ожидать этого: вы полюбили ее. И все будетъ хорошо.

Лиза. Какъ мнѣ жалко, что вы все слышали,—я бы не говорила.

Анна Дмит. Все-таки ничего не рѣшено. Я могу сказать одно, что если бы не все эти тяжелыя обстоятельства, я бы рада была (цѣлуетъ ее).

Викторъ. Пожалуйста, только не мѣшайтесь.

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Квартира скромная: постель, письменный столъ, диванъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Федя одинъ. Въ дверь стучать. Изъ-за двери женскій голосъ: „Что ты заперся, Федоръ Васильевичъ? Федя, отвори!“

ЯВЛЕНИЕ II.

Федя и Маша.

Федя (встаетъ, отпираетъ дверь). Вотъ спасибо, что пришла. Скучно, ужасно скучно.

Маша. Что же къ намъ не пришелъ? Опять пьешь. Охъ, ты! А обѣщаешь.

Федя. Ты знаешь что: денегъ нѣтъ.

Маша. И зачѣмъ я тебя полюбила!

Федя. Маша!

Маша. Что Маша, Маша. Если бы любилъ, давно бы развелся. И тамъ тебя просили. И говоришь, что не любишь. А держишься за нее. Не хочешь видно... 1)

Федя. Вѣдь ты знаешь, отчего не хочу.

Маша. Нустики все. Правду говорятъ, что пустой ты человѣкъ.

Федя. Что же мнѣ тебѣ говорить? Сказать, что мнѣ больно то, что ты говоришь, такъ, ты это сама знаешь.

Маша. Ничего тебѣ не больно...

Федя. Сама знаешь, что мнѣ одна радость въ жизни—твоя любовь.

Маша. Моя-то моя. А твоей-то нѣтъ.

Федя. Ну, я увѣрить не стану. Да и не зачѣмъ: ты сама знаешь.

Маша. Федя, за что ты меня мучишь?

1) Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Совершенно ясно, что «Протасовъ» любить свою жену. (Читай мои статьи).

Федя. Кто-кого...

Мама (плачетъ). Педобрый ты.

Федя. (подходитъ и обнимаетъ ее). Мама! О чемъ ты? Перестань. Жить надо, а не хныкать. Тебѣ-то уже не пристало. Красавица ты моя!

Мама. Любишь?

Федя. Кого же мнѣ любить?

Мама. Только меня? Ну читай, что ты написалъ.

Федя. Да тебѣ скучно будетъ.

Мама. Коли ужъ ты написалъ, такъ хорошо будетъ.

Федя. Ну, слушай (читаетъ). „Поздней осенью мы стоворились съ товарищемъ съѣхаться у Мурыгиной площадки. Площадка эта былъ крѣпкій островъ съ сильными выводами. Былъ темный, теплый, тихій день. Туманъ“...

ЯВЛЕНІЕ III.

Федя и Мама. Въ дверь входитъ старый цыганъ, Иванъ Макаровичъ и старая цыганка, Настасья Ивановна, родители Мани.

Наст. Иван. (подступая къ дочери). Тутъ, проклятая овца бѣлая! Барину почтенье. (Къ дочери). Что же ты съ нами дѣлаешь? А?

Ив. Макар. (Къ Федѣ). Нехорошо, баринъ, дѣлаешь. Дѣвку губишь. Охъ, нехорошо. Поганю дѣлаешь.

Наст. Иван. Надѣвай платокъ, марши сейчасъ! Вишь убѣжала! Что я хочу скажу? Путаешься съ голыномъ. Что съ него взять?

Мама. Не путаюсь я. А люблю барина, и больше ничего. Я хортъ не бросаю, пѣть буду, а что...

Ив. Макар. Поговори еще, я тебѣ косу-то повыдеру. Шкура! Кто такъ дѣлалъ? Ни отецъ, ни мать, ни тетка. Скверно, баринъ. Мы тебя любили, сколько тебѣ задаромъ пѣли, тебя жалѣли. А ты что сдѣлалъ!

Наст. Иван. Погубить ни за что дочку, кровную, единственную, ненаглядную, брилльянтовую, неоцѣненную, въ навозъ втонталъ, вотъ, что сдѣлалъ. Бога въ тебѣ пѣтъ!

Федя. Ты, Настасья Ивановна, напрасно на меня думаешь. Твоя дочь мнѣ какъ сестра. Я ея честь берегу. И ты не думай. А люблю ее... Что же дѣлать?

Ив. Макар. Да вотъ не любить, когда у васъ деньги были. Записать бы тогда въ хортъ тысячь десять, и взять бы честь-честью. А теперь промотать, крадучи увести. Стыдно, баринъ. Стыдно!

Мама. Онъ не уводилъ, я сама къ нему пришла. И теперь уведете, опять приду. Люблю его, и все. Крѣпче всѣхъ вашихъ замковъ моя любовь... Не хочу!

Наст. Иван. Ну Машенька, сердечная, не бурчи. Нехорошо сдѣлала, ну и пойдемъ.

Ив. Макар. Ну, будетъ разговаривать. Маршъ! (Беретъ за руку). Простите, баринъ. (Всѣ трое уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Федя. Входить князь Абрезковъ.

Кн. Абр. Простите меня. Я невольно былъ свидѣтелемъ неприятной сцены...

Федя. Съ кѣмъ имѣю честь?.. (узнаетъ). Ахъ князь Сергѣй Дмитріевичъ (здоровается).

Кн. Абр. ...невольнымъ свидѣтелемъ неприятной сцены. Я бы желать не слыхать. Но, услышавъ, считаю долгомъ сказать, что слышать. Меня направили сюда, и у двери я долженъ былъ дожидаться выхода этихъ господъ. Тѣмъ болѣе, что мои постукиванія въ дверь были слышны за голосами очень громкими.

Федя. Да, да. Прошу покорно. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ сказали это. Это дастъ мнѣ право объяснить вамъ эту сцену. То, что вы подумаете обо мнѣ, мнѣ все равно. Но мнѣ хочется сказать вамъ, что упреки, которые вы слышали этой дѣвушкѣ,—цыганкѣ, пѣвицѣ—несправедливы. Эта дѣвушка такъ же нравственно чиста, какъ голубь. И мои отношенія съ ней дружескія. Если, можетъ быть, на нихъ есть отбѣнокъ поэтичности, то это все-таки не уничтожаетъ чистоты—чести этой дѣвушки. Вотъ это мнѣ хотѣлось вамъ сказать. Такъ что вамъ отъ меня угодно? Чѣмъ могу вамъ служить?

Кн. Абр. Я, во-первыхъ...

Федя. Простите меня, князь. Я сталъ въ такое положеніе въ обществѣ, что мое малое и давнишнее знакомство съ вами не дастъ мнѣ права на ваше посѣщеніе, если у васъ нѣтъ до меня дѣла,—въ чемъ оно?

Кн. Абр. Не буду отрицать, вы угадали. У меня есть дѣло. Но все-таки прошу васъ вѣрить, что измѣненіе вашего положенія никакъ не можетъ вліять на мое отношеніе къ вамъ.

Федя. Совершенно увѣренъ.

Кн. Абр. Дѣло мое въ томъ, что сынъ моего стараго друга, Анны Дмитріевны Карешиной, и она сама просили меня прямо непосредственно отъ васъ узнать о вашихъ отношеніяхъ... Вы мнѣ позволите говорить?—о вашихъ отношеніяхъ къ вашей женѣ, Елизаветѣ Андреевнѣ Протасовой.

Федя. Мои отношенія съ моею женой, могу сказать: съ моею бывшею женой—совершенно прекращены.

Кн. Абр. Я такъ и понималъ. И потому только взять на себя эту трудную миссію.

Федя. Прекращены, снѣшу заявить, не по ей, а по моей, или скорѣе по моимъ безконечнымъ винамъ. Она же, какъ была, такъ и осталась самой безупречной женщиной.

Кн. Абр. Такъ вотъ, Викторъ Каренинъ, въ особенности его мать, просили меня узнать у васъ о вашихъ намѣреніяхъ.

Федя (горячась). Какія намѣренія? — Никакихъ. Я предоставляю ей полную свободу. Мало того, никогда не нарушу ея спокойствія. Я знаю, что она любить Викторъ Каренина. И пускай. Я считаю его очень скучнымъ, но очень хорошимъ, честнымъ человѣкомъ, и я думаю, что она будетъ съ нимъ (какъ это говорится обыкновенно) счастлива. И... que le bon Dieu les bénisse! Вотъ и все...

Князь Абрез. Да, но мы бы...

Федя (перебиваясь). И не думайте, чтобы было малѣйшее чувство ревности. Если я скажу про Викторъ, что онъ скучный, то я беру это слово назадъ. Онъ прекрасный, честный, нравственный человѣкъ, почти что противоположность мнѣ. И онъ любить ее съ дѣтства. Можетъ быть и она его любила, когда вышла за меня. Это бываетъ. Самая лучшая любовь бываетъ такая, про которую не знаешь. Она, я думаю, всегда любила. Но, какъ честная женщина, даже себя не признавалась въ этомъ. Но это... какая то тѣнь лежала на нашей семейной жизни... впрочемъ, что я дѣлаю вамъ признаніе? ¹⁾

Князь Абрез. Пожалуйста, дѣлайте. Вѣрите, что для меня важнѣе всего въ моемъ приходѣ къ вамъ—мое желаніе понять воистинѣ эти отношенія. И понимаю васъ. Понимаю, что эта тѣнь, какъ вы прекрасно выразились, могла быть...

Федя. Да и была, и, можетъ быть, отъ этого я не могъ удовольствоваться той семейной жизнью, которую она мнѣ давала, и чего-то искалъ и увлекался. Да впрочемъ, я какъ будто оправдываюсь. Я не хочу, да мнѣ и нельзя оправдываться. Я былъ, смѣло говорю былъ, дурной мужъ, былъ, потому что теперь я въ сознаніи своемъ давно не мужъ. И считаю ее совершенно свободной ²⁾. Стало быть, вотъ вамъ и отвѣтъ на вашу миссію.

Князь Абрез. Да, но вы знаете семью Викторъ и его самого. Его отношенія къ Елизаветѣ Андреевнѣ все время были и остаются самими почтительными и далекими. Онъ помогалъ ей, когда ей было трудно.

Федя. Да, я своимъ распутствомъ помогалъ ихъ сближенію. Что же дѣлать? такъ должно было быть.

Князь Абрез. Вы знаете его и его семьи строгія православныя убѣжденія. Я не раздѣляю ихъ. Я шире смотрю на вещи. Но уважаю ихъ и понимаю. Понимаю, что для него, и въ особенности для матери, немислимо сближеніе съ женщиной безъ церковнаго брака.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Это та «изюминька», которой не хватало въ жизни «Протасова и Лизы»; это то недоразумѣніе на которую указываютъ мои статьи. И вотъ «Протасовъ»--читай дальше--и мучается этой своей безнѣтной жизнью--которую этотъ Идеальность ведетъ «съ горю!»

²⁾ Читай мои статьи.

Федя. Да, я знаю его туп... прямолинейность, консерватизмъ въ этомъ отношеніи. Но что-же имъ нужно? Разводъ? Я давно сказать имъ, что готовъ дать, но условія принятія вины на себя, всей лжи, связанной съ этимъ, очень тяжелы ¹⁾.

Князь Абрез. Я понимаю вполне васъ и раздѣляю. Но какъ же быть? Я думаю, можно такъ устроить... Впрочемъ, вы правы. Это ужасно, и я понимаю васъ.

Федя. (Жметъ руку). Благодарствуйте, милый князь. Я всегда зналъ васъ за честнаго, добраго человѣка. Ну, скажите, какъ мнѣ быть? Что мнѣ дѣлать? Войдите во все мое положеніе. Я не стараюсь сдѣлаться лучше. Я негодий. Но есть вещи, которыя я не могу спокойно дѣлать. Не могу спокойно лгать.

Князь Абрез. Я васъ тоже не понимаю. Вы способный, умный человѣкъ, съ такою чуткостью къ добру, ²⁾—какъ это вы можете увлекаться, можете забывать то, что сами отъ себя требуете? Какъ вы дошли до этого, какъ вы погубили свою жизнь?

Федя. (Пересиливаетъ слезы волненія). Вотъ ужъ 10 лѣтъ я живу своей безнужной жизнью. И въ первый разъ такой человѣкъ, какъ вы, пожалѣлъ меня ³⁾. Меня жалѣли товарищи, кутилы, женщины; но разумный, добрый человѣкъ, какъ вы... Спасибо вамъ. Какъ я дошелъ до своей гибели? Во-первыхъ вино. Вино вѣдь не то, что вкусно, а что я ни дѣлаю, я всегда чувствую, что не то, что надо, и мнѣ стыдно. Я сейчасъ говорю съ вами, и мнѣ стыдно. А уже быть предводителемъ, сидѣть въ банкѣ—такъ стыдно, такъ стыдно ⁴⁾... И только, когда выпьешь, перестанетъ быть стыдно ⁵⁾. А музыка—не оперы и Бетховень, а цыгане... Это такая жизнь, энергія вливается въ тебя! А тутъ еще милые черные глаза и улыбка. И чѣмъ это увлекательнѣе, тѣмъ постѣ еще стыднѣе.

Князь Абрез. Ну, а трудъ?

Федя. Пробовалъ. Все плохо. Всѣмъ я недоволенъ. Ну, да что о себѣ говорить! Спасибо вамъ.

Князь Абрез. Такъ что же мнѣ сказать?

Федя. Скажите, что сдѣлаю то, что они хотятъ. Вѣдь они хотятъ жениться,—чтобы ничего не мѣшало имъ жениться?

Князь Абрез. Разумѣется.

Федя. Сдѣлаю, скажите, что навѣрное сдѣлаю.

¹⁾ Примѣчанія барона К. В. Каульбарса. Читай мои статьи: (о чѣстности островитянъ, идеалистовъ).

²⁾ Идеалистъ.

³⁾ Все это творится идеалистомъ Протасовымъ «съ горю».

⁴⁾ Понимай: заниматься пустотами, или: коректнымъ грабежомъ.

⁵⁾ «Идеалистъ» топилъ свое горе «изъ за любимой имъ жены» и изъ за своего несчастнаго положенія—въ пѣсняхъ и: въ винѣ; (читай мои статьи).

Князь Абрез. Когда же?

Федя. Пойдите. Ну, скажемъ, двѣ недѣли. Довольно?

Князь Абрез. (вставая). Такъ и могу сказать?

Федя. Можете. Прощайте, князь, еще разъ благодарю васъ. (Кн. Абрез. уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Федя одинъ.

Федя (сидитъ долго, молча улыбается). Хорошо, очень хорошо. Такъ и надо, такъ и надо, такъ и надо. Чудесно!

Зававѣсь.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Картина 1-я.

Въ трактирѣ. Отдѣльный кабинетъ. Половой вводитъ Федю и Ивана Петровича Александра.

ЯВЛЕНІЕ I.

Федя, Иванъ Петровичъ и половой.

Половой. Сюда пожалуйста. Здѣсь никто не обезпокоитъ; а бумагу сейчасъ подамъ.

Ив. Петр. Протасовъ! я войду.

Федя (серьезный). Пожалуй, войди, но я занятъ и... Хочешь войди.

Ив. Петр. Ты хочешь отвѣтить на ихъ требованія? Я тебѣ скажу, какъ. Я бы не сталъ такъ. Я всегда говорю прямо и дѣйствую рѣшительно.

Федя (половому). Бутылку шампанскаго. (Половой уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Федя и Иванъ Петровичъ. (Федя вынимаетъ револьверъ и кладетъ).

Федя. Подожди немножко.

Ив. Петр. Что жъ? Что ты застрѣлиться хочешь? Можно, можно. Я тебя понимаю. Они хотятъ тебя унижить, а ты имъ покажешь, кто ты. Себя убьешь револьверомъ, а ихъ великодушіемъ. Я понимаю тебя. Я все понимаю, потому что я тебѣ ¹⁾.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. На личность Ивана Петровича артисты недостаточно обратили свое вниманіе. Это отнюдь не отрицательный типъ, или смѣшной. Въ этомъ «Иванъ Петровичъ» Толстой изображаетъ какъ-бы «русскихъ Геніевъ», «русскихъ Правдистовъ»: пропадающихъ, естественно раздраженныхъ, вѣчно остающихся въ загонѣ, въ шипетѣ, замалчиваемыхъ! Онъ же и даетъ «Идеалисту-Правдисту русскому» револьверъ въ судѣ! «Застрѣлись!»—другого выхода Правдисту и служителю Христіанства и присяги — на свѣтъ нѣтъ! Вырожденные, столѣтіями бюрократизма, и «Логикой Лжи» мозги Тебя и не поймутъ!

Федя. Ну да, ну да. Только... (входитъ половой съ бумагой и чернильницей).

ЯВЛЕНИЕ III.

Федя. Иванъ Петровичъ и половой.

Федя. (Прикрываетъ револьверъ салфеткой). Откупори. Давай вынешь. (Пишутъ). (Федя пишетъ). Погоди немного.

Ив. Петр. За твое... большое путешествіе. Я вѣдь стою выше этого. Я не стану удерживать тебя. И жизнь и смерть для генія безразличны. Я умираю въ жизни и живу въ смерти. Ты убьешь себя, чтобы они, два человека, жалѣли тебя.* А я—я убью себя затѣмъ, чтобы весь міръ понялъ, что онъ потерялъ ¹⁾. Я и не стану колебаться, думать. Взять (хватаетъ револьверъ), разъ—и готово. Но еще рано (кладетъ револьверъ). И мигъ писать нечего, они сами должны понять ²⁾... Ахъ вы...

Федя. (Пишетъ). Немножко подожди.

Ив. Петр... жалкіе люди! Копошатся, хлопочутъ. И не понимаютъ.—ничего не понимаютъ. Я не тебѣ. Я такъ, высказываю свои мысли. А что нужно для человѣчества? Очень мало: цѣнить своихъ геніевъ. А они всегда казнили ихъ, гнали, мучили... Пѣтъ!—я не буду вашей игрушкой! Я выведу васъ на чистую воду! Н-ѣ-ѣ-тъ. Лицемеры!

Федя. (Кончилъ писать, вышиваетъ и читаетъ). Уйди, пожалуйста.

Ив. Петр. Уйти? Ну, прощай. Я не стану удерживать тебя. Я то же сдѣлаю. Но еще рано. Я только хочу сказать тебѣ...

Федя. Хорошо. Ты скажешь, но послѣ, а теперь вотъ что, дружокъ: пожалуйста, отдай вотъ это хозяину (подаетъ ему деньги) и спроси на мое имя письмо и посылку. Пожалуйста.

Ив. Петр. Хорошо. Такъ ты меня подождешь? Я еще важное скажу тебѣ. Такое, чего ты не услышишь не только на этомъ свѣтѣ, но и въ будущемъ, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не приду туда ³⁾. Такъ все отдать?

Федя. Сколько нужно. (Ив. Петр. уходитъ).

¹⁾ Примѣчаніе барона Каульбарса. Эта судьба «русскаго генія» или «Правдивости», которые должны умереть, чтобы быть признанными, какъ слѣдуетъ; понимай: 1) когда они уже больше не опасны и 2) когда можно выгодно торговать ихъ идеями и трудами!

²⁾ Саморазвитіе помощью «самодудумыванія». (Читай мои статьи объ «Истинномъ Божественномъ Однозаконіи» и «морскія статьи»).

³⁾ Эта странная на первый видъ фраза имѣетъ повидимому особый смыслъ: бичеваніе какихъ-то нашихъ экстраординарныхъ не порядковъ—ибо изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Ивана Петровича въ судѣ, гдѣ онъ приноситъ Протасову револьверъ, видно, что это вовсе не тотъ смѣшной типъ, какимъ его на сценѣ неправильно изображаютъ, а идейный, честный, человѣкъ, понимающій положеніе Идеалистовъ, честныхъ лицъ, какъ и абсурды човѣческой Лже-Науки и ея Многозаконія!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Федя одинъ.

Федя (вздыхаетъ облегченно, запираетъ за Ив. Петр. дверь, беретъ револьверъ, взводитъ, прикладываетъ къ виску, вздрагиваетъ и осторожно опускаетъ. Мычитъ).

Федя. Нѣтъ, не могу, не могу, не могу! (Стучать въ дверь). Кто тамъ? (Изъ-за двери голосъ Маши: Я).

Федя. Кто я? Ахъ, Маша... (отворяетъ дверь).

ЯВЛЕНИЕ V.

Федя и Маша.

Маша. Была у тебя, у Попова, у Афремова и догадалась, что здѣсь. (Видитъ револьверъ). Вотъ хорошо-то! Вотъ дуракъ! Право дуракъ! Да неужели ты въ самомъ дѣлѣ?

Федя. Нѣтъ, не могу.

Маша. А меня-то нѣтъ развѣ? Безбожникъ! Меня-то не пожалѣть?

Ахъ, Федоръ Васильевичъ грѣхъ, грѣхъ! За мою любовь...

Федя. Хотѣлъ ихъ отпустить, обѣщать. А лгать не могу¹⁾.

Маша. А я-то?

Федя. Чтѣ-ты? И тебя бы развязать. Развѣ тебѣ лучше со мной мучиться?

Маша. Стало быть лучше. Не могу я безъ тебя жить.

Федя. Какая со мной жизнь? Плакала бы, да и прожила бы.

Маша. И совѣмъ не плакала бы! Чертъ съ тобой! коли ты меня не жалѣешь. (Плачетъ).

Федя. Маша! дружокъ. Вѣдь я хотѣлъ лучше сдѣлать.

Маша. Себѣ лучше.

Федя (улыбаясь). Да какъ же себѣ лучше, коли бы я себя убилъ?

Маша. Разумѣется, лучше. Да что тебѣ нужно? Ты скажи.

Федя. Какъ что нужно? Много нужно.

Маша. Ну что? что?

Федя. Нужно, во-первыхъ, сдержать обѣщаніе. Это первое, и этого довольно. Лгать и дѣлать всѣ эти гадости, что нужно для развода не могу.

Маша. Положимъ, что гадко. Я сама...

Федя. Потому нужно точно ихъ освободить, и жену, и его. Что же, они хорошіе люди. Зачѣмъ имъ мучиться? Это два.

Маша. Ну ужъ хорошаго въ ней мало, коли она тебя бросила.

Федя. Не она бросила,—я бросилъ.

Маша. Ну, хорошо, хорошо. Все ты. Она ангелъ. Еще что жъ?

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Единственный на свѣтѣ Грѣхъ—т. е. Фальшь Души!

Федя. А еще то, что ты—хорошая, милая дѣвочка,—люблю тебя, и коли остануся жить, то полюблю тебя.

Маша. Это ужь не твое дѣло. Я сама про себя знаю, гдѣ погибну.

Федя (вздыхаетъ). А главное, главное... Что моя жизнь? Развѣ я не вижу, что я пропащій, не роюсь никуда. Вѣдь и себѣ въ типость, какъ говорилъ твой отецъ. Пегодящій я...

Маша. Вотъ вздоръ! Я отъ тебя не отделилась. Прилѣпилась я, да и все! А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь... А ты живой человекъ! Брось! Вотъ и все.

Федя. Легко сказать.

Маша. И сдѣлай такъ.

Федя. Да вотъ, какъ смотрю на тебя, такъ, кажется, все сдѣлаю.

Маша. И сдѣлаешь. Все сдѣлаешь. (Видитъ письмо). Это что же? Ты ишь писалъ? Что же писать?

Федя. Что писалъ?... (беретъ письмо и хочетъ разорвать). Теперь уже не нужно.

Маша (вырываетъ письмо). Писалъ, что убить себя? Да? Не писалъ про пистолетъ? Писалъ, что убить?

Федя. Да, что меня не будетъ.

Маша. Давай, давай, давай! Читалъ ты „Что дѣлать?“

Федя. Читалъ, кажется.

Маша. Скучный это романъ, а одно очень, очень хорошо. Онь, этотъ, какъ его? Рахмановъ... взялъ, да и сдѣлалъ видъ, что онъ утопился. И ты вотъ... Не умѣешь плавать?

Федя. Нѣтъ.

Маша. Ну вотъ. Давай сюда свое платье. Все, и бумажникъ.

Федя. Да какъ же?

Маша. Стой, стой, стой! Поѣдемъ домой. Тамъ переодѣнешься.

Федя. Да вѣдь это обманъ!).

Маша. И прекрасно! Пошелъ купаться, платье осталось на берегу. Въ карманѣ бумажникъ и это письмо.

Федя. Ну, а потомъ?

Маша. А потомъ? Потомъ уѣдемъ и будемъ жить во славу.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Федя, Маша. Входитъ Иванъ Петровичъ.

Ив. Петр. Вотъ-те я! А револьверъ? Я себѣ возьму.

Маша. Бери, бери, а мы ѣдемъ.

Занавѣсъ.

1) Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Опять-таки ничто иное какъ: Ложь вынужденная человѣческимъ Многозаконіемъ, Логикой Лже-Науки и ея Формализмовъ! Но при этомъ душа «Идеалиста Протасова» остается чистой—безъ Жи—и поэтому тутъ ни грѣха, ни преступленія, нѣтъ!

Картина 2-ая.

Гостиная у Протасовой.

ЯВЛЕНИЕ I.

Каренинъ, Лиза.

Каренинъ. Онъ такъ опредѣленно обѣщать, что я увѣренъ, что онъ исполнитъ обѣщаніе.

Лиза. Мнѣ совѣстно, но я должна сказать, что то, что я узнала про эту цыганку, совсѣмъ освободило меня. Не думай, чтобы это была ревность. Это не ревность, а знаешь,—освобожденіе. Ну какъ вамъ сказать?..

Карен. Опять вамъ.

Лиза (улыбаясь). Тебѣ. Да не мѣшайте, не мѣнай мнѣ сказать, что я чувствую. Главное, что, мучило меня, это-то, что я чувствовала, что люблю двухъ ¹⁾. А это значить, что я безправственная женщина.

Карен. Ты безправственная женщина?!

Лиза. Но съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что у него есть другая женщина, что я, стало быть, не пужна ему, я освободилась и почувствовала, что я могу, не солгавъ, сказать, что люблю васъ—тебя ²⁾. Теперь въ душѣ у меня ясно, и меня мучаетъ только мое положеніе. Этотъ разводъ. Это все такъ мучительно. Это ожиданіе.

Карен. Сейчасъ, сейчасъ рѣшится. Кромѣ того, что онъ обѣщаетъ, я просить секретаря сѣздать къ нему съ прощеніемъ и не уѣзжать, пока онъ не подпишетъ. Если бы я не зналъ его, какъ знаю, я подумалъ бы, что онъ нарочно дѣлаетъ это.

Лиза. Онъ? Нѣтъ, это все та же его и слабость и честность. Не хочеть говорить неправду. А только напрасно послать ему деньги.

Карен. Нельзя же. Это могло быть причиной остановки.

Лиза. Нѣтъ, деньги что-то нехорошее.

Карен. Ну, ему бы уже можно было быть менѣе pointilleux...

Лиза. Какіе мы дѣлаемся эгоисты!

Карен. Да, каюсь. Ты сама виновата. Послеъ этого ожиданія, этой безнадёжности, я теперь такъ счастливъ. А счастье дѣлаетъ эгоистомъ. Ты виновата.

Лиза. Ты думаешь, что ты одинъ. Я тоже. Я чувствую, что вся полна, купаюсь въ своемъ счастіи. Все: и Мика поправился, и твоя мать меня любить, и ты, и, главное, я, я, люблю!

¹⁾ Примѣчаніе барона Каульбарса. «Лиза» любить «Протасова»,—а «Каренина» любить «другомъ». Она ошибается, но дума ея, какъ видно, чиста! Преступленія, грѣха. тутъ значить нѣтъ!

²⁾ Дальше выяснится ясно, что «Лиза», оскорбленная въ своемъ чувствѣ любви къ «Протасову», невольно себя обманывала! Невольно, она и впадаетъ въ Правду, т. е. въ «вѣру», вмѣсто «тебѣ».

Карен. Да? безъ раскаянія? безъ возврата?

Лиза. Съ того дня все вдругъ переѣнилось во мнѣ.

Карен. И не можетъ вернуться?

Лиза. Никогда. Я только одного желаю, чтобы въ тебѣ это было такъ же совѣтъ кончено, какъ во мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Каренинъ, Лиза и няня съ ребенкомъ.

(Выходятъ няня съ мальчикомъ. Мальчикъ идетъ къ матери. Она беретъ его на колѣни).

Карен. Какіе мы несчастные люди.

Лиза. А что? (Цѣлуетъ ребенка).

Карен. Когда ты вышла замужъ и, вернувшись изъ-за границы, [я] узнать это и почувствовать, что потерять тебя, я былъ несчастливъ, и мнѣ было радостно узнать, что ты помнила меня. Мнѣ этого было довольно. Потомъ, когда установились наши дружескія отношенія, и я чувствовалъ, что ты ласкова ко мнѣ, что есть въ нашей дружбѣ маленькая искра чего-то большаго, чѣмъ дружба, я былъ ужъ почти счастливъ. Меня мучилъ только страхъ за то, что я нечестенъ относительно Феди. Но, впрочемъ, у меня всегда было такое твердое сознаніе невозможности другихъ отношеній, кромѣ самой чистой дружбы, къ женѣ моего друга, — да и тебя я зналъ, — такъ что это не мучило меня, и я былъ доволенъ. Потомъ, когда Федя сталъ мучить тебя, и я чувствовалъ, что я поддержка тебѣ, и что ты боишься моей дружбы, я былъ уже совѣтъ счастливъ, и у меня начиналась какая-то неопредѣленная надежда. Потомъ... когда онъ ужъ сталъ невозможенъ, ты рѣшила оставить его, и я въ первый разъ сказалъ все, и ты не сказала: нѣтъ, но въ слезахъ ушла отъ меня, я былъ уже вполне счастливъ. А если бы у меня спросили, чего я еще хочу, я бы сказалъ: ничего. Но потомъ явилась возможность соединить съ тобою жизнь; шатап полюбила тебя, возможность эта стала осуществляться; ты сказала мнѣ, что любила и любишь меня, потомъ сказала мнѣ, какъ теперь, что его нѣтъ для тебя, что ты любишь меня одного, — чего бы, казалось, мнѣ желать? Но нѣтъ, теперь, теперь я мучаюсь прошеднимъ, хотѣлось бы, чтобы не было этого прошедшаго, не было того, что напоминаетъ о немъ ¹⁾).

Лиза (съ упрекомъ). Викторъ!

Карен. Лиза, ты прости меня. То, что я говорю, я говорю потому, что не хочу, чтобы во мнѣ была мысль о тебѣ и отъ тебя скрытая. Все это я

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Читай ~~они~~ статьи о чувствахъ «Каренина» и о переломѣ въ чувствахъ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ, — о талантливости Толстого, краткими штрихами рисующаго типы и душевное состояніе дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ.

сказать нарочно затѣмъ, чтобы показать, какъ я дурень, и какъ я знаю, что идти дальше некуда, что я долженъ бороться съ собой и побороть себя. И я побороть. Я люблю его.

Лиза. Такъ и надо. Я сдѣлала все, что могла. Не я, а въ моемъ сердцѣ сдѣлалось все, чего ты могъ желать: изъ него все исчезло, кромѣ тебя.

Карен. Все?

Лиза. Все, все! Я бы не стала говорить.

ЯВЛЕНИЕ III.

Каренинъ, Лиза, няня съ мальчикомъ и лакей.

Лакей. Господинъ Вознесенскій.

Карен. Это онъ, отъ Федя съ отвѣтомъ.

Лиза (Каренину). Зовите сюда.

Карен. (встаетъ и идетъ къ двери). Ну вотъ и отвѣтъ.

Лиза (отдаетъ ребенка нянѣ). [Няня уходитъ]. Неужели все рѣшится, Викторъ? (Цѣлуетъ его).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Каренинъ, Лиза и Вознесенскій (входитъ).

Кар. Ну что?

Возн. Ихъ нѣтъ.

Кар. Какъ нѣтъ? И не подписалъ прошенія?

Возн. Прошеніе не подписано, а оставлено письмо вамъ и Елизаветѣ Андреевнѣ (подастъ изъ кармана письмо). Я пріѣхалъ на квартиру. Мнѣ сказали, что въ ресторанѣ. Я пошелъ. Тогда Федоръ Васильевичъ сказалъ, чтобы я пришелъ черезъ часъ, и найду отвѣтъ. Я пришелъ, и вотъ...

Кар. Неужели опять откладываніе, отговорки?! Нѣтъ, это прямо пехорошо. Какъ онъ уналь!

Лиза. Да прочти, что!

Кар. (открываетъ письмо).

Возн. Я не нуженъ вамъ?

Кар. Да, нѣтъ, прощайте. Благодарю... (останавливается, удивленно читая. Вознесенскій уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Каренинъ и Лиза.

Лиза. Что, что?

Кар. Это ужасно!

Лиза (хватаетъ письмо). Читай!

Кар. (читаетъ). „Лиза и Викторъ, обращаюсь къ вамъ обоимъ. Не буду

лгать, называя васъ милыми или дорогими. Не могу совладать съ чувствомъ горечи и упрёка, — упрёка себѣ, но все-таки мучительнаго, когда думаю о васъ, о вашей любви, о вашемъ счастіи. Все знаю. Знаю, что, несмотря на то, что я мужъ, я рядомъ случайностей помѣнялъ вамъ. *C'est moi, qui suis l'intrus*. Но все-таки не могу удержаться отъ чувства горечи и холодности къ вамъ. Теоретически люблю васъ обоихъ, особенно Лизу, Лизаньку ¹⁾, но въ дѣйствительности — больше, чѣмъ холодею. Знаю, что я неправъ, и не могу измѣниться”.

Лиза. Какъ это онъ...

Кар. (продолжая читать). „По къ дѣлу! Это самое раздваивающее меня чувство и заставляетъ меня иначе, чѣмъ какъ вы хотѣли, исполнить ваше желаніе. Лгать, играть гнусную комедію, давая взятки въ конспеторію, и вся эта гадость невыносима, противна мнѣ ²⁾. Какъ я ни гадою, но гадою въ другомъ, родѣ. ³⁾ а въ этой гадости не могу принять участіе, просто не могу. Другой выходъ, къ которому я прихожу,—самый простой: вамъ надо жениться, чтобы быть счастливыми, я мѣшаю этому, слѣдовательно, я долженъ уничтожиться...”

Лиза (хватаетъ за руку Каренина). Викторъ!

Кар. (читаетъ)... долженъ уничтожиться. Я и уничтожаюсь. Когда вы получите это письмо, меня не будетъ.

Р. S. Очень жаль, что вы прислали мнѣ деньги на веденіе дѣла развода. Это непріятно и непохоже на васъ. Ну, что же дѣлать? Я столько разъ ошибался: можно и вамъ разъ ошибиться. Деньги возвращаются. Мой исходъ короче, дешевле и вѣрнѣе. Объ одномъ прошу: не сердитесь на меня и добромъ поминайте меня. А еще: тутъ есть часовщикъ, Евгенъевъ, не можете-ли вы помочь ему и устроить его? Онъ слабій, но хорошій. Прощайте. Федя”.

Лиза. Онъ убилъ себя! Да...

Кар. (звонитъ, бѣжитъ въ переднюю). Верните господина Вознесенскаго!

Лиза. Я знала, я знала! Федя, милый Федя!

Кар. Лиза!

Лиза. Неправда неправда, что я не любила, не люблю его! Люблю его одного! люблю! И его я погубила! Оставь меня ⁴⁾ (Входитъ Вознесенскій).

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Тутъ «Протасовъ» — передъ смертью — хотя и проговариваясь — ясно показываетъ: что любить «Лизу»! (Читай «Лучъ Свѣта»).

²⁾ Идеалистъ до конца.

³⁾ Идеалистъ. «Онъ ослѣпляетъ» вѣшной — неудачной — стороной своей жизни. Но вѣшная форма, рамка — это опять такъ Ложь! Въ остальномъ, дѣйствіи Протасова это результатъ уже выясненнаго мною въ моихъ статьяхъ, недоразумѣнія!

⁴⁾ Какъ я раньше уже указалъ, душа «Лизы» чиста! Она обманывалась вѣшной стороной жизни Протасова, невѣрными слухами о томъ, что онъ живетъ съ «Машей». А любить и любила она всегда «Протасова»!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Каренинъ. Лиза и Вознесенскій.

Кар. Гдѣ-же Федоръ Васильевичъ? Что вамъ сказали?

Возн. Сказали, что они вышли поутру, оставили это письмо и больше не возвращались.

Кар. Это надо узнать. Лиза, я оставляю тебя.

Лиза. Прости меня, но я тоже не могу лгать. Оставь меня теперь.¹⁾
Иди, узнавай...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Картина 1-я.

Грязная комната трактира. Столъ съ плетенымъ чай и водку. На первомъ планѣ столикъ, у котораго сидѣтъ опустившійся, оборванный Федя и съ нимъ Пѣтушковъ, внимательный, нѣжный человѣкъ, съ длинными волосами, духовнаго вида. Оба слегка выпивши.

ЯВЛЕНИЕ I.

Федя и Пѣтушковъ.

Пѣт. Я понимаю, понимаю. Вотъ это настоящая любовь. Ну и что жъ?

Федя. Да, знаете, если бы эти чувства проявились у дѣвушки нашего круга, чтобы она пожертвовала всѣмъ для любимаго человѣка... а тутъ цыганка, вся воспитанная на корысти, и эта чистая самоотверженная любовь! Отдастъ все, а сама ничего не требуетъ. Особенно этотъ контрастъ.

Пѣт. Да, это у насъ въ живонисі валѣръ называется. Только тогда можно сдѣлать вполнѣ ярко красный, когда кругомъ зеленый Ну, да не въ томъ дѣло! Я понимаю, понимаю...

Федя. Да, и это, кажется, одинъ добрый поступокъ у меня за душой то, что я не воспользовался ея любовью. А знаете отчего?

Пѣт. Жалость.

Федя. Охъ, пѣтъ. У меня къ ней жалости не было. У меня передъ ней всегда былъ восторгъ, и когда она пѣла,—ахъ, какъ пѣла! Да и теперь, пожалуй, поеть,—и всегда я на нее смотрѣлъ снизу вверхъ. Не погубить я ее просто потому, что любить. Истинно любить. И теперь это—хорошее, хорошее воспоминаніе. (Пѣть).

Пѣт. Вотъ, понимаю, понимаю. Идеально.

Федя. Я вамъ что скажу: были у меня увлеченія. И одинъ разъ я былъ влюбленъ, такая была дама—красивая,—и я былъ влюбленъ, скверно,

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Чистая «Лиза» любить «Протасова»!

по-собачьи, и она мнѣ дала rendez-vous. И я пропустилъ его потому, что считъ, что подлю передъ мужемъ ¹⁾. И до сихъ поръ, удивительно: когда вспоминаю то хочу радоваться и хвалить себя за то, что поступилъ честно, а... расквашаюсь, какъ въ грѣхѣ. А тутъ съ Маней—напротивъ.—Всегда радуюсь, радуюсь, что ничѣмъ не осквернилъ это свое чувство... Могу падать еще, весь упасть, все съ себя продамъ, весь во винахъ буду, въ коростѣ, а этотъ брильянтъ, не брильянтъ, а лучъ солнца, да,—во мнѣ, со мной ²⁾.

Нѣтъ. Понимаю, понимаю. Гдѣ же она теперь?

Федя. Не знаю. И не хотѣлъ бы знать. Это все было изъ другой жизни. И не хочу мѣшать съ этой.

(За столомъ сзади слышнень крикъ женщины. Хозяинъ проходитъ и городовой,—уводитъ. Федя и Нѣтушковъ глядятъ, слушаютъ и молчатъ).

Нѣтъ. (послѣ того, какъ тамъ затихло). Да, ваша жизнь удивительная.

Федя. Нѣтъ, самая простая. Вѣмъ вѣдь намъ въ нашемъ кругу, въ томъ, въ которомъ я родился,—три выбора,—только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость въ которой живешь ³⁾. Это мнѣ было противно, можетъ быть не умѣлъ, но, главное, было противно.—Второй—разрушать эту пакость; для этого надо быть героемъ, а я не герой ⁴⁾. Или третье: забыться—пить, гулять, нѣтъ,—это самое я и дѣлалъ ⁵⁾. И вотъ допился!.. (Шьетъ).

Нѣтъ. Ну, а семейная жизнь? Я былъ бы счастливъ, если бы у меня была жена. Меня жена погубила.

Федя. Семейная жизнь? Да. Моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебѣ сказать? Не было изюминки. Знаешь, въ квасѣ изюминка?—не было игры въ нашей жизни. А мнѣ нужно было забываться. А безъ игры не забудешься. А потомъ, я сталъ дѣлать гадости. А вѣдь ты знаешь: мы любимъ людей за то добро, которое мы имъ сдѣлали, и не лю-

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Идеалистъ до конца! По отношенію къ женѣ (къ недоразумѣнію) къ человѣческимъ порядкамъ, къ Манѣ, которую не увлекаешь, ибо это былъ-бы обманомъ любящей его дѣвушки, такъ какъ Протасовъ любитъ Лизу! И очевидно, что тѣ части пьесы, гдѣ Протасова представляютъ пошлымъ кутилой, сплетни публики, или извращеніе пьесы, или гипнозъ порыва «Непротивленія Злу».

²⁾ Идеалистъ до конца! Естественное положеніе русскихъ идеалистовъ, правдивцевъ, геніевъ! Въ заговѣ—въ нищетѣ!

³⁾ Это тайная цѣль «Римскаго Права», человѣческаго Многозаконоія. Идеалисту Толстому—это противно! Но онъ не знаетъ выхода! Отъ него «Кошка» скрывала «Истинное Божественное Однозаконоіе» (мною указанное) а толкала его дальше, по лже-направленію, нужному «Наукѣ Лжи», т. е.: къ «Непротивленію Злу»!

⁴⁾ Это самообманъ Толстого, ибо онъ подъ гипнозомъ идеи «Непротивленія Злу»! Протасовъ несомнѣнно герой, но всѣ русскіе правдивцы—бездельны!

⁵⁾ Другого выхода Протасову-Идеалисту—нѣтъ.

бимъ за то зло, которое мы имъ дѣлали. А я ей надѣлать зла. Она какъ будто любила меня ¹⁾).

Пѣт. Отчего вы говорите: какъ будто?

Федя. А оттого говорю, что никогда не было въ ней того, чтобъ она въ душу мнѣ влѣзла, какъ Мама. Ну да не про то. Она беременная, кормящая, а я пропаду и вернусь пьяный. Разумѣется, за это самое все меньше и меньше любить ее. Да, да. (Приходить въ восторгъ). Вотъ сейчасъ пришло въ голову: оттого-то я люблю Маню, что я ей добро сдѣлать, а не зло. Оттого люблю. А ту мучилъ; за то... не то, что не люблю... Да нѣтъ, просто не люблю! Ревновать—да, но и то прошло.

ЯВЛЕНИЕ II.

Федя, Пѣтушковъ и Артемьевъ.

Подходить Артемьевъ съ кокардой, крашеными усами, [въ] подправленной древней одеждѣ.

Артемьевъ. Пріятнаго аппетита (кланяется Федѣ). Познакомились съ артистомъ, художникомъ?

Федя (холодно). Да, мы знакомы.

Артемьевъ (Пѣтушкову). Чтѣ-жъ портретъ кончилъ?

Пѣт. Нѣтъ, разстроилось.

Артемьевъ (садится). Я не мѣшаю вамъ?

(Федя и Пѣтушковъ молчатъ).

Пѣт. Федоръ Васильевичъ рассказывать про свою жизнь.

Артемьевъ. Тайны? Такъ я не мѣшаю, продолжайте. Я то ужъ въ васъ не нуждаюсь. Свиньи! (Отходить къ сосѣднему столу и требуетъ себѣ пива. Все время слушаетъ разговоръ Федя съ Пѣтушковымъ перегибаясь къ нимъ).

Федя. Не люблю этого господина.

Пѣт. Обидѣлся.

Федя. Ну, Богъ съ нимъ! Не могу. Какъ такой человѣкъ,—у меня слова не идутъ. Вотъ съ вами мнѣ легко, пріятно. Такъ что я говорилъ?

Пѣт. Говорили, что ревновали. Ну, а какъ же вы разошлись съ вешей женой?

Федя. Ахъ! (Задумывается). Это удивительная исторія.—Жена моя замужемъ...

Пѣт. Какъ-же? разводъ?

Федя. Нѣтъ (Улыбается). Она отъ меня осталась вдовой.

Пѣт. То-есть какъ-же?

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Все это снова показываетъ, что «недо-разумѣніе» погубило семейную жизнь Протасова—что Протасовъ любитъ «Лизу»!

Федя. А такъ-же: вдовой. Меня вѣдь нѣтъ.

Нѣтъ. Какъ нѣтъ?

Федя. Нѣтъ. Я трупъ. Да (Артемовъ перегибается, прислушивается). Видите ли, вамъ я могу сказать. Да это давно, и фамилію мою настоящую вы не знаете. Дѣло было такъ: когда я уже совсѣмъ измучилъ жену, прокутилъ все, что могъ, ¹⁾ и стать невыносимъ, явился покровитель ей. Не думайте, что что-нибудь грязное, нехорошее—нѣтъ, мой-же пріятель и хороший, хороший человѣкъ, только прямая во всемъ противоположность мнѣ. А такъ какъ у меня гораздо больше дурного, чѣмъ хорошаго, то это и былъ и есть хороший, очень хороший человѣкъ: честный, твердый, воздержанный и просто добродѣтельный. Онъ зналъ жену съ дѣтства, любилъ ее и, потомъ, когда она вышла за меня, примирился съ своей участью. Но потомъ, когда я сталъ гадою, сталъ мучить ее, онъ сталъ чаще бывать у насъ. Я самъ желалъ этого. И они полюбили другъ друга, а я къ этому времени совсѣмъ свихнулся и самъ бросилъ жену. А тутъ еще Мама. Я самъ предлагалъ имъ жениться. Они не хотѣли. Но я все дѣлался невозможнѣе и невозможнѣе и кончилось тѣмъ, что...

Нѣтъ. Какъ всегда...

Федя. Нѣтъ. Я увѣренъ и знаю, что они оставались чисты. Онъ религиозный человѣкъ, считалъ грѣхомъ бракъ безъ благословенія. Ну, стали требовать разводъ, чтобы я согласился. Надо было взять на себя вину. Надо было всю эту ложь... И я не могъ. Повѣрите ли, мнѣ легче было покончить съ собой, чѣмъ лгать. И я уже хотѣлъ покончить. А тутъ добрый человѣкъ говоритъ: зачѣмъ? И все устроили. Прощальное письмо я послалъ, а на другой день нашли на берегу одежду и мой бумажникъ, письма. Плавать я не умѣю.

Нѣтъ. Ну, а какъ-же тѣло-то, не нашли же?

Федя. Нашли; представьте *себѣ, но уже послѣ ихъ свадьбы*, ²⁾ нашли тѣло какое-то, *голос*. Позвали жену смотрѣть. Разложившееся тѣло. Она взглянула. Онъ? Онъ. Такъ и осталось. Меня похоронили, а они живутъ здѣсь и благоденствуютъ. А—я, вотъ онъ! И живу и пью. Вчера ходилъ мимо ихъ дома. Свѣтъ въ окнахъ, тѣнь чья-то прошла по сторѣ. И иногда скверно, а иногда ничего. Скверно, когда денегъ нѣтъ... (Пьетъ).

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Изъ предыдущаго уже выяснилось. 1) что Протасовъ растрачиваетъ свое состояніе «съ горя» потому что любить «Лизу», Идеальист! 2) что онъ тратилъ «свое» состояніе, а не состояніе жены. Противурѣчія съ этимъ очевидно извращеніе «Живого Трупя», гипнозомъ, посторонними лицами, или подъ вліяніемъ порыва «Непротивленія Злу».

²⁾ Слова: «себѣ, но уже послѣ ихъ свадьбы», и «голос» — добавлены мною, а слова, «черезъ недѣлю» вычеркнуты. Вычеркнулъ я, поэтому, и слово «жениться», вставленное въ «Живой Трупъ» Чертковымъ. (Подробности въ «Лучѣ Свѣта»). Это вполнѣ соответствуетъ способу симуляціи смерти Протасова—а, съ другой стороны тѣло, черезъ недѣлю, не разлагается до неузнаваемости.

Артемьевъ (подходить). Ну ужъ простите, слыпать вашу исторію. Исторія очень хорошая и, главное, полезная. Вы говорите—скверно, когда денегъ нѣтъ. Это нѣтъ сквернѣе. А вамъ въ вашемъ положеніи надо всегда имѣть деньги. Вѣдь вы трупъ. Хорошо...

Федя. Позвольте. Я не вамъ рассказывать и не желаю вашихъ совѣтовъ.

Арт. А я желаю ихъ вамъ подать. Вы трупъ, а если оживете, то что они-то,—ваша супруга съ господиномъ, которые благоденствуютъ?—они двоюженцы, и въ лучшемъ случаѣ прослѣдуютъ въ не столь отдаленныя. Такъ зачѣмъ же вамъ безъ денегъ быть?

Федя. Прощу васъ оставить меня.

Арт. Просто пишите письмо. Хотите, я напишу, только дайте адресъ, а вы меня поблагодарите.

Федя. Убирайтесь! Я вамъ говорю? Я вамъ ничего не говорилъ.

Арт. Нѣтъ, говорили. Вотъ онъ свидѣтель. Половой слышалъ, что вы говорили, что—трупъ.

Половой. Мы ничего не знаемъ.

Федя. Негодай!

Арт. Я негодай? Эй, городской! Актъ составить.

Федя (встаетъ и уходитъ. Артемьевъ держитъ его).

(Приходить городской).

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Дѣйствіе въ деревнѣ, на террасѣ, обросшей плющомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Дмитріевна Каренина, Лиза, беременная, нянька съ ребенкомъ.

Лиза. Теперь ужъ ѣдетъ со станціи.

Мальчикъ. Кто ѣдетъ?

Лиза. Папа.

Мальчикъ. Папа ѣдетъ со станціи!

Лиза. C'est étonnant come il l'aime, fout-à-fait comme son père.

Анна Дмитр. Tant mieux. Se souvient—il de son père véritable?

Лиза (вздыхаетъ). ¹⁾ Я не говорю ему. Думаю, зачѣмъ его путать. А потомъ думаю, что надо сказать ему. Вы какъ думаете, папаша?

Анна Дмитр. Я думаю, Лиза, что это дѣло чувства, и если ты отдашь своему чувству, твое сердце подскажетъ тебѣ, что и когда надо сказать.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. «Лиза» любитъ Протасова.

Какъ удивительно умиротворяетъ смерть! Признаюсь, было время, когда онъ, Федя.—вѣдь я его знала ребенкомъ—былъ мнѣ непріятель, но теперь я только помню его милымъ юношей, другомъ Викторѣ и тѣмъ страстнымъ человекомъ, который хоть и незаконно, перелюбно, но пожертвовалъ собою для тѣхъ кого любить. 1) On aura beau dire, tout ce qu'on voudra—l'action est belle... 2) Надѣюсь, Викторъ не забудетъ привезти шерсти, сейчасъ вся выйдетъ (вижетъ).

Лиза. Вотъ онъ и ѣдетъ.

(Слышны колеса и бубенчики. Лиза встаетъ и подходитъ къ краю террасы).

Лиза. Кто-то съ нимъ. Дама въ шляпѣ. Мама! я ее сто лѣтъ не видала. (идетъ къ двери).

ЯВЛЕНИЕ II,

Лиза, Анна Дмитр. Каренина, няня съ ребенкомъ. Входятъ Каренинъ и Анна Павловна.

Анна Павл. (Цѣлуется съ Лизой и Анной Дмитріевной). Викторъ меня встрѣтитъ и увезетъ.

Анна Дмитр. Прекрасно сдѣлать.

Анна Павл. Да, разумѣется. Думаю: когда еще увижу? и опять отложу. Вотъ и пріѣхала, если не прогоните,—до вечерняго поѣзда.

Каренинъ. (Цѣлуетъ жену и мать и мальчика). 3) А я какъ счастливъ.—поздравьте меня. Два дня дома. Завтра все безъ меня сдѣлаютъ.

Лиза. Прекрасно. Два дня! Давно не бывало. Съѣздимъ въ пустынь. Да?

Анна Павл. Какъ похожъ! Какой молодецъ! Только бы не все насѣдовать: сердце отцовское...

Анна Дмитріевна. Но не слабость.

Лиза. Все, все! 4) Викторъ согласенъ со мной, что если бы только съ молоду онъ былъ направленъ...

Анна Павловна. Ну, я этого ничего не понимаю. Я только не могу подумать о немъ безъ слезъ.

Лиза. И мы тоже. Какъ онъ выросъ въ нашей памяти!

Ан. Павл. Да, я думаю.

Лиза. Какъ казалось неразрѣшимымъ одно время. И какъ вдругъ все разрѣшилось.

А. Дм. Ну, Викторъ, привезъ шерсть?

1) Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Начинаютъ понимать, что «Протасовъ» любить «Лизу», что «Протасовъ»: Идеалистъ.

2) Слова: «tout ce qu'on voudra»—мною добавлены, для ясности.

3) Читай мои статьи, «о переломѣ въ чувствахъ» дѣствующихъ лицъ, и рисованіе Толстымъ событій «краткими (талантливыми) штрихами».

4) «Лиза» любить «Протасова».

Карен. Привезъ, привезъ. (Беретъ мѣшочекъ и выбираетъ). Вотъ шерсть, вотъ о-де-колоны, и вотъ письма, и вотъ конвертъ казенный на твое имя. (Подаетъ женѣ). Ну-съ, Анна Павловна, если вамъ угодно помыться, то я проведу васъ. Мнѣ и самому нужно почиститься, а то сейчасъ обѣдать. Лиза, вѣдь въ нижнюю угловую Анну Павловну?

(Лиза, блѣдная, трясущимися руками держитъ бумагу и читаетъ).

Карен. Что съ тобой? Лиза! Что тамъ?

Лиза. Онъ живъ! Боже мой! Когда же онъ освободитъ меня?! Викторъ! Что это? (Рыдаетъ).

Карен. (Беретъ бумагу и читаетъ). Это ужасно!

Анна Дмитриевна. Что? Да скажи же!

Карен. Это ужасно! Онъ живъ. И она двоеженица, и я преступникъ. Это бумага отъ судебного слѣдователя, который требуетъ къ себѣ Лизу.

Ан. Дм. Какой ужасный человекъ! Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Карен. Все ложь, ложь!

Лиза. О, какъ я ненавижу его! Я не знаю, что я говорю... ¹⁾ (Уходитъ въ слезахъ. Каренный за ней).

ЯВЛЕНИЕ III.

Анна Дмитриевна и Анна Павловна.

Анна Павловна. Какъ же онъ остался живъ?

Ан. Дмит. Знаю только, что какъ только Викторъ прикоснулся къ этому міру грязи... они затянутъ его. Вотъ и затянули. Все обманъ все ложь! ²⁾

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ VI.

Картина 1-я.

Камера судебного слѣдователя. Судебный слѣдователь сидитъ за столомъ и разговариваетъ съ Мельниковымъ. Сбоку писмоводитель перебираетъ бумаги.

ЯВЛЕНИЕ I.

Судебный слѣдователь, Мельниковъ, писмоводитель.

Суд. слѣд. Да я ей никогда этого не говорилъ. Она выдумала, а потомъ меня упрекаетъ.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Такъ ненавидитъ «любящая» женщина! Словами «Я не знаю, что я говорю»—«Лиза» подтверждаетъ: что она любила и любитъ «Протасова». Это ослѣпленные Лже-Наукою формализмовъ мозги господиновъ чловѣковъ тоже не поняли!

²⁾ Совершенно вѣрно! Но душа «Протасова безгрѣшна» чиста! Все это: Ложь обманы и преступленія, вынуждаемые, создаваемые, Лже-Наукою Многозаконія. Формализмовъ, Наукой «Корректной Лжи» «Корректнаго Грабежа» и «Условнаго Противу, ворства»—Противника «Истиннаго Божественнаго Однозаконія» и «Любобваго, Реальнаго. Бича Христа»!

Мельн. Она не упрекаетъ, а огорчается.

Суд. слѣд. Ну, хорошо, я приду объѣдать. А теперь дѣло очень интересное. Просите.

Исьм. Обояхъ?

Суд. слѣд. (кончая курить и пряча пачиросу). Нѣтъ, — одну г-жу Каренину, или правильнѣе по первому мужу, Протасову.

Мельн. (уходя). А! Это Каренина.

Суд. слѣд. Да. Грязное дѣло! Положимъ, я еще только начинаю разслѣдованіе; но нехорошо. Ну, прощай. (Мельниковъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Судебный слѣдователь, письмоводитель и Лиза подъ вуалью, въ черномъ, входятъ.

Суд. слѣд. Прощу покорно (указывая на стулъ). Повѣрьте, что очень сожалѣю о необходимости дѣлать вамъ вопросы, но мы поставлены въ необходимость... Пожалуйста успокойтесь и знайте, что вы можете не отвѣчать на вопросы. Только мое мнѣніе, что вамъ, да и для всѣхъ, лучше правда. Всегда лучше и даже практичнѣе.

Лиза. Мнѣ нечего скрывать.

Суд. слѣд. Такъ вотъ (смотреть въ бумагу). Ваше имя, званіе, исповѣданіе—это все я записать,—такъ?

Лиза. Да.

Суд. слѣд. Вы обвиняетесь въ томъ, что вы, зная о томъ, что вашъ мужъ живъ, вышли замужъ за другого.

Лиза. Я не знала.

Суд. слѣд. И еще въ томъ, что уговорили своего мужа, подкупивъ его деньгами, совершить обманъ—подобіе самоубійства, съ тѣмъ, чтобы освободиться отъ него.

Лиза. Все это неправда.

Суд. слѣд. Такъ вотъ позвольте нѣсколько вопросовъ. Переслали вы ему въ іюль прошлаго года деньги, тысячу двѣсти рублей?

Лиза. Деньги эти были его деньги. Онѣ были выручены за его вещи. И въ то время, какъ я разсталась съ нимъ и ждала отъ него развода, и послала ихъ ему.

Суд. слѣд. Такъ-съ. Очень хорошо. Деньги эти посланы 17-го іюля, т.-е. за два дня до его исчезновенія.

Лиза. Кажется, что 17 іюля. Я не помню.

Суд. слѣд. А почему прекращены были ходатайства въ консисторію въ то же время и было отказано адвокату?

Лиза. Не знаю.

Суд. слѣд. Ну-съ, а когда полиція пригласила васъ свидѣтельствовать, какиѣмъ образомъ признали вы въ немъ своего супруга?

Лиза. Я была такъ взволнована тогда, что не смотрѣла на тѣло, и такъ была увѣрена, что это *разложившееся тѣло* онъ, что, когда меня спросили, я отвѣтила: кажется, что онъ ¹⁾).

Суд. слѣд. Да, вы не рассмотрѣли отъ весьма понятнаго волненія. Хорошо-съ. Ну-съ, а почему, позвольте узнать, отъ васъ ежемѣсячно была посылка денегъ въ Саратовъ, въ тотъ самый городъ, въ которомъ проживалъ вашъ первый мужъ?

Лиза. Деньги эти посылать мой мужъ. *Онъ посылался бѣдному часовщику Евгеніеву — отчасти и изъ денегъ Федора Васильевича—и о чемъ онъ просилъ насъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ.* Онъ не посылался Федору Васильевичу. Мы были твердо увѣрены, что его нѣтъ. Это я могу вамъ вѣрно сказать ²⁾).

Суд. слѣд. Очень хорошо. Одно позвольте вамъ замѣтить, милостивая государыня, — мы слуги закона, но это не мѣшаетъ намъ быть людьми. И повѣрте, что я понимаю вполне ваше положеніе и принимаю участіе въ немъ. Вы были связаны съ человѣкомъ, который тратилъ имущество, дѣлалъ невѣрности, ну, однимъ словомъ, дѣлалъ несчастье въ...

Лиза. Я любила его.

Суд. слѣд. Да, но все-таки вамъ естественно желаніе освободиться, и вы избрали этотъ болѣе простой путь, не подумавъ о томъ, что это приведетъ васъ къ тому, что считается преступленіемъ—двоебрачію,—это понятно и мнѣ. И судьи поймутъ это. И потому я бы совѣтовалъ вамъ открыть все. *Признайтесь—часовщикъ Евгеніевъ передавалъ деньги вашему мужу?* ³⁾

Лиза. Мнѣ нечего открывать. Я никогда не лгала (плачетъ). Я не нужна больше?

Суд. слѣд. Я бы попросить васъ побыть еще здѣсь. Я не буду, не буду больше беспокоить васъ вопросами. Только позвольте прочесть и подписать. Вотъ допросъ. Такъ ли выражены ваши отвѣты? Прошу покорно сюда (указываетъ кресло у окна). (Къ письмоводителю). Попросите г-на Каренина.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Слова: «разложившееся тѣло» добавлены мною. Слова и дѣйствія «Лизы» вполне понятны тѣмъ болѣе, что она любила «Протасова».

²⁾ Слова: «И я не могу сказать про ихъ назначеніе, такъ какъ это не моя тайна» и «Но только», мною вычеркнуты и замѣнены словами: «Онъ посылался бѣдному часовщику Евгеніеву, отчасти и изъ денегъ Федора Васильевича — и о чемъ онъ просилъ насъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ». Сдѣланныя мною измѣненія написаны «курсивомъ». Такъ это будетъ и дальше.

³⁾ Слова: «Признайтесь—часовщикъ Евгеніевъ передавалъ деньги вашему мужу?» -- добавлены мною!

ЯВЛЕНИЕ III.

Судебный слѣдователь, писмоводитель, Лиза. (Входитъ Каренинъ, строго, торжественно).

Суд. слѣд. Прошу покорно.

Карен. Благодарю (стоитъ). Что вамъ угодно?

Суд. слѣд. Я обязанъ снять допросъ.

Карен. Въ качествѣ чего?

Суд. слѣд. (улыбаясь). Я въ качествѣ судебного слѣдователя; съ васъ же я долженъ снять допросъ въ качествѣ обвиняемаго.

Карен. Вотъ какъ? Въ чемъ же?

Суд. слѣд. Въ женитбѣ на замужней женщинѣ. Впрочемъ, позволяю сдѣлать вопросы по порядку. Присядьте.

Карен. Благодарю.

Суд. слѣд. Ваше имя?

Карен. Викторъ Каренинъ.

Суд. слѣд. Званіе?

Карен. Камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Суд. слѣд. Возрастъ?

Карен. 38 лѣтъ.

Суд. слѣд. Вѣры?

Карен. Православною, подѣ судомъ и слѣдствіемъ не бываю. Ну-съ?

Суд. слѣд. Извѣстно ли вамъ было, что Федоръ Васильевичъ Протасовъ живъ, когда вы вступали въ бракъ съ его женой?

Карен. Не было извѣстно. Мы оба были убѣждены, что онъ утонуть.

Суд. слѣд. Куда вы посылали ежемѣсячно деньги въ Саратовъ, послѣ ложнаго извѣстія о смерти Протасова?

Карен. ¹⁾ Я, согласно просьбѣ Федора Васильевича въ его предсмертномъ письмѣ, посылалъ ихъ быдному часовщику Евгеніеву!

Суд. слѣд. У васъ есть это письмо?

Карен. Конечно. Мы его сохранили.

Суд. слѣд. (иронически) Ну-съ --а тотъ посылалъ ихъ дальше --ну Протасову? Признайтесь!

Карен. (удивленно). Вы подумаете? Никогда это мнѣ и въ голову не приходило! (задумываясь). Но я этому не вѣрю -- это совсѣмъ не похоже на Федора Васильевича!..

Суд. слѣд. (иронически). Очень хорошо-съ. Съ какою цѣлью были посланы вами деньги, тысяча двѣсти рублей, г-ну Протасову передъ самой симуляціей его смерти, 17 июля?

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Слова Каренина: «Я не желаю на это отвѣчать» (чтай мою статью) мною вычеркнуты и замѣнены всѣмъ тѣмъ, что написано курсивомъ. Такъ это и дальше. Все это въ согласіи съ идеей пьесы указанной Толстымъ

Карен. Деньги эти были переданы мнѣ моею женой...

Суд. слѣд. Г-жей Протасовой?

Карен. ...моей женой для отправки ея мужу. Деньги эти, она считала его собственностью и, разорвавъ связи съ нимъ, считала несправедливымъ удержать эти деньги.

Суд. слѣд. Теперь еще одинъ вопросъ: почему вы прекратили ходатайство о разводѣ?

Карен. Потому что Федоръ Васильевичъ взялъ на себя это ходатайство и писать мнѣ объ этомъ.

Суд. слѣд. Есть у васъ это письмо?

Карен. Письмо затеряно.

Суд. слѣд. Какъ странно, что затеряно и отсутствуетъ то, что могло бы убѣдить правосудіе въ справедливости вашихъ показаній.

Карен. *Тогда, это письмо особеннаго значенія, конечно, не имѣло?* ²⁾ Нужно вамъ еще что-нибудь?

Суд. слѣд. Мнѣ ничего не нужно, кромѣ исполненія моего долга, а вамъ нужно оправдаться, и я сейчасъ совѣтовалъ г-жѣ Протасовой, и то же посоветовалъ бы вамъ: не скрывать того, что всемъ очевидно, а рассказать все, какъ было дѣло. Тѣмъ болѣе, что г-нъ Протасовъ въ такомъ положеніи, что онъ уже показывалъ все, какъ было, и вѣроятно, и на судѣ все такъ же покажетъ. Я бы совѣтовалъ...

Карен. Я бы просилъ васъ оставаться въ рамкахъ исполненія своихъ обязанностей, а совѣты свои оставить. Можемъ мы уйти? (Подходить къ Лизѣ. Она встаетъ и беретъ его за руку).

Суд. слѣд. Очень сожалѣю, что долженъ задержать васъ... (Каренинъ удивленно оборачивается). О, нѣтъ не въ томъ смыслѣ, чтобы арестовать васъ. Хотя это и было бы удобнѣе для разслѣдованія истины, я не прибѣгну къ этой мѣрѣ. Я только желалъ бы при васъ сдѣлать допросъ Протасову и дать вамъ съ нимъ очную ставку, при которой вамъ удобнѣе будетъ уличить его въ неправдѣ. Пропу присѣсть. Позовите г-на Протасова.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Судебный слѣдователь, письмоводитель, Лиза, Каренинъ. Входитъ грязный, опустившійся Федя.

Федя. (Обращается къ Лизѣ и Каренину). Лиза, Елизавета Андреевна, Викторъ. Я не виноватъ. Я хотѣлъ сдѣлать лучше. А если виноватъ... Простите, простите... (кланяется имъ въ ноги).

Суд. слѣд. Пропу васъ отвѣчать на вопросы.

Федя. Спрашивайте.

²⁾ Прямѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Эти слова мною добавлены.

Суд. слѣд. Ваше имя?

Федя. Вѣдь вы знаете.

Суд. слѣд. Прошу васъ отвѣчать.

Федя. Ну, Федоръ Протасовъ.

Суд. слѣд. Ваше званіе, года, вѣра?

Федя. (Молчитъ). Какъ вамъ не совѣстно спрашивать эти глупости? Спрашивайте, что нужно, а не пустяки.

Суд. слѣд. Я прошу васъ быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ и отвѣчать на мои вопросы.

Федя. Ну, коли не совѣстно, извольте. Званіе—кандидатъ, года—сорокъ, вѣра—православною; ну-съ, дальше.

Суд. слѣд. Было ли извѣстно г-ну Каренину и вашей женѣ, что вы живы, когда вы оставили свою одежду на берегу рѣки и сами скрылись?

Федя. Навѣрно нѣтъ. Я хотѣлъ точно убить себя, но потомъ... ну за это не нужно рассказывать. Дѣло въ томъ, что они ничего не знали.

Суд. слѣд. Какъ же вы полицейскому чиновнику показывали по другому.

Федя. Какому полицейскому чиновнику? А, это когда онъ ко мнѣ пришелъ въ Ржановъ домъ. Я былъ пьянъ и вралъ ему, что—не помню. Все это вздоръ. Теперь я не пьянъ и говорю всю правду. Они ничего не знали. Они вѣрили, что меня нѣтъ. И я радъ быть этому. И это бы такъ и осталось, если бы не негодій Артемьевъ. И если кто виноватъ, то я одинъ.

Суд. слѣд. Я понимаю, что вы хотите быть великодушны, по закону требуетъ истины. Почему вамъ посланы были деньги?

Федя. (Молчитъ). *Какія деньги?*

Суд. слѣд. *Которыя посылала вамъ ваша жена передъ симуляціей...*

Федя. *Эти деньги посылались для надобностей развода—но я не въ силахъ былъ исполнить эти пожеланія и преступленія и, рѣшивъ лишить себя лучшей жизни, послалъ ей деньги обратно для бѣднаго часовщика Евгеньева!*

Суд. слѣд. (иронически) *Хорошо-съ. Ну-съ, а вы получали деньги отъ Евгеньева?*¹⁾

Федя. (Молчитъ отъ удивленія).

Суд. слѣд. Почему вы не отвѣчаете? Въ протоколъ будетъ записано, что на этотъ вопросъ обвиняемый не отвѣчалъ, и это можетъ очень повредить и вамъ и имъ. Такъ какъ же.

Федя. (Молчитъ и потомъ): Ахъ, господинъ слѣдователь, какъ вамъ не стыдно?! Ну что вы лѣзете въ чужую жизнь? Рады, что имѣете власть и,

¹⁾ Прямѣваніе барона Каульбарса. Слова, «черезъ Симонъ» мною вычеркнуты для ясности и замѣнены словами. «отъ Евгеньева». Толстой, очевидно называетъ тутъ «Евгеньева» именемъ. Остальное (курсивомъ) мои измѣненія, (читай мою статью) и согласно съ идеей пьесы, указанной Толстымъ.

чтобы показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые въ тысячу разъ лучше васъ.

Суд. слѣд. Прошу васъ...

Федя. Нечего просить. Я скажу все, что думаю. А вы пишите (письмоводителю). Но крайней мѣрѣ въ первый разъ будутъ въ протоколъ разумныя человѣческія рѣчи (возвышаетъ голосъ). Живутъ три человѣка: я, онъ, она. Между ними сложныя отношенія—борьба добра со зломъ, такая духовная борьба, о которой вы понятія не имѣете. Борьба эта кончается извѣстнымъ положеніемъ, которое все развизываетъ. Всѣ успокоены. Они счастливы—любятъ память обо мнѣ. Я въ своемъ паденіи счастливъ тѣмъ, что я сдѣлать, что должно, что я, негодный, ушелъ изъ жизни, чтобы не мѣшать тѣмъ, кто полонъ жизни и хороши. И мы всѣ живемъ. Вдругъ является негодяй, шантажистъ, который требуетъ отъ меня участія въ шантажѣ. Я прогоняю его. Онъ идетъ къ вамъ, къ борцу за правосудіе къ охранителю нравственности. И вы, получая 20-го числа по двугривенному за пакость, надѣваете мундиръ и съ легкимъ духомъ куражитесь надъ ними, надъ людьми, которыхъ вы мизинца не стоите, которые васъ къ себѣ въ переднюю не пустятъ. Но вы добрались и рады...

Суд. слѣд. Я васъ выведу...

Федя. Я не боюсь никого, потому что я трусъ, и со мной ничего не сдѣлаете; нѣтъ того положенія, которое было бы хуже моего. Ну ведите. *Мнѣ все равно... Но зачемъ вы любите Каренина... (рыдая) мою Лизу!? Но что мнѣ дѣлать?.. Вѣдь вы не поверите ни часовщику Евсѣеву, ни цыганкѣ Машѣ!? Вы помышляете вѣдь на вашей Наукѣ, законахъ, деспотизмѣ, слепотѣ, на формализмѣ!!*

Суд. слѣд. Я васъ заставлю молчать! ¹⁾

Карен. Мы можемъ уйти?

Суд. слѣд. Сейчасъ, подписать протоколъ.

Федя. И какъ бы смѣшны вы были, если бы не были такъ гадки!

Суд. слѣд. Уведите его. Я арестую васъ.

Федя. (Къ Каренину и Лизѣ). Такъ простите.

Карен. (подходить и подаетъ руку). Такъ видно должно было быть...

(Лиза, рыдая, проходитъ. Федя низко кланяется).

Занавѣсъ.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Все, что курсивомъ мною добавлено.

Картина 2-я.

Коридоръ въ зданіи Окружнаго суда. На заднемъ планѣ стеклянная дверь, у которой стоитъ курьеръ. Правѣе, другая дверь, въ которую вводятъ подсудимыхъ. Къ первой двери подходитъ Иванъ Петровичъ Александровъ, оборванный, хочетъ пройти.

ЯВЛЕНИЕ I.

Курьеръ и Иванъ Петровичъ. ¹⁾

Курьеръ. Куда? Нельзя. Вить дѣзеть!

Ив. Петр. Отчего нельзя? Законъ гласитъ: засѣданія публичны.

(Раздаются аплодисменты).

Курьеръ. А вотъ нельзя, да и все. Не велѣно.

Иванъ Петр. Певѣжа! Не знаешь, съ кѣмъ говоришь.

(Выходитъ молодой адвокатъ во фракѣ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Курьеръ, Иванъ Петровичъ и Молодой адвокатъ.

Молодой адвокатъ. Что вы, по дѣлу?

Иванъ Петр. Пѣтъ, я публика. А вотъ певѣжда, черберъ—не пускаетъ.

Мол. адвокатъ. Да вѣдь здѣсь не для публики.

Иванъ Петр. Знаю, только меня-то можно пустить.

Мол. адвокатъ. Погодите, перерывъ будетъ сейчасъ (хочетъ уходить, встрѣчаетъ князя Абрезкова).

ЯВЛЕНИЕ III.

Курьеръ, Иванъ Петровичъ, молодой адвокатъ и кн. Абрезковъ.

Кн. Абрез. Позвольте узнать, въ какомъ положеніи дѣло?

Мол. адвокатъ. Рѣчи адвокатовъ. Петрушинъ говоритъ (оняты аплодисменты).

Кн. Абр. Что же, какъ подсудимые несутъ свое положеніе?

Мол. адв. Съ большимъ достоинствомъ, особенно Каренинъ и Елизавета Андреевна. Не ихъ судить, а они судить общество. Это чувствуется. На эту тему и ловить Петрушинъ.

Кн. Абр. Ну, а Протасовъ.

Мол. адв. Ужасно возмущенъ. Весь трясется какъ-то; но это по-

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Въ этой сценѣ, вся происходящая въ помещеніи около залы въ которой происходитъ Судъ, нѣсколько разъ говорится о томъ, что «слышны аплодисменты». Это предлагаю вычеркнуть, а оставить только разъ, такъ какъ сочувствіе, выражаемое рѣчамъ, или подсудимыхъ, публикою, небыло бы допущено председателемъ суда болѣе одного раза.

нятно по его жизни. Но какъ-то особенно раздражёнъ, перебивалъ нѣсколько разъ и прокурора и адвокатовъ ¹⁾. Въ какомъ-то особенномъ возбужденіи.

Кн. Абр. Какой же результатъ полагаете?

Молод. адвокат. Трудно сказать. Во всякомъ случаѣ предумышленности не признаютъ, но все-таки... ²⁾ (Выходитъ какой-то господинъ. Кн. Абрезковъ двигается къ двери). Вы хотите пройти?

Кн. Абр. Да, хотѣлъ бы.

Мол. адвок. Вы князь Абрезковъ?

Кн. Абр. Я.

Мол. адвок. (къ курьеру). Пропустите. Тутъ сейчасъ палѣво стулъ свободный.

(Курьеръ пропускаетъ кн. Абрезкова. Дверь отворяется и виденъ говорящій адвокатъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Курьеръ, молодой адвокатъ и Иванъ Петровичъ.

Ив. Петр. Аристократы! Я аристократъ духа, а это выше ³⁾.

Мол. адвокатъ. Ну, ужъ извините (проходить).

ЯВЛЕНІЕ V.

Курьеръ, Иванъ Петровичъ и Пѣтушковъ.

(Поспѣшно идетъ Пѣтушковъ).

Пѣтушк. А, здравствуй, Иванъ Петровичъ! Чтѣ дѣло?

Иванъ Петр. Да еще рѣчи адвокатовъ. Да вотъ не пускаютъ.

Курьеръ. А вы не шумите тутъ. Тутъ не кабакъ. (Опять аплодисменты. Отворяются двери, выходятъ адвокаты, зрители: мужчины и дамы).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и дама и офицеръ.

Дама. Прекрасно, прямо до слезъ доведъ.

Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. ¹⁾ Это естественно, ибо тѣ и другіе, будучи юристами, формалистами, говорятъ абсурды, нелогичности, пошлости т. е. формализмы. Это въ крови юриста. Это продуктъ гнилоза Логикѣ Лжи, происходившій тысячелѣтіями. Это творится уже и внѣ гражданскихъ судовъ. За логику такого типа—Логикѣ Формы—въ «порядочномъ» обществѣ бьютъ хлыстомъ, ибо это хамство или мошенничество, или считаютъ подобное лицо ненормальнымъ: поющимъ аріи изъ дома умалишенныхъ! Но какъ только вы перешли порогъ Суда, то эти-же разсужденія, эта-же логика, называются: высоконучными! И продуктами этой логики загнипотизированные слѣпцы сплелы устроить: Справедливость! Думаютъ, что ею можно добиться Правды!

²⁾ Удивителенъ этому нечего, ибо Толстой вкладываетъ эту фразу въ ротъ «молодому» адвокату, не погрязшему вполне еще мозгами и душой въ Лжѣ-логику формализмовъ.

³⁾ Иванъ Петровичъ—принесшій Протасову револьверъ—какъ видно, такой и есть. Но чиновники, слѣпцы, лжецы, формалисты, оставляютъ ихъ всѣхъ «за дверью».

Офицеръ. Лучше всякаго романа. Только непонятно, какъ она могла такъ любить его. Ужасная фигура! ¹⁾

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же. Отворяется другая дверь: выходятъ подсудимые: сначала Лиза и

Каренинъ и проходятъ по коридору, за ними Федя одинъ.

Дама. Тише. Вотъ онъ. Посмотрите, какъ онъ взволнованъ. (Дама и офицеръ проходятъ).

Федя (подходить къ Нв. Петр.). Принесъ?

Нв. Петр. Вотъ онъ. (Подаетъ что-то).

Федя. (Прячетъ въ карманъ и хочетъ идти; видитъ Ивтушкова). Глупо, пошло! Скучно. Скучно. Безсмысленно. (Хочетъ уходить).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Петрушинъ, адвокатъ, толстый, румяный, оживленный, подходитъ.

Петрушинъ. Ну, батюшка, дѣла наши хороши, только вы въ послѣдней рѣчи не напортите мнѣ.

Федя. Да я не буду говорить. Что мнѣ говорить?! Я не буду.

Петрушинъ. Итъ, сказать надо. Да вы не тревожьтесь. Теперь уже все дѣло въ шляпѣ. Вы только скажите то, что вы мнѣ говорили: что если васъ осудятъ, — такъ только за то, что вы не совершили самоубійства, т.-е. того, что считается преступленіемъ по закону и гражданскому и церковному...

Федя. Я ничего не скажу.

Петрушинъ. Отчего?

Федя. Не хочу, и не скажу. *Да разве мозги помѣщенные на человеческихъ и научныхъ законахъ и на формализмахъ способны понять людей разсуждающихъ по Здравому Смыслу и по Совѣсти?! ²⁾* Вы только мнѣ скажите: въ худшемъ случаѣ, что можетъ быть?

Петрушинъ. Я уже вамъ говорилъ: въ худшемъ случаѣ — ссылка въ Сибирь.

Федя. То-есть кого ссылка?

Петрушинъ. И васъ, и вашей жены.

Федя. А въ лучшемъ?

Петрушинъ. Церковное покаяніе и, разумѣется, расторженіе второго брака.

Федя. То-есть они опять меня свяжутъ съ ней, то-есть ее со мной?..

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Это опять гнилозъ Логикѣ Формъ, вѣщности, рамки, обьяурившихся Лже-Наукою мозговъ, создающій затѣмъ и вырожденіе чувствъ.

²⁾ Добавлено мною.

А мнѣ придется значить всетаки продолжать весь преступленіи и пошлости разводнаго процесса? ¹⁾

Петрушинъ. Да, ужъ это, какъ должно быть. Да вы не волнуйтесь. И, пожалуйста, скажите, какъ я вамъ говорю; и только, главное, ничего лишняго. Ну, впрочемъ... (замѣчая, что ихъ окружили и слушаютъ). Я усталъ, пойду, посижу. И вы отдохните, пока. Главное, не робѣть.

Федя. И другого не можетъ быть рѣшенія?

Петрушинъ (уходя). Никакого другого.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Петрушина и Судейскій.

Судейскій. Проходите, проходите, нечего въ коридорѣ стоять!

Федя. Сейчасъ. (Вынимаетъ пистолетъ и стрѣляетъ себѣ въ сердце. Падаетъ. Всѣ бросаются къ нему). Ничего, кажется хорошо. Лизу!..

ЯВЛЕНІЕ X.

(Выбѣгаютъ изъ всѣхъ дверей зрители, судьи, подсудимые, свидѣтели. Впереді всѣхъ Лиза. Сзади Маша и Каренинъ, Ив. Петров. и кн. Абрезковъ).

Лиза (рыдая и обнимая Федю). Чтѣ ты сдѣлалъ, Федя? Зачѣмъ?

Федя. Прости меня, что не могъ... иначе распутать тебя... *Винувата Наука и ея человеческое Многозаконіе!.. ²⁾* Не для тебя... мнѣ этакъ лучше. Вѣдь я уже давно... готовъ...

Лиза. Ты будешь живъ. (Докторъ нагибается, слушаетъ).

Федя. Я безъ доктора знаю... Викторъ, прощай!.. А Маша... опоздала... (плачетъ). Какъ хорошо... Какъ хорошо... (умираетъ).

Зада ³⁾ освѣщается свѣтомъ удара молніи. Затѣмъ слышны продолжительныя раскаты грома. Общее смятеніе. Особенно мучатся судьи. Всѣ крестятся. Полное спокойствіе, крестясь, сохраняютъ лишь Каренинъ, Лиза,

Маша и Иванъ Петровичъ.

Ив. Петровичъ. (обращаясь къ судьямъ, торжественно). Такъ вамъ слышамъ, формалистамъ, лицемерамъ, нужно! Ленне!.. Не сумѣли отличить обычныхъ своихъ пошляковъ, научныхъ и закономирныхъ... отъ Идеалистовъ, доводящихъ честность до конца!.. (обнимаетъ и цѣлуетъ Федю. Выпрямившись. Торжественно). Жди меня! Правдисту и Генію—одна дорога!.

Занавѣсъ.

Конецъ.

¹⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Добавлено мною.

²⁾ Добавлено мною.

³⁾ Примѣчаніе барона К. В. Каульбарса. Вся эта сцена, и что «курсивомъ», мною добавлено. Это вполне, вполне, соответствуетъ идеѣ пьесы, душѣ Толстого, а 2) это окончательно обрисовываетъ и личность Ивана Петровича, положеніе «раздраженныхъ русскихъ правдистовъ, геніевъ», т. е. идею Толстого! Подробности въ статьѣ «Лучъ Свѣта»; (страница № 30).